

В. ДАВЫДОВ

ЭТО ИЗРАИЛЬ!

ПЬЕСЫ

*Посвящается 20-летию большой алии
(репатриации) из бывшего Советского
Союза*

Вячеслав Давыдов (Барух)

Это Израиль!

ПЬЕСЫ

Terra incognita

Тель-Авив 2011

Vjacheslav Davydov (Baruh)

Вячеслав Давыдов (Барух)

This is Israel! Plays

Это Израиль! Пьесы

© 2011
All rights reserved
by the author

© 2011
Все права
принадлежит автору

Edited by Ron Karmi

Редактор Рон Карми

Design of the cover
by Leonid Klevitsky

Дизайн обложки
Леонида Клевицкого

Design of book
by Alex Sheingart

Графика, верстка –
Александр Шейнгарт

Format 140 x 210.
Paper - Offset

Формат 140x210.
Бумага – офсетная

Printed by "Shahav Dfus"
13 Peretz st. Tel Aviv

Отпечатано
в типографии «ДФус Шахав»
Тель-Авив, ул.И.Л.Перец 13

ISBN 978-965-7094-59-4

ISBN 978-965-7094-59-4

Phone 077-9336103
Beer Sheva

Телефон 077-9336103
Беер Шева

Портрет работы Натальи Ланге

Вячеслав Давыдов (Барух) родился в Москве 6 октября 1946 г. По профессии - музыкант, доктор искусствоведения. В 1969 году окончил Московскую консерваторию имени П.И. Чайковского по классу гобоя, в 1984 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему "Гобой в инструментальной музыке XVIII века" (в Израиле приравнена к докторской), в течение 15 лет преподавал на Военно-дирижерском факультете при Московской консерватории. В России освоил вторую профессию экскурсовода. Автор публикаций в области искусствоведения и краеведения. Литературой серьезно увлекся в 22 года, работал в жанрах прозы, поэзии, драматургии.

В Израиль репатриировался вместе с семьей в 1991 г. Первое время жил в Иерусалиме, затем в Офакиме, где преподавал в музыкальной школе, работал на археологических раскопках. С 2000 г. житель Безр-Шевы, член литобъединения "Негев".

В 1999 г. принят в Союз писателей Израиля. Выпустил три книги стихов: "Союз двух муз" (1996), "Россия издалека" (1998), "На своей земле" (2001). Как журналист, постоянно публикуется в русскоязычной периодической печати, имеет публикации в альманахах "Роза ветров", "Хронометр", "Возвращение в Сион", "Наше слово", "Поэты Офакима", "Горизонт", "Талисман пустыни", "Мирвори" и др. С 2003 г. член редколлегии "Кавказской газеты". Автор 10 пьес, одна из которых - "Развод по-кавказски" поставлена на сцене Кавказского театра в 2010 году.

От автора

«Ну, вот, объявился еще один драматург!», - наверняка воскликнет сердитый читатель, открывая сборник моих пьес «Это Израиль!» - Что, разве мало написано пьес до сих пор? Да их пруд пруди! И надо ли писать, когда уже есть Шекспир, Мольер, Лопе де Вега, Гольдони, Гоголь, Островский, Булгаков, Вампилов, Володин, Левин и много других замечательных драматургов!». И я отвечу такому читателю: «Надо! Потому что мы живем совсем в другое время, в другую эпоху и в других условиях, чем вышеназванные корифеи театра. Их уже не воскресить, и потому, если мы сами о себе не напишем, то никто о нас не напишет!».

Однако неугомонный читатель готов обрушить на бедного автора еще один каверзный вопрос: «Кому нужны ваши пьесы, если они не идут на сцене театров?» Во-первых, одна из моих пьес – комедия «Развод по-кавказски» была в 2010 году поставлена на сцене Кавказского театра в Хадере. Во-вторых, я напомню, что история театрального искусства знает великое множество примеров, когда дату написания пьесы от даты ее постановки отделяло немало лет, а бывало, автор не дождался постановки своей пьесы при жизни. Судьбы пьес, как и пути Господни, неисповедимы, ибо они зависят от многих привходящих обстоятельств: воли режиссеров, желания артистов, репертуарных планов и финансовых возможностей театров и т.д. Понятно, что театру нужен прежде всего Его Величество Успех, а это неизбежно влияет на выбор той или иной пьесы для постановки.

Хотя предлагаемый читателю, надеюсь, удовлетворенному моими ответами, сборник моих пьес выпускается впервые, искусство театра привлекало меня с юных лет. Еще в годы учебы в Москве я активно участвовал в школьном драматическом кружке, в котором переиграл немало ролей, причем, по общему мнению, мне особенно удавались роли стариков. Я часто посещал знаменитые спектакли московских и гастрольных театров, некоторое время ходил на семинар по драматургии в Литературном институте, который вели В. Розов и И. Вишневская, записанный в Театральную библиотеку, постоянно читал новинки в области драматургии, был участником постановок Театральной студии при музее истории и реконструкции Москвы. С тех пор любовь к искусству театра осталась во мне на всю жизнь.

Еще до выезда в Израиль я написал в Москве две пьесы: «Они герои» (1972) и «Час ученичества» (1984). Драматургия как жанр привлекла меня возможностью в предельно сконцентрированной драматической форме отражать жизнь. После репатриации в Израиль в 1991 году я сочинил три пьесы из жизни горских евреев в стране, одна из которых – «Любовь горца» вышла в издательстве «Мирвори» (2009), а две другие – «Развод по-кавказски» и «Время жениться» были опубликованы в альманахе «Хронометр» (2010).

В сборник «Это Израиль!» вошли четыре пьесы о репатриантах из России и стран СНГ: «Место под солнцем» (2003), «Он и она в отсутствии скамейки», «Кафе для двоих» (обе напечатаны в альманахе «Хронометр», 2009) и «Это Израиль!», давшая название всему сборнику. Приуроченный к моему 65-летнему юбилею, он посвящается 20-летию алии (репатриации) из бывшего Советского Союза.

Место под солнцем

Пьеса в двух действиях

От автора

«Место под солнцем» является первой пьесой, написанной мной в Израиле и законченной в январе 2003 года. Ей предшествовали две пьесы, сочиненные в России, – «Они – герои» и «Час ученичества». Новая пьеса рассказывает о жизни еврейской молодежи, репатриировавшейся из стран СНГ в Израиль в 90-е годы XX века. Спустя семь лет я вернулся к пьесе «Место под солнцем» с целью подготовки ее к публикации, для чего заново отредактировал и сократил ее. В пьесе используется музыка 5-й симфонии Бетховена, 8-й "Неоконченной" симфонии Шуберта, песни Б. Стрейзанд, Б. Окуджавы и Д. Захави на стихи Ханы Сенеш.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ХАНА, 18 лет
ЯКОВ, 19 лет
НАДЯ, 18 лет
ВЛАДИК, 14 лет, ее брат
ИЛАНА, 18 лет
ВЕРА, 19 лет
ХАИМ, 17 лет
ИЛЬЯ, 18 лет

Действие пьесы происходит в одном из городков на севере Негева в годы Большой Алии в Израиль из России в 90-е годы XX века, осенью, за несколько дней до праздника Суккот.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Интерьер амидаровской квартиры в доме Иланы. На сцене спальня и салон, переходящий в кухню. Сквозь занавески на окнах пробивается утреннее солнце. На кровати рядом лежат Яков и Илана. Гремит будильник. Яков резко приподнимается с постели, берет в руки будильник, выключает его и снова ложится. Илана слегка шевелится, приподнимает и опускает голову и натягивает

на себя одеяло. Так они лежат еще минуту, после чего Яков вскакивает в одних плавках с постели, раздвигает на окнах занавески, делает круг по салону и включает радио. Звучат новости по радио РЭКА. Потом он делает звук тише, переводит радио на легкую музыку и совершает короткую зарядку. Затем подходит к постели и решительно срывает одеяло с Иланы.

ЯКОВ. Иланка, ты думаешь встать?

ИЛАНА (*сквозь сон*). Отстань от меня. Не видишь, я голая? Давай одеяло! (*Отнимает у Якова одеяло и натягивает на себя.*)

ЯКОВ. Ты знаешь, сколько сейчас времени?

ИЛАНА (*сквозь одеяло*). Отстань! Не знаю и знать не хочу!

ЯКОВ. Начало девятого! Ты не забыла, что в девять ульпан?

ИЛАНА. Ульпан не волк, в лес не убежит.

ЯКОВ. Времени в обрез. У меня сегодня тысяча дел!

ИЛАНА (*высовывая голову из-под одеяла*). Каких?

ЯКОВ. Уже забыла? После ульпана еду на музыкальный конкурс в Беэр-Шеву. Волнуюсь страшно.

ИЛАНА. А еще что?

ЯКОВ. Вечером нас приглашает к себе Хана на день рождения.

ИЛАНА. А кто такая Хана?

ЯКОВ. Мы до переезда сюда жили в одной олимовской гостинице в Иерусалиме. Умная и серьезная девушка.

ИЛАНА. И у тебя с нею был роман?

ЯКОВ. Какой там роман! Просто вместе ходили в один ульпан.

ИЛАНА. Очень хочешь пойти на вечер?

ЯКОВ. Неудобно отказываться. Всё-таки вместе учились в Иерусалиме.

ИЛАНА. Ладно, я не против. (*Откидывает одеяло и садится на кровать.*) Пусть провалится этот ульпан сквозь землю! Не хочется, а надо вставать. Поможешь мне одеть футболку?

ЯКОВ (*надевая футболку на Илану*). С превеликим удовольствием. Ты после сна особенно прекрасна.

ИЛАНА. Спасибо за комплимент. А ты, Яков, настоящий кавалер! Давай поцелуемся! (*Целует Якова.*) Какая славная была у нас ночь любви!

ЯКОВ. Славная – не то слово. Эту ночь я никогда не забуду. Что может быть в жизни слаще секса? Только секс!

ИЛАНА (*смеясь*). Да, секс – это... сплошной восторг!

ЯКОВ. Ты подарила мне такую радость, будто я побывал в раю.

ИЛАНА. Признайся, я у тебя первая женщина?

ЯКОВ. Не столь важно. А фигурка у тебя... просто прелесть! Одна грудь чего стоит!

ИЛАНА. Приятно слышать. Ты разбираешься в женской красоте.

ЯКОВ. И вообще мне кажется, что мы с тобой похожи на Ромео и Джульетту. Не так ли?

ИЛАНА *(смеясь)*. Еще как похожи!

ЯКОВ. Мне даже кажется, что Ромео не так сильно любил Джульетту, как я тебя.

ИЛАНА *(смеясь)*. А мне кажется, что я люблю тебя сильнее, чем Джульетта Ромео.

ЯКОВ. Иланка, это так? Можно тебе верить?

ИЛАНА *(смеясь)*. На сто процентов! Знаешь, чем мы отличаемся от Ромео и Джульетты?

ЯКОВ. Сразу не скажешь. Надо подумать...

ИЛАНА *(смеясь)*. А что тут думать? Ты забыл, что перед тем, как провести вместе ночь, они, как миленькие, побежали к патеру Лоренцо?

ЯКОВ. Для чего?

ИЛАНА. Ну и память у тебя! Чтобы, так сказать, оформить свой брак.

ЯКОВ. Да, припоминаю. Действительно побежали. Ну и зачем им это было нужно?

ИЛАНА *(смеясь)*. Зачем? Обычные перестраховщики. Думали, что их любовь навечно, так сказать, до самой смерти...

ЯКОВ. А разве не так?

ИЛАНА. Идиоты! Проживи они еще год, еще неизвестно, продолжали бы они любить друг друга...

ЯКОВ. Почему ты так думаешь?

ИЛАНА. Потому что я не верю в вечную любовь. Это всё сказки для дурачков.

ЯКОВ. Вот как... А ты знаешь, чем мы еще отличаемся от Ромео и Джульетты?

ИЛАНА. Чем? Любопытно...

ЯКОВ. Тем, что у них не было презерватива.

ИЛАНА *(смеясь)*. Это верно, Яков.

ЯКОВ. В отличие от них, мы обезопасены от разных будущих неприятностей.

ИЛАНА *(смеясь)*. Это действительно так. Презерватив – это луч-

шее изобретение XX века! И нам не нужны никакие патеры Лоренцы, чтобы получать удовольствие от секса! *(Вновь обнимается и целуется с Яковом.)*

ЯКОВ. Обожаю тебя! *(Смотрит на часы.)* А время бежит. Надо торопиться.

ИЛАНА. Счастливые часов не наблюдают. Будь проклят этот ульпан. Идем на кухню. Надо что-то пожрать. *(Переходит с Яковом на кухню.)*

ЯКОВ. Так как насчет сегодняшнего вечера?

ИЛАНА. Дня рождения Ханы, что ли?

ЯКОВ. Да, Ханы.

ИЛАНА. А что, от вечеринки не откажусь. Люблю повеселиться...

ЯКОВ. Надо о подарке подумать.

ИЛАНА. А что тут думать? Подарок я беру на себя. Мне виднее, что нужно женщине.

ЯКОВ. А я куплю ей диск с Шубертом.

ИЛАНА. Это зачем?

ЯКОВ. Хана бредит Шубертом, я знаю. Почему бы не сделать ей приятное?

ИЛАНА. Я думаю, без Шуберта можно прожить. Но если ты так хочешь...

ЯКОВ. Значит, не против?

ИЛАНА. Не против. *(Смотрит на часы.)* Ой, скоро уже девять, а мы еще не завтракали! Я бегу в ванную споласкиваться, а ты что-нибудь сваргань! Посмотри, что там есть в холодильнике. *(Убегает в ванную.)*

ЯКОВ наливает воду в электрочайник и включает его. Затем достает из холодильника сыр, колбасу, масло, хлеб и хумус, ставит на стол посуду, делает бутерброды и кофе с молоком.

ЯКОВ *(кричит).* Иланка, всё готово. Кушать подано!

ИЛАНА *(кричит).* Я сейчас. Осталось марафет навести. Еще десять секунд. *(Выбегает из ванной.)* Ну вот, я готова. Что скажешь?

ЯКОВ. Скажу, что уже говорил. Ты – сама прелесть! *(Целует Илану.)*

ИЛАНА. А ты, Яша, молодец! Отлично сварганил завтрак.

ЯКОВ. Я постарался. Приглашаю мадемуазель за стол!

ИЛАНА. Спасибо. Жрать хочется страшно. А времени в обрез!

ЯКОВ и Илана садятся за стол и приступают к завтраку. По радио звучит легкая музыка.

ЯКОВ. Гляди, есть колбаса, сыр, масло, хумус... Только не думай всё есть вместе.

ИЛАНА. А я хочу и то, и другое!

ЯКОВ. Ты разве не знаешь, что это не кошерно?

ИЛАНА. Знаю, но страшно хочется.

ЯКОВ. Не советую. Не бери грех на душу. Молочное с мясным не сочетается.

ИЛАНА. Ладно, уговорил.

ЯКОВ. Выбирай: сыр или колбасу.

ИЛАНА (*жуя бутерброд*). Уже выбрала. Колбасу. У нас на Украине о ней можно было только мечтать.

ЯКОВ. А я утром предпочитаю сыр с маслом. Бери еще хумус. Его можно лопать с любым продуктом.

ИЛАНА. И от хумуса не откажусь. Экзотическая пища.

ЯКОВ. Бэтэвон!

ИЛАНА. Что это?

ЯКОВ. Приятного аппетита!

ИЛАНА. Спасибо. Тебе того же! А правда, Яша, что ты из-за меня поругался с матерью?

ЯКОВ. Поругался – еще не то слово! Видеть ее не могу!

ИЛАНА. Даже так?

ЯКОВ (*решительно*). Да, так! Какое право она имеет запрещать мне любить кого я хочу? Я, что, маленький? Мне пять лет?

ИЛАНА. Она какая-то нервная у тебя. Помнишь, как я вчера пришла к вам познакомиться с нею, так она буквально набросилась на меня, как тигрица, и стала орать: «Ты хочешь соблазнить и увести от меня моего единственного сына! Ты отвлекаешь его от музыкальных занятий!» И всё в подобном духе.

ЯКОВ. Да, неприятная история...

ИЛАНА. А что, после таких слов я буду молчать? Думает, раз она тебя родила, значит, имеет на тебя полную монополию? Хрен ей под язык! Ну и высказала ей всё, что думаю о ней! А потом ушла, грохнув дверью.

ЯКОВ. Даже вспоминать не хочется! Мерзко! Но ты не знаешь, что было после твоего ухода.

ИЛАНА. Нетрудно догадаться... Ссора?

ЯКОВ. Не то слово! Мамочка закатила мне такой скандалешник, что уши вяли. Мол, что я не хочу ничего делать и что из-за тебя провалюсь на конкурсе.

ИЛАНА. Значит, во всём буду виновата я?

ЯКОВ. Не говори глупости!

ИЛАНА. Так выбирай: я или мать?

ЯКОВ. Разве не видишь? Еще вчера выбрал тебя! А домой больше решил не возвращаться. Хватит с меня вчерашнего скандала. Буду жить с тобой. Ты же не против?

ИЛАНА. Конечно, не против. Ты мне ужасно нравишься! Представительный, атлетически сложенный мужчина.

ЯКОВ. А я, Иланка, в тебя ужасно влюблен. Ты стройная, прелестная девушка.

ИЛАНА. Приятно слышать... *(Снова целуется с Яковом, потом смотрит на часы.)* Однако, мы заговорились. Смотри, уже скоро девять!

ЯКОВ. Счастливые часов не наблюдают.

ИЛАНА. Если бы не этот дурацкий улыпан! Пропади он пропадом! *(Встает из-за стола.)* Посуду потом уберем. Некогда. *(Переходит в салон.)* Где этот проклятый учебник? *(Ищет и находит учебник в сумке.)*

ЯКОВ *(также встает из-за стола и переходит в салон).* А мне, думаешь, охота идти? Ох, и замучил меня этот иврит. Алфавит до сих пор не могу вызубрить.

ИЛАНА *(смотрит на часы).* Надо бежать в улыпан! О, у меня идея! *(Вскакивает с дивана и засовывает вещи в сумку.)*

ЯКОВ. Какая?

ИЛАНА. Может, тебе не стоит идти в улыпан?

ЯКОВ. Почему же?

ИЛАНА. Конкурс важнее!

ЯКОВ. Но ведь конкурс днем, в два часа, а улыпан утром.

ИЛАНА. Ну и что? После улыпана будешь чувствовать себя уставшим, как тряпка. Это может отразиться на игре!

ЯКОВ. Хорошо. Что ты предлагаешь?

ИЛАНА. Оставайся дома, порепетируй, сколько надо, пожри что-нибудь и потом свеженьким езжай на конкурс.

ЯКОВ. Иланка, ты права. Но ты не забыла, как зверствует наша училка, если кто-нибудь пропускает занятия?

ИЛАНА. Ну и пусть зверствует! Я постараюсь ее утихомирить. У тебя ведь важная причина!

ЯКОВ. Ну тогда я остаюсь. Так действительно будет лучше! Совет дельный. Что мне в ульпане делать? Ведь мне еще с пианисткой надо порепетировать!

ИЛАНА. Именно! Я хочу, чтобы ты непременно победил на конкурсе. Скажу, флейта у тебя звучит обалденно!

ЯКОВ. Это что! Главное не это.

ИЛАНА. А что?

ЯКОВ. Техника. Послушай! *(Достает из футляра флейту и играет несколько пассажей из концерта Моцарта.)*

ИЛАНА *(с восхищением).* Ну, Яша, ты гений! Бесподобно!

ЯКОВ *(смущенно).* Но ты уж чересчур. Какой я гений?

ИЛАНА *(решительно).* Нет, гений! Тысячу раз гений!

ЯКОВ. Волнуюсь страшно...

ИЛАНА *(смотри на часы).* Уже девять. Я опаздываю. Надо бежать. Желая победы! Ни пуха, ни пера! *(Целует Якова.)*

ЯКОВ. К черту!

ИЛАНА, забрав сумку, выбегает из квартиры, но через несколько секунд возвращается.

ИЛАНА. Чуть не забыла. Я вряд ли застану тебя после ульпана. *(Достает из шкафа ключ и протягивает Якову.)* Это копия ключа, чтобы ты мог запереть квартиру, когда поедешь на конкурс в Беэр-Шеву. Бай! *(Уходит.)*

ЯКОВ остается в квартире один. Садится на диван и некоторое время вертит в руках ключ, не зная, что с ним делать. Затем встает, кладет ключ в карман и убирает грязную посуду со стола в раковину на кухне. Потом возвращается в салон, берет флейту в руки и начинает разыгрываться, исполняя разные гаммы и пассажи из концерта Моцарта. Телефонный звонок.

ЯКОВ *(берет трубку, зло, про себя).* У, черти! Не дают позаниматься! *(В трубку.)* Как, это ты, мама?.. Ничего... Как ты нашла телефон Иланы? Из записной книжки? Кто просил тебя лезть в мою записную книжку?.. Нет, мое дело. Только не кричи, пожалуйста. Успокойся. Если будешь кричать, брошу трубку... Занимаюсь на флейте... В ульпан не пошел... Ну и бог с ним... Ты же знаешь, у меня сегодня конкурс... Нет, не зайду... Ночь? Как надо. Чувствую

себя превосходно... Напрасно волнуешься... Это мое личное дело... Еще раз повторяю – не вмешивайся в мою жизнь. Если ты будешь называть ее так, брошу трубку. Ты ее не знаешь. Это самая лучшая девушка на свете... Мне с ней хорошо... Это тебя не касается... Как-нибудь проживем... Вечером? Нет, не зайду. Мы с Иланой приглашены в гости... К кому? Секрета никакого нет. Хана. Помнишь, она жила с нами в олимповской гостинице в Иерусалиме?.. На день рождения... Не знаю. Мне у тебя делать нечего. Еще раз прошу тебя, не шуми!.. Что значит – могу провалиться? Я уверен в себе. На все сто процентов... Ах, так? *(Повышая голос.)* Тогда прощай! И не жди меня сегодня и никогда!

ЯКОВ в гневе бросает в трубку и начинает нервно ходить по квартире. Затем достает из холодильника бутылку кока-колы, наливает в стакан, садится на диван и пьет. Сидит некоторое время, о чем-то думая, потом встает, берет в руки флейту и вновь начинает разыгрываться. Звонок в дверь.

ЯКОВ *(про себя)*. Кого это там несет? Черти поганые, опять не дают позаниматься! *(Идет открывать дверь.)*

В квартиру входит Илья. На его плече большая сумка с книгами.

ИЛЬЯ. Привет из Одессы! *(Кладет сумку на пол и протягивает руку.)* Илья. Можно Илюша. Будем знакомы.

ЯКОВ *(пожимая руку)*. Яков. Или просто Яша. Очень приятно. А причем тут Одесса?

ИЛЬЯ. Смотрю, ты не очень сообразительный. Я парень из Одессы. То есть родился там. Слышал о таком юморном городе?

ЯКОВ *(принимая шутливый тон)*. Приходилось слышать. И о юмориных тоже.

ИЛЬЯ. А об улице Дерibasовской?

ЯКОВ. Краем уха.

ИЛЬЯ. Так если окажешься в Одессе, не вздумай спрашивать, как пройти на Дерibasовскую.

ЯКОВ. Почему?

ИЛЬЯ. Потому что получишь ответ: «Люди! Люди! Идите сюда! Посмотрите на этого идиота, который не знает, где Дерibasовская!»

ЯКОВ. Учту это. Если буду в Одессе.

ИЛЬЯ. Яша, ты, значит, живешь здесь?

ЯКОВ (*растерявшись*). Как сказать... Вроде живу и вроде не живу.

ИЛЬЯ. Как это понимать?

ЯКОВ. Живу, но здесь не хозяин.

ИЛЬЯ. А кто хозяин?

ЯКОВ. Не хозяин, а хозяйка.

ИЛЬЯ. Это уже интересно. А где хозяйка?

ЯКОВ. Неважно. Ушла в ульпан.

ИЛЬЯ. Иврит, значит, изучать?

ЯКОВ. Иврит. А что же еще?

ИЛЬЯ. И не скоро появится?

ЯКОВ. Где-то к обеду.

ИЛЬЯ. Небось, молодая и симпатичная?

ЯКОВ. Это уж точно.

ИЛЬЯ. А как звать?

ЯКОВ. Не всё ли равно?

ИЛЬЯ. А всё-таки?

ЯКОВ. Ну, Илана.

ИЛЬЯ. Красивое имя...

ЯКОВ. А, собственно, ты по какому делу?

ИЛЬЯ. Не волнуйся, не свататься пришел. По торговому.

ЯКОВ. И чем торгуешь?

ИЛЬЯ. Книгами.

ЯКОВ (*с интересом*). И что за книги?

ИЛЬЯ. Самые, что ни на есть, важные. Как раз то, что нужно нашим олим хадашим.

ЯКОВ. Любопытно. Показывай, книгоноша, что у тебя в сумке.

ИЛЬЯ (*вытаскивая книги из сумки*). Смотри – вот словари всякие. Здесь и «русский – иврит», и «русский – английский». Есть книги по грамматике, разные пособия, пословицы, поговорки, фразы, выражения...

ЯКОВ (*просматривая книги*). Выбор, смотрю, у тебя неплохой... О, словарь Подольского есть. То, что мне надо. Сам знаешь, без иврита ни туды, ни сюды...

ИЛЬЯ (*довольный*). А я о чем говорю? Бери, не пожалеешь! Может, еще английский?

ЯКОВ. Надо бы. Но пока подожду. Надо в первую очередь иврит одолеть. А музыкальный словарь у тебя найдется? До черта нужен.

ИЛЬЯ. Значит, Яша, ты музыкант? Знаешь, уважаю музыкантов.

Мне самому медведь на ухо наступил. Так, иногда побрякиваю на гитаре блатные одесские песни. *(Показывая на флейту.)* Что это, кларнет?

ЯКОВ. Нет, саксофон. Шучу. Флейта. Так как насчет музыкального словаря?

ИЛЬЯ *(роясь в сумке)*. Помню, что был. Если только не продал. Нет, не нахожу. Значит, продал. Если бы знал, что тебя встречу, обязательно бы захватил лишний экземплярчик.

ЯКОВ. Очень жаль.

ИЛЬЯ. Ладно, Яша, не тоскуй. Можно найти выход из любого положения. Это не проблема. Дай свой телефон, я позвоню, когда появится. *(Достает из кармана записную книжку и ручку.)* Диктуй.

ЯКОВ. Записывай: 996-0430.

ИЛЬЯ. Бэсэдэр. Записал.

ЯКОВ *(спохватившись, резко)*. Нет, вычеркни! Я больше там не живу.

ИЛЬЯ *(с удивлением)*. Не живешь – значит, не живешь. Вычеркиваю.

ЯКОВ. Запиши другой телефон. Вот этой квартиры.

ИЛЬЯ. Записываю.

ЯКОВ *(диктует)*. 992-5542.

ИЛЬЯ. Йоффи!

ЯКОВ. Что это значит?

ИЛЬЯ. Значит – замечательно! *(Показывая словарь.)* Знаешь, очень рекомендую приобрести вот этот словарь.

ЯКОВ. Что за словарь?

ИЛЬЯ. Словарик грубияна.

ЯКОВ. Зачем он мне нужен?

ИЛЬЯ. Зачем? Читай: «Что можно, нужно и желательно ответить в соответствующей ситуации». То-то! Для меня он как настольная книга. С ним выйдешь из любого положения, особенно когда наткнешься на местного хама. Крутые выражения. Я уже опробовал. Действует безотказно! Послушай, к примеру *(читает)*: «Катись ты к черту! – Лех лэзазэль!». Или: «Кончай мне голову морочить! – Тафсик лэзаен эт амоах!» И так далее. В подобном духе.

ЯКОВ *(смеясь)*. Йоффи! Действительно круто!

ИЛЬЯ. Так берешь?

ЯКОВ. Беру, беру. Может в жизни пригодиться. Сколько с меня за два словаря?

ИЛЛЯ. Словарь Подольского – шестьдесят, плюс словарик грубияна – двадцать. Вместе восемьдесят шкалим.

ЯКОВ. Не слишком ли много?

ИЛЛЯ. Много?! Ты хочешь, чтобы тебе на дом книги бесплатно приносили? За всё надо платить, голубчик!

ЯКОВ. А что ты еще прячешь в сумке?

ИЛЛЯ (*вытаскивая книги из сумки*). Детективная литература. Любишь читать детективчики?

ЯКОВ. Как сказать? Это чтиво не для меня. Небольшой охотник.

ИЛЛЯ. Значит, не любишь? А зря. Людей хлебом не корми, только дай им детектив. Смотри, кто у меня есть, – Конан Дойль, Агата Кристи, Жорж Сименон, братья Вайнеры, братья Стругацкие, разные там современные авторы. Как? Может, твоя хозяйка интересуется?

ЯКОВ. Илана, что ли?

ИЛЛЯ. Илана. А кто же еще!

ЯКОВ. Не думаю. Впрочем, мы с ней на эту тему не говорили. Вполне возможно.

ИЛЛЯ. Так сделай ей приятный сюрприз. Рекомендую Агату Кристи. Смотри, какое роскошное издание.

ЯКОВ. Ладно, давай Агату Кристи. Думаю, что Илана будет довольна.

ИЛЛЯ. Еще как довольна! (*Протягивая книгу*.) Держи!

ЯКОВ. И сколько ты за нее просишь?

ИЛЛЯ. Немного. Тебе по знакомству со скидкой. Семьдесят шкалим.

ЯКОВ (*возмущенно*). Сколько? Семьдесят? И это называется со скидкой? Не слишком ли?

ИЛЛЯ. А что тут удивляться? Книги из России в Израиле стоят недешево. Я тебе еще со скидкой продаю. Без скидки было бы все восемьдесят пять!

ЯКОВ. Ого!

ИЛЛЯ. Вот тебе и ого. Ты что, для дамы сердца деньги жалеть будешь?

ЯКОВ (*уверенно*). Не буду!

ИЛЛЯ. Тогда подытожим счет. Восемьдесят плюс семьдесят шкалим. Значит, сто пятьдесят. Деньги на кон.

ЯКОВ (*ворча и доставая кошелек из кармана*). Ну и дерешь ты. Еще не знаю, найдется ли у меня такая сумма. (*Вытаскивает из*

кошелька и пересчитывает деньги.) Всего сто тридцать в наличности. Из них тридцать надо оставить на дорогу в Безр-Шеву.

ИЛЬЯ. А что тебе в Безр-Шеве делать, если не секрет?

ЯКОВ. Секретов никаких нет. Сегодня там музыкальный конкурс. Хочу попытаться счастья. А вдруг повезет?

ИЛЬЯ. Желаю удачи. Значит, у тебя только сотня?

ЯКОВ *(показывая открытый кошелек и деньги).* Ну что, я тебя обманывать буду?

ИЛЬЯ. Ладно, давай сюда сотню, а пятьдесят останутся за тобой. Вижу, ты парень честный. Не тоскуй! Но вернуть в течение недели!

ЯКОВ *(довольный).* Это меня устраивает. Можешь не сомневаться!

ИЛЬЯ. Значит, по рукам?

ЯКОВ. По рукам! *(Пожимают друг другу руки.)*

ИЛЬЯ. Знаешь, музыкант, попить у тебя найдется?

ЯКОВ *(засуетившись).* Конечно, найдется. Есть кока-кола. Годится?

ИЛЬЯ. Всё годится. Лишь бы было холодное.

ЯКОВ. Один момент. *(Бежит к холодильнику, достает бутылку кока-колы и подает Илье.)*

ИЛЬЯ. Тода раба, как говорят на иврите. *(Разваливается на диване.)* Надо малость передохнуть, расслабиться, что ли. Уже конец сентября, а на улице такая жарыща, как будто середина лета. В Одессе сейчас золотая осень. Благодать. А ты сам-то, Яша, из каких мест прибыл?

ЯКОВ. Из Москвы.

ИЛЬЯ. Из столицы бывшей Российской империи, значит? Я был в Москве. Раза два. Видал знаменитую Царь-пушку в Кремле. Впечатляет! Только ни разу не выпалила. Ну и пушечка! Небось, тоскуешь по матушке-Москве?

ЯКОВ. Тоскуешь – не то слово. Все родственники и друзья остались там. Я ведь кончил музыкальное училище при Московской консерватории, что находится в одном из арбатских переулков. Так хочется прогуляться опять по Арбату...

ИЛЬЯ *(напевает песню Окуджавы).* Ах, Арбат, мой Арбат, ты мое отечество... Да и мне там, на доисторической, тоже весело было. Выступал за школьную команду КВН, участвовал в одесских юморинах. Эти юморины меня уморили. С 14 лет влюбился в ракетку. Все вечера пропадаю на теннисном корте. Стал канди-

датом в мастера спорта и чемпионом среди юношей в городской олимпиаде. Есть что вспомнить.

ЯКОВ. Смотрю, Илюша, ты еще и спортсмен!

ИЛЬЯ. Спортсменом хорошо, а суперменом лучше. Я бы в супермены пошел, пусть меня научат... Ну а, кроме смеха, как давно ты на исторической?

ЯКОВ. Да полгода уже будет.

ИЛЬЯ. Я чуточку побольше. Через два месяца год стукнет. А с кем прибыл?

ЯКОВ. С матерью. С отцом она давно развелась. У него своя семья.

ИЛЬЯ. Значит, безотцовщина. Сочувствую. А я вот махнул сюда один. Родители с сестренкой в Одессе остались. Говорят: что нам в Израиле делать? Отец у меня шишка – начальник строительного управления. Здесь он начальником никогда не станет.

ЯКОВ. Это верно. Но что тебя заставило рвануть из Одессы? Антисемитизм?

ИЛЬЯ. Какой в Одессе антисемитизм? Город-то еврейский, потому и юморной. Нет, у меня другая, более веская причина.

ЯКОВ. Какая?

ИЛЬЯ. Хочу отомстить арабам за смерть друга Витьки. Вместе учились в школе, вместе играли в футбол. Это он сагитировал меня на теннис. Такой весельчак был, столько знал анекдотов! Представляешь: стал неожиданно для всех сионистом, начитался всякой там сохнутувской литературы и махнул в Израиль один, без родителей. Поселился где-то в кибуце недалеко от Газы. Месяца три мы с ним переписывались, и потом он вдруг прекратил писать. Ну, я думал, мало ли какие могут быть причины. И тут получаю письмо из кибуца от его нового друга, тоже с Украины, что мой Витька погиб от рук террористов. Несколько арабов из Газы устроили засаду на дороге поздно вечером и, когда он возвращался домой с какой-то вечеринки, набросились на него с ножами. Он боролся, как мог, но силы были слишком неравные... Сволочи проклятые! Первое, что я сделал, когда прибыл в Израиль, это побывал на могиле друга и поклялся, что отомщу за него.

ЯКОВ. Я тебя понимаю! В ульпан ходишь?

ИЛЬЯ. Ходил. Первые три месяца. Потом бросил.

ЯКОВ. Отчего?

ИЛЬЯ. Надо было думать о пропитании. Иначе протянул бы ноги.

ЯКОВ. А как же иврит?

ИЛЬЯ. Изучаю на лету. Общаюсь с израильтянами, читаю вывески, рекламу, слушаю новости на «иврит каля». Имею уже приличный словарный запас.

ЯКОВ. Но ты же спортсмен!

ИЛЬЯ. Ну и что из этого? Я до сих пор по вечерам тренируюсь на теннисных кортах. Сохраняю спортивную форму. Но в Израиле свои внутренние игры. Такая жестокая конкуренция в спорте, что пока выбьешься в турниры, подохнешь с голоду. А ты знаешь, как в Израиле с работой?

ЯКОВ. Пока не интересовался.

ИЛЬЯ. Здесь хорошо проверяют твои физические возможности. Впрочем, я думаю, что и сам великий комбинатор Остап Бендер не придумал бы ничего лучше. Пойдешь на любую работу, если кушать хочется.

ЯКОВ. Ну и какую работу ты нашел?

ИЛЬЯ. Пошел на никайон.

ЯКОВ. А что это такое?

ИЛЬЯ. Балда! Живешь в Израиле полгода и не знаешь, что это такое? Уборка. Самая любимая работа у олим хадашим. Взял в руки метлу, совок и пошел драть улицы. Наглотался этой пыли до отвала. Хватило меня только на две недели. Потом, как персонаж Райкина, подумал про себя: «Что ты, Сигизмунд, делаешь?» И, пока не поздно, ушел в отставку. Где я потом не работал: и на частной вилле садовником, и маляром, на мусорке, на укладке асфальта, даже в археологии. На раскопках я проработал больше всего – три месяца. Потом надоело мне всё это, и я сказал себе...

ЯКОВ (*прерывая и смеясь*). «Что ты, Сигизмунд, делаешь?»

ИЛЬЯ. Именно. И ушел с раскопок в отставку. Не хочу быть подневольным, хочу быть ацмаи, независимым. Тут-то и созрела у меня великолепная идея!

ЯКОВ. Какая?

ИЛЬЯ. Заняться собственным бизнесом.

ЯКОВ. Вот как!

ИЛЬЯ. Для начала договорился с одной книжной фирмой реализовывать книги. А потом думаю открыть собственный книжный магазин. Дело это прибыльное. Конечно, не сейчас. Потом, когда отслужу в армии. Не сомневаюсь, что великий комбинатор на моем месте поступил бы так же.

ЯКОВ. Вполне возможно.

ИЛЬЯ. Скажи, Яша, а у тебя не та самая флейта, на которой Гамлет предлагал поиграть Розенкранцу и Гильденстерну? Можно подержать в руках?

ЯКОВ. Да, та самая. *(Дает флейту Илье.)* Подержи, если хочешь. Только осторожно, не урони!

ИЛЬЯ *(пробует играть)*. Нет, не получается.

ЯКОВ. А ты знаешь, сколько надо учиться, чтобы получилось? *(Смеется.)*

ИЛЬЯ. Сколько?

ЯКОВ. Считаю: пять лет – музыкальная школа плюс четыре года – музучилище.

ИЛЬЯ. Значит, девять. Многовато. У меня бы терпения не хватило. Ну и что ты собираешься делать со своей флейтой в Израиле? *(Возвращает инструмент Якову.)*

ЯКОВ. Все мои надежды связаны с сегодняшним конкурсом.

ИЛЬЯ. И ты уверен, что победишь?

ЯКОВ. Почти на сто процентов. Если б ты знал, сколько грамот победителя разных конкурсов я привез из Москвы!

ИЛЬЯ. Уважаю за это. Я тоже привез диплом победителя одесской юношеской олимпиады по теннису. Но он не кормит. Я на твоём месте на флейте такие бабки зарабатывал бы!

ЯКОВ. Каким же образом?

ИЛЬЯ. Ты, значит, никогда не видел уличных музыкантов? Стоят себе попиливают или посвистывают, а денежки им в футляры летят и летят. Я сам подбрасывал им шекель-другой. Слышал, что при удачной охоте у них за вечер до трех сотен набирается...

ЯКОВ *(решительно)*. Нет, это не для меня! Какой из меня уличный музыкант? Я, что, себя не уважаю? То ли дело выступать в концертном зале!

ИЛЬЯ. Ладно, твое дело. Только знай, что красивые девушки не очень любят безденежных.

ЯКОВ. Ты хочешь сказать, что девушки только за деньги любят?

ИЛЬЯ. Именно! Не слышал, что ли: она его за деньги полюбила, а он ее – за состраданье к ним. Это из «Отелло».

ЯКОВ *(решительно)*. Моя Илана не такая!

ИЛЬЯ. Не такая! Я этот народец хорошо знаю. Успел изучить на своем недолгом веку. Все они проститутки. В лучшем случае лесбиянки или транссексуалки. У них на уме только одно: как бы заманить нас в свои сети и высосать всё, что можно.

ЯКОВ. Ну, ты загнул...

ИЛЬЯ. Говорю, что знаю. Правда, иногда встречаются исключения. На теннис по вечерам иногда приходит одна – полненькая, довольно приятной наружности. Говорит: тренируется, чтобы сбросить вес. Но меня не обманешь. Чувствую, что в меня втюрилась по уши. Несколько раз делал ей соответствующее предложение с приложением всяких подарков. Ни в какую! Корчит из себя неприступную крепость. А подарки нравятся, принимает... Сегодня вечером пригласила на свой день рождения.

ЯКОВ. День рождения? А как зовут ее? Может, я ее знаю?

ИЛЬЯ. Хана. Неужели знаешь?

ЯКОВ. Конечно, знаю! Мы учились вместе в иерусалимском ультпане и даже жили в одной олимовской гостинице. Она и меня с Иланой пригласила на день рождения!

ИЛЬЯ (*вставая с дивана, чтобы уходить*). Это уже становится интересно. Говоришь, Илана – красивая девочка?

ЯКОВ. Не то слово! Роскошная девочка!

ИЛЬЯ. А если я за ней приударю?

ЯКОВ. Тебе, что, Ханы мало?

ИЛЬЯ. От Ханы мало прока. У нее на уме только теннис и дети.

ЯКОВ. Но Илана любит меня, а я люблю ее!

ИЛЬЯ. Зэ ло мешанэ, как говорят на иврите.

ЯКОВ. Что это: зэ ло мешанэ?

ИЛЬЯ. Ничего не меняет, значит. Сегодня любит тебя, а завтра полюбит другого...

ЯКОВ. Тебя, что ли?

ИЛЬЯ. А что? Может, и меня.

ЯКОВ (*повышая голос*). Да никогда не бывать этому! Илана на это не способна!

ИЛЬЯ (*смеясь*). Ты что, оперу «Кармен» не видел?

ЯКОВ. А причем тут Кармен?

ИЛЬЯ. Притом. (*Напевает.*) У любви, как у пташки крылья...

ЯКОВ. Ария знакомая. Только какое это имеет отношение к Илане?

ИЛЬЯ. Самое прямое.

ЯКОВ. Ну ты, Илюша, даешь!

ИЛЬЯ. Ладно, давай на спор: если сегодня вечером Илана тебе не изменит, я прощаю твой долг, а если изменит – ты платишь долг вдвойне. Идет?

ЯКОВ (*радостно*). Идет. Я уверен в Илане. На все сто процентов!

ИЛЬЯ (*улыбаясь*). Блажен, кто верует. Значит, по рукам? (*Протягивает Якову руку.*)

ЯКОВ (*жмет руку Илье*). По рукам!

ИЛЬЯ. Значит, увидимся вечером? (*Смотрит на часы.*) Засиделся у тебя. Пора идти. Время – деньги. Напоследок хочешь послушать свеженький анекдот?

ЯКОВ (*поднимаясь с дивана*). Не откажусь. Страсть люблю слушать анекдоты.

ИЛЬЯ. Значит, спускается Моисей с горы Синай при известных обстоятельствах. Внизу его ждет еврейский народ. Моисей: «Евреи, у меня есть две новости, хорошая и плохая. С какой начать?» – Толпа: «С хорошей!» – Моисей: «Сошлись на десяти!..» – Голос из толпы: «А плохая?» – Моисей: «Прелюбодеяние вошло...»

ЯКОВ (*смеясь*). Рассмешил ты меня.

ИЛЬЯ. Я еще не то знаю. От Ромула до наших дней держу всё в памяти своей. Ну, значит, чао! Желаю победы на конкурсе. (*Накидывает сумку с книгами на плечо и направляется к двери.*) Не забудь про наш спор!

ЯКОВ (*проводяя Илью и закрывая за ним дверь*). Чао! Не забуду! (*Про себя.*) У, черт, всё время отнял у меня!

ЯКОВ берет в руки флейту, играет пассажи из концерта Моцарта, затем быстро укладывает ее в футляр, кладет вместе с нотами в сумку, причесывается перед зеркалом, хватая ключ со стола и выбегает из квартиры.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Скромный интерьер амидаровской квартиры, в которой живет Хана. Салон и кухня, составляющие одну комнату, разделены легкой занавеской. Дверь слева ведет на террасу, на которой лежат куски фанеры, доски и ветви лулава, предназначенные для строительства сукки. Время близится к вечеру. Достаточно громко звучит музыка одного из фортепианных экспромтов Шуберта в записи на диске. Хана, готовясь к приему гостей по случаю своего дня рождения, суетится по квартире, делая последние приготовления. Потом останавливается перед большим зеркалом, перед которым приводит в порядок свою необычную прическу, делает макияж, поправляет одежду, выражая явное недовольство своим видом. Раздается звонок телефона.

ХАНА *(делает музыку тише и хватает трубку)*. А, это ты, Яков? Привет. Спасибо. Из Беэр-Шевы?.. Задерживаешься?.. Это не страшно. Пока все соберутся... Что-то важное? А что?.. Сюрприз? Любопытно... Ладно, при встрече... Илана? Понятно... Ты дал ей мой адрес? Бэсэдэр... Сколько народу ожидается? Где-то шесть-семь... Придешь, увидишь, победишь. Только не сильно запылай. Чао!

Положив трубку, Хана продолжает суетиться по квартире, вновь усиливает музыку и заканчивает наводить марафет перед зеркалом. Раздается звонок в дверь. Хана бежит открывать, по дороге задев стул.

ИЛАНА *(входя в квартиру с пакетом и цветами)*. Шалом? Ты, случайно, не Хана?

ХАНА *(закрывая дверь)*. Да, Хана.

ИЛАНА. А я Илана, подруга Якова.

ХАНА. Проходите. Очень приятно. Я в курсе. Яков только что звонил из Беэр-Шевы. Сказал, что задерживается. Он обещал мне какой-то сюрприз...

ИЛАНА. Да, он играет сегодня на очень важном музыкальном конкурсе.

ХАНА. Вот как? Про конкурс он ничего и не сказал...

ИЛАНА. Это и есть его сюрприз. *(Вручает Хане цветы и подарок.)* Это тебе. С днем рождения! Мазаль тов! Это тебе наш с Яковом подарок.

ХАНА. Какие чудные розы! *(Кладет цветы на стол и раскрывает сверток.)* А это что?

ИЛАНА. Сейчас увидишь. Что-то музыка у тебя слишком гремит. Нельзя ли сделать потише?

ХАНА. Конечно, можно. Это мой любимый Шуберт. Фортепианный экспромт. *(Убавляет звук на диске.)* Ну вот, теперь не гремит. *(Раскрыв сверток.)* Что я вижу! Губная помада!

ИЛАНА *(довольным голосом)*. Именно. Да ты фирму посмотри – французская!

ХАНА. Вот это класс! Не знаю, как благодарить вас и Якова. А розы положим в вазу с водой, чтобы не испортились. *(Наливает на кухне в вазу воду и ставит в нее цветы.)* Какая красота!

ИЛАНА. Давай перейдем на ты. Без всяких церемоний.

ХАНА. Не возражаю. А за губную помаду огромное спасибо!

ИЛАНА. Кто-кто, а я что-то смыслю в косметике. Хочешь, я тебе сразу помажу?

ХАНА. Я уже помазалась. Смотри!

ИЛАНА. Да сотри эту гадость! Небось, советская?

ХАНА (*смущенно*). Да. Фабрика «Красная заря». (*Показывает Илане.*)

ИЛАНА. Выкинь эту дрянь куда-нибудь подальше! (*Берет со стола салфетку и стирает с губ Ханы помаду, после чего проводит по ним французской помадой.*) Теперь бэсэдэр! Посмотри в зеркало! Ну как?

ХАНА (*смотрит в зеркало*). Да, помада, что надо! Спасибо. И всё равно я красивой не стану. Полная и неуклюжая.

ИЛАНА. Но ведь можно сбросить вес!

ХАНА. Как?

ИЛАНА. Есть десятки способов! Заняться спортом, например.

ХАНА. Я и так хожу каждый вечер на теннис. Пока не помогает.

ИЛАНА. Есть надо меньше! Перейти на строгую диету! Голодовка, в конце концов!

ХАНА. Легко сказать! А если кушать хочется? Хватит с меня, что в России наголодалась. Даже в Москве, откуда я прибыла, в магазинах было шаром покати. Видела бы ты меня тогда! Тонкая, как жердь!

ИЛАНА. Неужели?

ХАНА. А здесь удержаться не могу. В Израиле столько вкусностей!

ИЛАНА. Это верно. Я ведь из Крыма, из Евпатории. Там со жратвой тоже были проблемы. А еще перестройка называется!

ХАНА. Вот только в Йом-Кипур пришлось поголодать.

ИЛАНА. Ты соблюдала пост?

ХАНА. А как же! Это мой первый Йом-Кипур в Израиле. Ведь в этот день решается наша судьба на небесах. Правда, под вечер перед заключительной молитвой в синагоге у меня аж в глазах помутнело. Думала, отдам концы. Собрала последние силы и всё-таки выдержала. А как ты?

ИЛАНА (*смеясь*). Сделала попытку. Но меня хватило только до двенадцати. Потом плюнула на всё – это мазохизм какой-то! – и накинулась на жратву и питье. Вообще, в еде надо знать меру, иначе кавалеров никогда не заведешь.

ХАНА. Да я уже смирилась с мыслью, что навсегда останусь старой девой.

ИЛАНА. Не говори шутуют! А ты приехала сюда одна или с родителями?

ХАНА. Одна. Родителей, увы, уже нет. Отца я слабо помню. Он оставил маму, когда мне было пять лет. А спустя шесть лет умерла мама, от рака, и я попала в детский дом.

ИЛАНА. Как?! Ты воспитывалась в детском доме? Какой ужас!

ХАНА (*улыбаясь*). Разве это ужас? Хотя, конечно, было всё: много плохого, но и много хорошего.

ИЛАНА. Не знаю. Я бы никогда не смогла жить в детском доме. Мне кажется, что это детская тюрьма.

ХАНА (*смеясь*). На тюрьму-то как раз и не было похоже. Я даже ходила в музыкальную школу. Имени Дунаевского. Очень известная в Москве. Сначала училась на фортепьяно, а потом попросила перевести на гитару. С тех пор полюбила классическую музыку на всю жизнь.

ИЛАНА. А гитара для чего?

ХАНА. Как для чего? Чтобы петь под нее...

ИЛАНА. Как, ты еще и любишь петь?

ХАНА. Люблю. Особенно песни Окуджавы. А сейчас потихоньку осваиваю еврейскую тематику. В Израиле много хороших песен...

ИЛАНА. Как интересно... Споешь сегодня что-нибудь?

ХАНА. Почему бы и нет? Если компания попросит – спою. Вон (*показывает на гитару, стоящую в углу*) – гитара всегда под рукой.

ИЛАНА. Ну, а чем, Хана, ты здесь занимаешься?

ХАНА. Когда корзина абсорбции стала подходить к концу, устроилась на работу бибиситером.

ИЛАНА. Няней, что ли? О, ужас! Я бы никогда не смогла!

ХАНА (*улыбаясь*). Никакого ужаса в том не вижу. Просто встретилось на улице объявление, что в одну семью, кстати, из России, требуется бибиситер для годовалой девочки. Ну, я явилась по адресу и договорилась смотреть за девочкой полдня, пока родители на работе. Конечно, вначале было тяжело, непривычно, но потом я так привязалась к ней, что даже не замечаю, как проходит время. Она такая забавница, строит мне разные рожицы (*показывает на своем лице*) и уже что-то лепечет. И теперь я поняла, в чем мое призвание.

ИЛАНА. В чем же?

ХАНА. В работе с детьми. Это такое счастье, какое трудно себе представить!

ИЛАНА. Может, и счастье, но не для меня. Я думаю, что дети – это что-то обременительное, мешающее женщине жить полноценной жизнью.

Музыка с записью фортепианных экспромтов Шуберта прекращается.

ИЛАНА. Наконец-то твой Шуберт кончился. Может, у тебя найдется диск повеселее? Хотя бы джаз?

ХАНА. Я не против. У меня есть Глен Миллер. Включить?

ИЛАНА. Давай! Обожаю Глена Миллера!

ХАНА включает диск с записью Глена Миллера.

ИЛАНА (*танцует под джаз*). Ох, меня хлебом не корми – дай лишь повеселиться! (*Падая, садится на диван.*) Дни и ночи танцевала бы! Пить страшно хочется!

ХАНА (*засуетившись*). У меня питья полно. Сок или колу?

ИЛАНА. Лучше колу.

ХАНА. Рэга! (*Выбегает за занавеску на кухню и возвращается с бутылкой колы.*) Пей, сколько хочешь! (*Наливает Илане в стакан.*)

ИЛАНА. Тода раба! (*Пьет залпом колу.*) Теперь можно жить!

ХАНА. Илана, а как тебе жилось в Евпатории? Мне так ни разу и не удалось отдохнуть там.

ИЛАНА. Провинциальный городишка на Черном море. Считался детским курортом всесоюзного значения.

ХАНА. А как ты очутилась в Израиле?

ИЛАНА. Как и все. Понимаешь, родители – медики, всю жизнь жили честно на одну зарплату. То нельзя, это нельзя. Хоть говорят, что бедность не порок, надоела мне эта нищета до чертиков. А тут как раз стали выезжать из Евпатории в Израиль наши родственники и знакомые. Ну, и я прямо заявила родителям, что хочу в Израиль. Они сначала кочевряжились, – ни в какую, – я ведь у них единственная. Но я каждый день атаковала, и они согласились. Договорились, что если мне в Израиле понравится – они тоже придут, если нет – то я вернусь обратно.

ХАНА. Ну и как тебе в Израиле?

ИЛАНА. Первое время пребывала в полной эйфории. Я тогда жила у своих дальних родственников в Бат-Яме. Опять на море! Ощущение полной и безусловной свободы! Магазины завалены

всякими продуктами, фруктами и заморскими вещами! Аж глаза разбегаются. Ну, а потом родственники начали намекать, что не всю жизнь мне у них жить, пора подыскивать себе жилье. А тут как раз в отделе абсорбции стали предлагать амидаровские квартиры в Негеве. Так я оказалась в этом городишке. Так сказать, из крымской провинции в негевскую. Скучища страшная! Некуда пойти, даже моря нет!

ХАНА. И что ты собираешься делать?

ИЛАНА. Пока хожу в ульпан. Иврит мне дается легко. А как вызубрю язык, махну в Тель-Авив на конкурс красоты.

ХАНА. Конкурс красоты? И есть шансы попасть?

ИЛАНА. Небольшие, но есть. Конкурс огромный. Желających слишком много. Среди требований – максимальное приближение к цифрам 90-60-90. У меня с этим бэсэдэр.

ХАНА. Не только с этим. У тебя роскошные волосы, правильные черты, чудная фигура!.. Небось, всегда была избалована вниманием парней...

ИЛАНА (*довольным голосом*). Да, Бог меня не обидел. Мальчишки еще в детстве обращали на меня пристальное внимание...

ХАНА. А как давно ты знакома с Яковом?

ИЛАНА. Да вот уж месяц, с тех пор, как стала посещать ульпан.

ХАНА. А я с ним также познакомилась в ульпане, только в иерусалимском. Мы даже жили в одной олимовской гостинице, но на разных этажах. Оказалось, что мы земляки – он с матерью тоже из Москвы! Нам было о чем поговорить.

ИЛАНА. Что, ты с его матерью тоже знакома?

ХАНА. Да. Он несколько раз приглашал меня в свой номер.

ИЛАНА. Ну и как показалась тебе его матушка?

ХАНА. Импульсивная, но очень добрая женщина. В Якове души не чаёт.

ИЛАНА. Импульсивная?! Я бы выразилась иначе...

ХАНА. Ты разве ее видела?

ИЛАНА. Разве! Лучше бы никогда с нею не встречалась. Мегера – ангел по сравнению с ней!

ХАНА (*смеясь*). Ну, ты уж слишком! А как ты находишь Якова?

ИЛАНА (*смеясь*). Сказать по правде, влюблен в меня безумно.

ХАНА. А ты?

ИЛАНА. Я? Польщена его вниманием. Мне кажется, что в нем есть нечто необыкновенное... Хочет стать музыкантом и обязательно великим...

ХАНА. Да, я знаю. Просто бредит музыкой. Он живет в каких-то высших, неведомых нам мирах и далек от всего земного и низменного.

ИЛАНА. Верно. Но красивых девочек не чуждается.

ХАНА. Не смейся. Такой человек, как он, без любви жить не может. Ты его тоже любишь?

ИЛАНА. Как сказать? Наверное. Во всяком случае, сильно увлечена.

ХАНА. Но увлечение – это еще не любовь.

ИЛАНА. А что мы знаем о любви?

ХАНА (*подумав*). Ничего...

ИЛАНА. А что, у тебя разве нет кавалера?

ХАНА. Как сказать? Есть один парень. Из Одессы. Я с ним на теннисном корте познакомилась.

ИЛАНА. Ну и как?

ХАНА. Прекрасной спортивной внешности и весельчак. Мне несколько раз предложение делал...

ИЛАНА. Поздравляю! И как ты ответила?

ХАНА. Как? Ты не знаешь, какие предложения сейчас делают мужчины? Я еще не перестала уважать себя.

ИЛАНА. Ну и зря! Я бы не стала выпендриваться!

ХАНА. А где женская гордость и честь?

ИЛАНА. Пережитки прошлого. Выбрось в мусорный бак как ненужный хлам! Так на всю жизнь останешься старой девой!

ХАНА. А я о чем тебе говорю?

ИЛАНА. Выкинь из головы эти штуйот!

ХАНА. Кстати, этот парень приглашен мной на день рождения.

ИЛАНА. А как звать его?

ХАНА. Илья.

ИЛАНА. Нет, не знаю, но любопытно было бы на него взглянуть.

ХАНА. Как увидишь, ахнешь. Не парень, а супермен!

Звонок в дверь.

ХАНА (*бежит открывать дверь*). Кто это может быть? О, Надя, заходи!

НАДЯ (*входит в квартиру, держа в левой руке большой сверток, а в правой – гвоздики*). Держи цветы, Хана! Шалом! С днем рождения! Мазаль тов! (*Обнимает и целует Хану.*)

ХАНА. Огромное спасибо. Так приятно... *(Представляя Илану.)*
Это Илана.

НАДЯ *(протягивая руку).* Надя.

ИЛАНА *(протягивая руку).* Будем знакомы.

ХАНА *(суется).* Надо цветы в другую вазу поставить. Розы и гвоздики не могут быть вместе. *(Наливает воду в вазу и ставит в нее цветы.)*

НАДЯ. А в этой упаковке мой подарок. Посмотри! *(Вручает Хане сверток.)*

ХАНА *(раскрывая упаковку).* Да это картина!

НАДЯ. Этот пейзаж я только вчера закончила. Узнаёшь?

ХАНА. Конечно. Я этот пейзаж всегда вижу, когда иду по дороге к теннисным кортам. Высокие зеленые пальмы на фоне желтой бескрайней пустыни. При виде этой картины мне вспоминаются строчки из стихотворения Лермонтова:

*В песчаных степях аравийской земли
Три гордые пальмы высоко росли.
Родник между ними из почвы бесплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, под сенью зеленых листов,
От знойных лучей и зеленых песков.*

НАДЯ. Ну как? Это акварель на бумаге. А рамку я в магазине подобрала.

ХАНА. Великолепно! Чудесный подарок! У тебя действительно есть талант!

ИЛАНА *(смотря на картину).* А мне кажется, что пейзаж скучный. Сплошное однообразие. Что в нем интересного? То ли дело буйная растительность на фоне моря!

ХАНА *(решительно).* А я не согласна. В любом пейзаже, даже самом скромном, есть своя прелесть. Надо только увидеть эту красоту.

НАДЯ. Мне приятно, Хана, что тебе нравится мой подарок.

ХАНА *(проходит по салону, смотря на стены).* Думаю, куда бы лучше повесить картину.

ИЛАНА *(показывает рукой).* А если сюда? Здесь света больше.

ХАНА. А ты как думаешь, Надя?

НАДЯ *(оглядывая комнату).* Пожалуй, на той стене будет лучше. *(Хане.)* Приставь на минутку картину сюда.

ХАНА (*встает на стул и приставляет к стене картину*). Как?

ИЛАНА. Неплохо смотрится.

НАДЯ. Да, это место место подходит. Тут свет на картину хорошо падает. Где у тебя карандаш?

ХАНА. На столе.

НАДЯ (*подает Хане карандаш*). Отметь это место карандашом.

ХАНА. Отметила. (*Спускается со стула и ставит картину на полку рядом с книгами.*) Пусть пока здесь постоит, а завтра попрошу соседа сделать дрелью отверстие для шурупа.

Кончается диск с записью джаза Глена Миллера. В это время раздается звонок в дверь. Хана бежит открывать. Входит Вера, немного запыхавшаяся, с цветами и сумкой через плечо.

ХАНА. Вера, привет!

ВЕРА. Привет! Я не опоздала?

ХАНА. Нет. Еще ждем мальчиков. Пока только девочки. Знакомься: Илана...

ИЛАНА. Привет!

ХАНА. И Надя.

НАДЯ. Привет!

ВЕРА. А я Вера. Всем привет! А это, Хана, тебе от меня. Поздравляю! (*Вручает Хане гвоздики, вытаскивает из сумки сверток и целует ее.*)

ХАНА. Спасибо за чудные гвоздики и подарок! Гвоздики поставим в вазу с гвоздиками. (*Ставит цветы в вазу.*) Теперь посмотрим, что за подарок... (*Раскрывает сверток, внутри которого оказывается губная помада.*)

ИЛАНА взрывается от смеха.

ВЕРА (*не понимая причин смеха*). Что-то не то? Разве тебе не нужна помада? Ты посмотри, Хана. Фирменная, французская.

ХАНА растерянно смотрит то на помаду, то на Илану, которая продолжает безудержно хохотать.

ИЛАНА. Понимаешь, я уже подарила Хане губную помаду! (*Хане.*) Покажи. (*Смотрит.*) И даже той же французской фирмы!

ВЕРА (*включаясь в общий смех*). Вот это совпадение! Давайте сравним номера!

ИЛАНА (*берет в руки помаду, принесенную Верой*). Номера совпадают! Совсем весело!

ХАНА (*начиная смеяться со всеми*). Что же я буду делать с двумя одинаковыми помадами?

НАДЯ. Будет про запас. Кончится одна, начнешь другую!

ВЕРА. Умираю от жажды...

ХАНА. На столе кока-кола, стаканы. (*Наливает и подает Вере.*)
Пейте, девочки, вволю, не стесняйтесь!

ИЛАНА (*наливая в стакан колу*). А мы не стеснительные!

НАДЯ. Я также не откажусь! (*Наливает и пьет колу.*)

ХАНА. Садитесь, где кому нравится. Извиняюсь за скромную обстановку. Сами знаете, только два месяца, как сюда переехала. Пока смогла купить в первую очередь холодильник, сохнутровский гарнитур со скидкой, а также кровать, шкаф, полки, пару стульев. Всё не новое, со склада. А проигрыватель дисков я еще в Иерусалиме купила. Не могу жить без музыки.

ВЕРА. Включи что-нибудь веселое!

ХАНА (*просматривая на полке диски*). Есть «Битлз». Хотите?

ИЛАНА. Обожаю «Битлз»!

НАДЯ. Не откажусь!

ХАНА включает диск с записью «Битлз», сначала громко, потом делает звук тише.

ИЛАНА. Люблю кайфовать под веселую музыку! Как хотела бы быть похожей на Мадонну!

ХАНА. А мой идеал – Барбра Стрейзанд. Она, как никто, умела ошарашивать мальчиков. Помните, она играла в фильме «Смешная девчонка»?

НАДЯ. Конечно, помним!

ВЕРА. Конечно, видели!

ИЛАНА. А я бы не назвала Стрейзанд красивой.

ХАНА. И всё-таки я думаю, что дело не в одной красоте.

ИЛАНА. Почему?

ХАНА. Потому что Барбра Стрейзанд побеждала мужчин не красотой.

НАДЯ. Чем же?

ХАНА. Ей помогла одна дешевая брошюрка, автор которой давал один совет: «Быть красивой? Да, это не каждой дано. Главное – быть яркой, заметной!» Барбра вооружилась этим советом и яви-

лась на прослушивание в бар «Лион» в нью-йоркском Манхэттене с нечесаной копной огненно-рыжих волос. И, представьте себе, совет сработал! В тот же день ее приняли в бар в качестве эстрадной певицы! А при составлении договора она выкинула еще кое-что...

ИЛАНА. Расскажи нам!

ВЕРА. Так интересно!..

ХАНА. Так вот, при подписании договора она тут же изменила свои имя и фамилию и попросила написать вместо Барбара Стрейзанд – Барбра Стрейзанд. Это еще не всё...

НАДЯ. Не всё?

ХАНА. Да. Когда она отправилась в театр пробоваться на первую роль в мюзикле «Я могу получить это», то применила ту же тактику. Главное – ошарашить! На ее голове вместо прически был полный бардак в стиле «бабетта». Показав, на что была способна, она вдруг выкрикнула в зал: «У меня как раз появился домашний телефон! Слышите! Позвоните мне!» И, представьте, вечером в ее маленькой квартире на Манхэттене вдруг раздался звонок. Звонил сам ведущий актер театра Эллиот Гулд. Он сказал Барбре: «Вы сегодня были великолепны, считайте, что вы приняты». А через год он стал ее мужем. А потом, через несколько лет, она получила «Оскара» за «Смешную девчонку» и стала знаменитой кинозвездой!

ВЕРА. Невероятно!

НАДЯ. Похоже на сказку!

ИЛАНА. Фантастика! А я слышала, что она меняла мужей, как перчатки!

ХАНА (*смеясь*). Не совсем так. Меняла мужчин, а не мужей. Она только дважды выходила замуж. В общем, Барбра Стрейзанд – мой кумир. Я даже чем-то похожа на нее. Не правда ли? Такой же огромный еврейский нос и чуть косящие глаза.

НАДЯ. Нос – да, а насчет глаз – присмотреться надо. (*Подходит к Хане и пристально смотрит ей в глаза.*) Да, действительно, чуточку косят.

ХАНА. Вот видите. Поэтому я и сделала себе прическу в стиле «бабетта», чтобы ошарашивать мужчин.

Всеобщий хохот.

ИЛАНА. А я знаю, как можно понравиться мальчикам...

НАДЯ. Ты знаешь секрет? Скажи, как?

ИЛАНА. Надо уметь подать себя наиболее эффектно! Главное, чтобы чувствовался шарм!

ВЕРА. А что ты понимаешь под шармом?

ИЛАНА. Как сказать?.. Нечто неуловимое и неотразимое... Когда мужчина не может оторвать от тебя глаз. В этом отношении мой идеал – Мадонна. Мне кажется, что в нее не только все мужчины влюблены, но и все женщины... У меня дома есть альбом ее фотографий в обнаженном виде. Позы, скажу вам, сногшибательные! Вот кто настоящий секс-символ нашего времени!

ВЕРА. А мне, признаюсь, больше нравится Шарон Стоун. Она не только красива, но и с боевым характером. Знает, как добиться своей цели в жизни.

НАДЯ. А я, девочки, предпочитаю Джулию Робертс. Это восходящая кинозвезда в Голливуде.

Закончился диск с записью «Битлз».

НАДЯ. Девочки, диск с «Битлз» закончился!

ВЕРА. Что теперь включим?

ХАНА. У меня есть диск с песнями в исполнении Барбры Стрейзанд. Не против? *(Вынимает предыдущий диск и ищет на полке нужный диск.)*

ИЛАНА. Не против. У нее приятный голос!

ВЕРА. Не против.

НАДЯ. Согласна!

ХАНА включает диск с записью Барбры Стрейзанд. Сначала музыка звучит громко, потом становится тише.

ХАНА. Да, девочки, одной жить не очень хочется...

НАДЯ. Ну ты скажешь! Разве в Израиле мало парней?

ВЕРА. А я скажу, что настоящих мужчин почти не осталось.

ИЛАНА. Почему ты так думаешь?

ВЕРА. А что, разве не так? Такие мужики пошли нынче... Каждый второй – Дон Жуан, каждый пятый – импотент, каждый десятый – гомик. А если обо всех – то каждый норовит получить удовольствие, а потом удрать в кусты или куда-нибудь подальше...

ИЛАНА *(смеясь)*. Это как кому повезет. Ведь на лице у мужиков не написано, импотент он или голубой.

НАДЯ *(смеясь)*. А что, надо, чтобы было написано? Импотенты и гомики избегают женщин, как огня!

ВЕРА. Вот именно! Посмотришь вокруг, и вроде замуж выходить не за кого.

ИЛАНА. А лично я, девочки, не спешу выходить замуж.

ХАНА. Почему, Илана?

ИЛАНА. Зачем? Пойдут дети, заботы, пеленки и все остальные прелести. А мне еще пожить хочется. Хотите знать? У меня свое хобби есть...

ВЕРА. Какое?

НАДЯ. Говори скорее!

ИЛАНА (*смеясь*). Мне нравится коллекционировать мальчиков.

ХАНА. Как это – коллекционировать?

ИЛАНА. Очень просто. Это целая любовная наука! Люблю обольщать мужиков, радоваться, как они выются вокруг тебя и, влюбленные, падают к твоим ногам. Наедост один, и его место тут же занимает другой.

ХАНА. Ну и странное у тебя хобби!

ВЕРА. А для меня главное в жизни – удачное замужество. При этом возраст и внешность мужчины не имеют значения. Лишь бы был состоятельный и культурный.

ХАНА. А как же любовь?

ВЕРА. Любовь только в книгах и фильмах бывает. А в жизни ее нет.

НАДЯ. Я с тобой не согласна. Выйти замуж за нелюбимого, пусть и культурного, ради его состояния, – мне непонятно. Никогда на это не пойду!

ВЕРА. А что, разве мало браков, где разница в возрасте большая?

ИЛАНА. Верно! Любви все возрасты покорны!

НАДЯ. Лишь бы была настоящая любовь!

ВЕРА. А ты знаешь, что такое настоящая любовь?

ИЛАНА. Спроси что-нибудь полегче. Разве любовь можно объяснить? Влюбишься в кого-нибудь, он кажется тебе лучше всех, а потом вдруг оказывается, что он такой же обыкновенный, как и все. Я столько раз разочаровывалась!

ХАНА. Девочки, хотите, я попробую сказать, что такое любовь?

ИЛАНА. Хотим!

ВЕРА. Хотим!

НАДЯ. Расскажи, как ты понимаешь любовь.

ХАНА. Лучше всего о ней сказал Пушкин в «Евгении Онегине». Послушайте:

Он верил, что душа родная
Соединиться с ним должна,
Что, безотрадно изнывая,
Его вседневно ждет она.

ИЛАНА. Ну и что ты хочешь этим сказать?

ХАНА. То, что сказал Пушкин стихами, я попробую объяснить своими словами. *(Задумываясь, не сразу.)* По-моему, любовь – это такое состояние... Это когда два прежде совершенно незнакомых и чужих человека под воздействием высокого чувства становятся самыми близкими и родными друг другу людьми... Это такое великое чувство, когда человек готов забыть себя ради любимого... Когда ты думаешь только о нем и больше ни о ком...

ИЛАНА *(разочарованно)*. И это всё? А я-то думала, что ты откроешь нам что-то новое, необыкновенное...

ХАНА. Я, например, так понимаю любовь, а кто-то другой – иначе...

Звучит звонок в дверь.

ХАНА. Я слышу звонок!

НАДЯ. Какой-то гость!

ХАНА. Надо выключить диск! *(Выключает диск и бежит открывать дверь.)* А, это ты, Хаим, заходи!

В квартиру робко заходит Хаим. На голове у него кипа, под пиджаком виднеются кисти-цицит. В одной руке он держит цветы (розы), в другой – сверток с подарком.

ХАИМ. Здравствуйте... Шалом... Я не опоздал?

ХАНА. Еще нет.

ХАИМ *(вручает Хане цветы и подарок)*. Поздравляю! С днем рождения! Мазаль тов!

ХАНА. Большое спасибо. Я очень тронута... *(Подругам.)* Это Хаим. Прошу любить и жаловать. Так, цветы сразу в вазу вместе с розами... Посмотрим, что в упаковке... *(Раскрывает сверток, вытаскивает небольшую книжку в красивом переплете и читает название.)* Псалмы Давида... Еще раз спасибо... Чудесный подарок!

ХАИМ. Я очень рад, Хана. Это подарочное издание. Я надеюсь, что эта книга поможет тебе обрести правильный путь в жизни...

ХАНА. Хочу представить тебе моих подруг: Илана... Вера... Надя...

ХАИМ. Очень приятно... (*Глядя робко на Надю.*) Может, я пойду?

ХАНА. Как пойдешь? Мы еще не начинали.

ХАИМ (*всё больше смущаясь*). Даже не знаю... Я ограничен во времени... Мне надо успеть на вечернюю молитву в синагогу... (*Направляется к двери.*)

НАДЯ (*весело*). Хаим, синагога от тебя не убежит! Не думай уходить. Мы тебя так ждали...

ХАИМ (*останавливаясь у двери, в нерешительности*). Право, даже не знаю...

ХАНА (*берет Хаима за руки и отводит его от двери*). Будет красиво, если ты уйдешь с моего дня рождения.

ХАИМ (*робко*). Ладно. Останусь... Ради тебя, Хана...

НАДЯ (*лукаво*). Как, только ради Ханы? Разве мы с тобой не знакомы?

ХАИМ. Вроде знакомы... Мы же соседи...

НАДЯ (*подкалывая*). А что, другие девушки тебя не интересуют?

ХАИМ (*смущенно, стараясь не смотреть на Надю*). Почему... Интересуют...

ВЕРА. Тогда почему ты хочешь бежать от нас?

ХАИМ (*робко*). Право, не знаю...

ИЛАНА (*решительно*). Тогда садись с нами и рассказывай, как ты дошел до жизни такой.

ХАИМ (*садясь на стул*). Какой такой?

НАДЯ. А кипа для чего у тебя на голове?

ХАИМ (*поправляя кипу*). Разве вы не знаете, зачем носят кипу?

ИЛАНА (*смеясь*). Это мы знаем. Ее носят религиозные...

ХАИМ (*серьезно*). Да, я верующий. Недавно совершил, как говорят на иврите, хазара лэтшува.

НАДЯ. А что это значит?

ХАИМ (*тихо*). Возврат к религии, к Богу...

ИЛАНА. Ортодокс, что ли?

ВЕРА (*зло*). Ух... Терпеть не могу этих ортодоксов!

ХАИМ (*испуганно*). Нет, нет, что вы... Я не ортодоксальный...

ИЛАНА. Тогда какой же?

ХАИМ. Я – хасид, хабадник. Слышали о таких?

ВЕРА. Нет. Все религиозные для меня на одно лицо: что ортодоксы, что хабадники...

ИЛАНА. А что означает ХАБАД?

ХАИМ. Это последовательность первых букв ивритских слов хохма, бина, даат, которые переводятся как мудрость, разум и знание. Я не представляю, как люди могут жить без религии, без Бога...

НАДЯ. Но ведь ты был когда-то атеистом... Как ты тогда жил без Бога?

ХАИМ. Мне самому это кажется странным.

ИЛАНА. А почему ты выбрал ХАБАД?

ХАИМ. Как это объяснить? Все течения в иудаизме ведут к Богу, но у каждого свой путь. Хабадники, изучая Священное писание, служат Богу с весельем, радостью, и это мне импонирует.

ИЛАНА. Хорошо, Хаим, а кроме Священного писания, что ты еще читал?

ХАИМ. Труды царя Соломона...

Всеобщий смех.

ХАИМ (*чуть осмелев*). Вот и зря смеетесь. Это был самый великий мудрец в древности.

ИЛАНА (*сквозь смех*). Слыхали, слыхали о мудром царе Соломоне. Был весьма любвеобилен к прекрасному полу... Не у него ли было, кажется, 600 жен и 900 наложниц?

ВЕРА (*сквозь смех*). Интересно, как он справлялся со всеми ними?

ХАИМ (*смущаясь*). Предположим, царь Соломон не был лишен человеческих слабостей.

НАДЯ (*сквозь смех*). О его страстной любви к царице Савской тоже слыхали...

ХАИМ. Но эта любовь нисколько не мешала ему высказывать самые мудрые суждения.

НАДЯ (*живо*). Например?

ХАИМ. Почитайте его «Козлет», по гречески – «Экклезиаст». Это целая кладезь мудрости. Скоро в дни праздника Суккот его будут читать в синагогах. Соломон там говорит, что для человека нет ничего лучшего, чем веселиться и делать добро в жизни своей.

ИЛАНА (*смеясь*). Вот это по мне! Веселиться я люблю! Это то, что надо!

ХАНА. А как насчет того, чтобы делать добро в жизни своей?

ИЛАНА. Одно другому не мешает.

НАДЯ. Ну, а какие планы у тебя на будущее?

ХАИМ. Собираюсь поступать в ешиву. В течение трех месяцев

я посещал лекции о еврейской религии у одного рава, давно приехавшего в Израиль из России. Он взял меня под свое покровительство и обещал подготовить к поступлению в ешиву...

Звонок в дверь.

ИЛАНА. А вот и звонок. Интересно, кто это?

ХАНА (*бежит ко входу и открывает дверь*). Илья, это ты? Заходи! Мы ждем тебя.

Входит Илья. В руках у него цветы (гвоздики), сумка и теннисная ракетка в футляре. Ошарашенный необычной прической Ханы, несколько секунд стоит, как вкопанный.

ИЛЬЯ. Привет из Одессы! Тебя сразу не узнаешь, Хана! Ну и прическа!

ХАНА. А что, не нравится?

ИЛЬЯ. Сногшибательная! Но привыкнуть надо... Я не опоздал?

ХАНА. Нет, нет, ты еще не последний. Мы ждем еще гостей.

ИЛЬЯ (*вручая Хане цветы*). Поздравляю с днем рождения. Как говорят на иврите, мазаль тов!

ХАНА. Спасибо, Илья, за цветы. Девочки, представляю – это Илья. Отличный спортсмен. По теннису. Я вам о нем уже говорила.

ИЛЬЯ. Да здесь целый гарем!

ХАНА (*представляя*). Это мои подруги: Илана, Надя, Вера...

ИЛЬЯ (*кланяясь*). Очень приятно. Девчата симпатичные.

ХАНА. А это Хаим.

ИЛЬЯ. Привет товарищу Хаиму из Одессы! Да ты с кипой! (*Пожимая Хаиму руку.*) Чертовски уважаю религиозных...

ХАИМ (*приподнимаясь*). Мне тоже приятно. Будем знакомы.

ИЛЬЯ (*вручая Хане сверток*). А это подарок. Духи. С днем рождения!

ХАНА. Спасибо тебе за подарок. Я очень тронута.

ИЛЬЯ. Нет, ты сначала попробуй. Духи-то французские. Прямо из Парижа.

ИЛАНА (*живо*). Я тоже хочу понюхать!

НАДЯ. И я.

ВЕРА. И я.

ХАНА (*открывает духи и нюхает*). Чудный запах! Как будто живые розы благоухают. Еще раз, Илья, спасибо! (*Подругам.*) Понюхайте, девочки! Ну как?

ИЛАНА. Вот это духи! Пахнет не розами, а Парижем!

ВЕРА. Запах обалденный!

НАДЯ. Действительно, Париж!

ХАНА. Еще раз спасибо, Илья. Ты настоящий друг! А гвоздики поставим в вазу с гвоздиками.

ИЛЬЯ. Не за что... Куда поставить ракетку?

ХАНА (*показывая рукой*). Можно сюда, в этот угол. Рядом с гитарой.

ИЛЬЯ (*Хане, ставя ракетку*). Может, споешь нам что-нибудь?

ХАНА. Не знаю... Может, и спою...

ИЛЬЯ (*смотрит на часы*). Но я ненадолго. Максимум, на час.

ХАНА. Жаль... Ты куда-то спешишь?

ИЛЬЯ. Да, на тренировку. Готовлюсь к турниру. Для этого и захватил с собой ракетку. Впрочем... (*задерживая взгляд на Илане*) посмотрим. Если запоздаю маленько, не беда.

ХАНА. Превосходно! Сейчас подойдет Яков, и мы сядем за стол.

ИЛЬЯ. Это тот самый, кто сегодня играет на конкурсе в Безр-Шеве?

ХАНА. Он самый!

ИЛАНА. А разве вы с ним знакомы?

ИЛЬЯ (*с улыбкой*). Да, довелось познакомиться. Ничего, толковый парень. И играет, по-моему, здорово. Моцарта, кажется.

ИЛАНА. Да, он великолепный музыкант! Я верю в него!

ИЛЬЯ. Жажда замучила. Попить бы... (*Наливает остатки из бутылки и пьет.*) Кола тепленькая. Может, есть похолодней?

ХАНА (*суется*). Конечно, есть! В холодильнике. Сейчас! (*Бежит на кухню и возвращается с новой бутылкой кока-колы.*) Вот, Илья, пей, сколько душе угодно! (*Открывает бутылку и, наливая колу в стакан, часть льет мимо.*)

Всеобщий смех.

ХАНА. Что я наделала! Весь стол мокрый! Сейчас сбегая за тряпкой. (*Бежит на кухню, возвращается с тряпкой и вытирает стол.*) Ну вот. Теперь сухо. Аколь бэсэдэр!

ИЛЬЯ (*пьет колу, смакуя*). Не кола, а блаженство... Такая прохладная... Теперь можно жить.

ХАНА. Другья, пейте всё. Не экономьте. В холодильнике еще полно воды.

ИЛЬЯ. Разрешите поухаживать за девочками. (*Разливает по стаканам колу.*) Хаим, не откажешься? (*Наливает Хаиму.*)

ХАИМ. Не откажусь. (*Перед тем, как пить, что-то шепчет про себя.*)

ИЛЬЯ (*Хаиму*). Что ты там шепчешь?

ХАИМ (*смущаясь*). Так, молитва перед питьем.

ИЛЬЯ. Смотри, какой набожный! А я и без молитвы могу залпом выпить весь стакан. (*Наливает и выпивает стакан до дна.*) Видишь?

ХАНА. Илья, не трогай его. Он действительно верующий.

ИЛЬЯ. Почему? Я религиозных уважаю. Кто-то ведь должен молиться за наше здоровье и благополучие. А вот для меня... Без Бога шире дорога.

ХАИМ (*осмелев*). Я прошу в моем присутствии о Боге так... не отзываться.

ИЛЬЯ (*с иронией*). Есть, товарищ начальник!

ХАИМ. Какой я начальник? Мне еще предстоит учиться в ешиве...

ИЛЬЯ. Значит, быть тебе раввином! Вижу, ты парень не робкий. Не тоскуй. Далеко пойдешь.

ХАИМ (*смущенно*). Спасибо... за доверие...

ИЛЬЯ. Не за что! (*Оглядывая девушек.*) А какие девочки здесь собрались прелестные! Одно слово – гарем!

ВЕРА (*вспылив*). Мы тебе не наложницы какого-то там турецкого султана.

ХАНА. Вера, ты зря кипятишься. Неужели не видишь, что он шутит?

ИЛЬЯ (*иронично*). Да, я большой шутник. Недаром из Одессы. Там шутят все, кому не лень, от мала до велика... А здесь, в Израиле, уже не до шуток. Надо думать о хлебе насущном.

ВЕРА. Если бы только о хлебе насущном. Бежать отсюда надо. Пока не поздно.

ИЛЬЯ. А вот таких планов пока не имею. Здесь есть все возможности. Надо только уметь развернуться.

ИЛАНА. Мне лично Израиль нравится. Но иногда бывает так тошно. Скучища в этом Негеве беспросветная. Но я не думаю, что

буду прозябать здесь вечно. Попытаю счастья на конкурсе красоты, а потом, может, пригласят стать моделью где-нибудь в Тель-Авиве или Нетании...

ВЕРА. Но ты сначала стань королевой красоты!

ИЛАНА. И стану!

НАДЯ. Илана, ты красивая. Я верю в твой успех.

ХАНА. Я тоже.

ХАИМ (*смущенно*). Надя, ты тоже могла бы принять участие в конкурсе красоты.

НАДЯ. Я еще не думала об этом. Кажется, у Иланы шансов победить больше.

ИЛЬЯ (*улыбаясь*). Я согласен с Надей. Илана – истинная красавица. В нее трудно не влюбиться...

ХАНА (*Илье*). И ты уже влюблен?

ИЛЬЯ. Таких красавиц, как Илана, ни в Израиле, ни в Европе не сыщешь. Жемчужина Негева!

ИЛАНА (*весело*). Ну вот, я уже в жемчужину Негева превратилась...

ХАНА. Илья, а мне ты советуешь принять участие в конкурсе?

ИЛЬЯ (*с улыбкой*). Быть красивой никому не запретишь... Участвовать может каждый желающий. А вот есть ли шансы победить – не знаю.

ХАНА (*Илье*). И всё-таки, у меня есть хоть какие-нибудь шансы?

ИЛЬЯ (*шутливо*). Еще какие! Одна твоя прическа чего стоит! Ты сразу всё жюри сразишь наповал! Не тоскуй!

Всеобщий хохот.

ХАНА (*настойчиво*). И сразу! Как Барбра Стрейзанд! (*Махнув рукой*.) Ладно, я просто так спросила. Что мне там делать? С моей внешностью и фигурой...

ИЛАНА. Опять шутят? Забудь, наконец, эти дурацкие мысли!

ИЛЬЯ. Смотрю я на вас, милые девочки, и вижу, что вы жить не умеете...

ВЕРА. Что это значит – не умеете жить?

ИЛЬЯ. Какие-то у вас мысли убогие...

ИЛАНА. Тогда, Илья, может, ты нас научишь, как надо правильно жить?

ИЛЬЯ. Эх, вспоминаю Одессу... Вот была жизнь! Родители мне

ни в чем не отказывали. В детстве всякими сладостями пичкали, заморскими игрушками заваливали. Хочешь лучшую в мире ракетку – пожалуйста! Потом научился сам зарабатывать деньжата. Сколько ночей я провел в ресторанах! Сплошной балдеж!

ХАНА. А у меня детство было трудное, без родителей... Нашел, чем перед всеми хвастаться!

ИЛЬЯ. Да я и не хвастаюсь. Это так, к слову. Просто мне жаль на всех вас смотреть.

ИЛАНА (*весело*). А меня, Илья, не надо жалеть. Мы еще свое наверстаем! И на «Мерседесе» покатаемся, и роскошную виллу на берегу моря построим, и по границам поедем, и по ресторанам повеселимся!

ИЛЬЯ (*смеясь*). Я вижу, Илана, ты мыслишь правильно. Так держать!

НАДЯ (*вздыхая*). А вот мы по ресторанам не ходили и даже мечтать об этом не могли. Нам не до жиру, лишь бы быть живу...

ХАНА. Я тоже думаю, что без ресторанов вполне прожить можно.

ИЛЬЯ. Прожить! Это уже не жизнь, а существование. Это две большие разницы, как говорят в Одессе... Эх, милые, надо делать жизнь! На иврите – лаасот хаим!

ХАИМ. А что это значит – делать жизнь?

ИЛЬЯ. Это значит – жить шикарно, жить красиво!

ХАИМ. Вот что меня меньше всего привлекает...

ИЛЬЯ. Это понятно. Ты уже выбрал свой путь. Клянйся своему Богу.

ИЛАНА. Жить красиво никому не запретишь!

ВЕРА. Верно! Лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным!

НАДЯ. Но для этого деньги нужны, и немалые...

ИЛЬЯ. Именно тут и надо смотреть в корень вопроса! Разумеется, нам никто не принесет ключ от квартиры, где деньги лежат, как сказал когда-то великий комбинатор.

ХАНА. И ты знаешь, Илья, как стать богатым?

ВЕРА. Если знаешь, расскажи!

ИЛАНА. Это так интересно! Открой нам секрет, Илья: как разбогатеть?

ИЛЬЯ (*с иронией*). Что я вам, Господь Бог, что ли, который знает все ходы и может творить чудеса? Впрочем, кое-какие идеи у меня имеются. Есть тысячи способов, как разбогатеть. Наверное, смо-

трели американский фильм «Как стать миллионером»? Если помните, там крадут ценную картину из музея. Но это пахнет чистой уголовщиной. Форменное воровство. А я, как и Остап Бендер, чту уголовный кодекс. Может, у кого-то из нас живет где-то в Америке богатый дядюшка, который перед смертью вдруг вспомнит о своем бедном племяннике или племяннице и сделает его или ее единственным наследником своего миллионного состояния. Мечта поэта! Но не знаю, как вам, а мне это не светит. (*Встает и начинает ходить.*) Далее. Вступление в брак с миллионером или миллионершей. Эта идея стара, как мир. Она сулит богатые возможности, особенно красивым девушкам. Сколько состоятельных мужчин – вельмож, князей, графов, маркизов и даже королей – сходило с ума по очаровательным красоткам. Примеров – тысячи! Самый классический – Золушка из знаменитой сказки Шарля Перро, покорившая сердце прекрасного принца. Впрочем, немало примеров и из истории. Взять хотя бы графа Шереметьева, который вдруг взял, да и женился на крепостной актрисе Параше Жемчуговой... Обратные случаи бывают, но значительно реже. Богатые дамы не торопятся выходить замуж за бедных юношей. Им это не надо. Так что брак по расчету мне тоже не светит. Идем дальше. В тебе вдруг обнаруживается какой-нибудь блестящий талант или появляется голос, как у Элви Пресли. Ты сочиняешь несколько приятных песенок, идешь в музыкальный магазин, торгующий кассетами и дисками, напеваешь там под гитару свою песенку, ее тут же записывают, размножают, дают по радио – и на следующий день ты рождаешься знаменитостью, к тебе приходят всемирная слава и богатство. Вокруг тебя шелестят купюры... Вундеркиндом, как Моцарт, увы, я не родился. В детстве родители пытались заставить меня на скрипке пикивать. Походил в музыкалку два года, помучился и потом сказал себе: что ты, Сигизмунд, делаешь? Хватит с меня! Не дал Бог музыкального таланта – медведь на ухо наступил. Поэтом, художником или там танцором я тоже не родился. Господь Бог не угораздил. Здесь тоже перспектив никаких. Конечно, все мои надежды были связаны со спортом. Тренировался каждый день, как вол, чтобы попасть в какой-нибудь турнир. Но не тут-то было! В Израиле в спорте оказалась такая мафия, что пробиться куда-то практически невозможно. И тогда я сказал себе: Сигизмунд, не тоскуй, надо перестраиваться! Вначале никак не мог понять: то ли капитализм в Израиле, то ли социализм. Потом дошло: и того, и другого навалом. Стал искать различные пути заработка.

Чего только не перепробовал! Даже на раскопках повкалывал. Потом надоело мне всё это, и я стал присматриваться к хитростям израильской экономики и почитать всякие объявления о работе. Попадались и такие: «Требуется мужчины до 60 лет для интимных встреч с женщинами. Высокий почасовой заработок. Анонимность 100%». Или: «Высокие почасовые заработки для настоящих мужчин»... Вот видите, для сопровождения требуются не только молодые женщины, но и мужчины. Милые дамы, я хоть и считаю себя настоящим мужчиной, но еще не перестал себя уважать. Была идея поступить на курсы страховых агентов, потом подумал: нет, это работа не для мужчин. Так, перебрав тысячи разных профессий, я пришел к единственно правильному выводу: бизнес – вот цель современного предприимчивого человека, который хочет стать хозяином своей судьбы. В этом плане для меня пример для подражания самый богатый человек на планете – Билл Гейтс. Конечно, до его миллиардов мне не подняться, но о миллиончике можно по мечтать. Можно...

ХАИМ. А я вообще не понимаю, зачем одному человеку столько денег...

ИЛАНА. Сколько бы у человека ни было денег, ему всегда будет казаться, что мало... А ты, Илья, молодец – смотришь прямо в корень.

ИЛЬЯ. Спасибо Илане за понимание и поддержку.

ВЕРА. Пусть этот Билл Гейтс подавится своими миллиардами. Мне лично и ста тысяч хватило бы...

ХАНА. И всё-таки, друзья, не в деньгах счастье. Главное, мне кажется, – найти свое место под солнцем.

ХАИМ. Верно, верно! Свое место! И это место я для себя уже нашел: служение Господу!

ИЛЬЯ. Вот кого ждет безоблачная жизнь! Но, если честно, не завижусь. Я вижу проблему в другом – в жестокой конкуренции.

ВЕРА. Я согласна с тобой. Вопрос именно в том, хватит ли всем места под солнцем. Особенно здесь, в Израиле.

ИЛЬЯ. Вот тут и вступает в полную силу закон джунглей – борьба за существование. Побеждает сильный. Сильнейший. Спорт в этом отношении – дело не последнее.

НАДЯ. Илья, а как же учеба?

ИЛЬЯ. Одно другому не помеха. Можно и бизнесом заниматься, и в университете учиться.

ИЛАНА. Как это, как это?

ИЛЬЯ (*шутливо*). Секрет фирмы.

ВЕРА. И каким бизнесом ты собираешься заниматься?

ИЛЬЯ. Не тоскуй! Тут широкое поле деятельности. Выбор огромный. Например, открыть книжную лавку и торговать книгами из России. Прибыльное дело. Спрос на книги был, есть и будет.

Раздается телефонный звонок.

ХАНА (*берет трубку*). Алё! Яков? Наконец-то! Можно поздравить тебя?.. А, еще рано?.. Так... Хорошо... Бэсэдэр... Постарайся побыстрее, а то мы тебя ждали... Нет, не все. Ждем еще Владика, брата Нади... Чао! (*Кладет трубку.*) Это, друзья, звонил Яков...

ИЛАНА (*живо*). Ну что? Как он сыграл на конкурсе? Победил?

ХАНА. Не сказал. Обещал сказать, когда приедет. Но голос какой-то невеселый... Просил, чтобы мы его не ждали и садились за стол. Он подъедет на маршрутном такси минут через двадцать.

ИЛАНА. Почему же у него невеселый голос?

ИЛЬЯ. Значит, нет причины веселиться.

НАДЯ. Неужели он не победил на конкурсе?

ХАИМ. Если это так, то остается только пожалеть об этом.

ВЕРА. Здесь, в Израиле, ничего не добьешься.

ХАНА. Друзья, давайте не будем гадать. Подождем немного, и он сам всё расскажет.

Звонок в дверь.

ХАНА (*бежит, чтобы открыть дверь*). Это, наверное, Владик. Привет, Владик.

В квартиру входит запыхавшийся Владик, который на несколько секунд останавливается как вкопанный, шокированный прической Ханы, и затем падает на стул.

ВЛАДИК. Я к вам прямо с экскурсии. Ух, устал, как черт!

НАДЯ. А чего ты не здороваешься со всеми?

ВЛАДИК (*вскакивая со стула*). Шалом! Привет вашей компании! Ух, чуть не забыл! (*Вытаскивает из кармана плитку шоколада и протягивает ее Хане.*) Хана, с днем рождения! Мазаль тов! Это шоколадка от меня. Держи. Живи до ста двадцати и больше!

ХАНА (*целуя Владика*). Спасибо тебе за поздравление и шоколад. Я весьма тронута твоим вниманием.

ВЛАДИК. Но я ненадолго. На полчаса. Времени в обрез.

ХАНА. Чего так?

ВЛАДИК. Хочу успеть посмотреть по телику фильм ужасов с участием Сильвестра Сталлоне.

ХАНА. Я всё равно тебя не отпущу, пока ты с нами не покушаешь.

ВЛАДИК. Ладно, уговорили. От вкусной еды не откажусь, тем более, что я голодный, как черт.

НАДЯ. Владик, расскажи нам, как прошла экскурсия.

ИЛАНА. Куда вы ездили сегодня?

ВЛАДИК. В Тель-Авив. Это была шикарная экскурсия!

ВЕРА. Ну и как? Тебе понравился Тель-Авив?

ВЛАДИК. Классно! Одна тель-авивская набережная чего стоит!

ИЛАНА. Остается только позавидовать! Ты, Владик, хоть в Тель-Авиве побывал, а мы сидим в этой негевской дыре и ничего не видим.

ВЛАДИК. Да, там жизнь кипит вовсю!

ХАНА (*громко*). Итак, друзья, не пора ли садиться за стол? Все в сборе, кроме Якова. Но он просил передать, чтобы его не ждали.

ВЕРА. Ура! Наконец-то! Я так изголодалась, что, кажется, сейчас умру!

НАДЯ. Я тоже умираю от голода!

ИЛАНА. И я не могу ждать. Придется кушать без Якова...

ХАИМ. А чем, Хана, ты будешь нас потчевать?

ХАНА (*торжественно*). Я приготовила фирменное блюдо: плов по-московски!

ХАИМ. Надеюсь, из кошерного мяса?

ХАНА. Можно не сомневаться. Из лучших сортов баранины и персидского риса.

ИЛЬЯ. А почему по-московски?

ХАНА. Потому что я научилась его делать в Москве. Кто поможет мне?

Голоса: я, я, я...

ХАНА. Ладно, пусть поможет Илья. Не против?

ИЛЬЯ. Напротив. С превеликим удовольствием.

ХАНА и Илья идут на кухню, где подогревают плов на газовой плите и достают из холодильника салаты, хлеб и пр.

ХАИМ. Ну как, Владик, ты доволен, что совершил алию в Израиль?

ВЛАДИК. Вначале не очень, а теперь вижу, что здесь лучше, чем в Киеве.

ХАИМ. Так ты сюда за колбасой ехал или ради чего-то еще?

ВЛАДИК (*смущенно*). Прежде всего за колбасой...

ХАИМ. Хвалю за откровенность. А если серьезно, то мы сюда не ради колбасы приехали, а чтобы начать соблюдать еврейский образ жизни.

ВЛАДИК. А что это значит – еврейский образ жизни?

ХАИМ. Это значит, что мы должны соблюдать не только заповеди, но и наши еврейские праздники. Кстати, как раз через два дня начинается праздник Суккот.

ВЛАДИК. Слышал о нем. Спасибо Суккот за большие каникулы в школе!

НАДЯ. Название какое-то странное – Суккот...

ХАИМ. Чувствую, что вам надо что-то объяснить. Осенью Господь установил в Торе для евреев череду праздников. Первый из них – Рош-Ашана, или Новый год – мы отмечали в первый день месяца Тишрей. Второй – Йом-Кипур, или День Искупления – был два дня назад. А третий – праздник Суккот – так назван в память об исходе евреев из Египта. В Торе сказано: «В шалашах – на иврите «суккот» – живите семь дней, дабы знали ваши поколения, что в шалашах поселил я сынов Израиля, когда вывел их из Египта». А теперь у меня есть идея: пока Хана и Илья хлопочут на кухне, приступить к строительству сукки. Материалы уже заготовлены. Кто из вас готов помочь мне? Как, Владик?

ВЛАДИК. Я? Всегда готов!

НАДЯ. И я хочу помочь!

ИЛАНА. И я!

ВЕРА. А я лучше посижу. Мне что, делать больше нечего?

ХАИМ (*подойдя к кухне, Хане*). Пока вы готовите стол, мы начнем делать сукку. Не против?

ХАНА. Конечно, не против. Молоток и гвозди на террасе.

ХАИМ, Владик, Надя и Илана выходят на террасу, где начинают сооружать сукку. Слышны команды Хаима, которые перемежаются со стуком молотка.

ХАИМ. Так, эту фанеру поставим сюда, а эту сюда... Владик, поддержи здесь за край... А ты, Надя, поддержи с этой стороны... Немного ближе... Так... Забиваю гвоздь... Илана, возьми за тот край... Так, подравняем... и т.д.

В это время Хана и Илья вносят из кухни в салон подогретый плов, салаты, колбасу и другую еду и с помощью Веры накрывают на стол.

ХАНА (*торжественно*). Господа, всё готово! Прошу всех занять места за столом!

ИЛЬЯ (*громко*). Согласно купленным билетам!

ХАИМ (*выходя с террасы вместе с Владиком, Надей и Иланой*). Жаль, что у нас было мало времени. Но, главное, начало положено!

ХАНА (*заглядывая на террасу*). Спасибо вам! А закончить можно будет попозже... Приглашаю всех к столу!

Все шумно и смеясь садятся за стол, Илья рядом с Иланой.

ВЕРА. Ну, Хана, уморила ты нас голодом. Кажется, я готова проглотить всё, что на этой сковородке!

ИЛАНА. А я готова проглотить и саму сковородку со всеми потрохами!

ХАНА (*раскладывая плов по тарелкам*). Друзья, не волнуйтесь! Плова много, хватит на всех! (*Вдруг о чем-то вспомнив.*) А про вино забыли! Сейчас будет. (*Бежит на кухню и возвращается с бутылкой вина.*) Вот. «Царь Давид». Красное сладкое. Мне его очень хвалили. Кто откроет?

ИЛЬЯ. Давайте, я. У меня опыт есть. (*Ловко открывает бутылку и разливает вино по рюмкам.*) Виновнице торжества в первую очередь.

ХАНА. Мне чуть-чуть.

ИЛЬЯ. Никакие чуть-чуть. Ты у нас сегодня именинница! Если всю рюмку не осилишь, можно по частям.

ХАНА. Ладно.

ИЛЬЯ (*заканчивая разливать вино*). Прошу проверить, у всех ли налито. Владик, тебе можно? Ты парень пьющий?

ВЛАДИК (*обиженно*). Не пьющий, а поющий...

ИЛЬЯ. Понял. Не тоскуй. Шутка принята. Ну что, можно сказать первый тост?

ИЛАНА. Говори. У тебя опыт есть.

ИЛЬЯ (*с шутливой торжественностью*). Принимаю вызов... Итак, дамы и господа, сегодня мы чествуем нашу Хану, которая имела счастье в этот день появиться на свет. Не будем уточнять, сколько лет назад. Мы познакомились с Ханой на теннисных кортах, и с тех пор она благодаря невиданному упорству в занятиях спортом приобрела в моих глазах заметное уважение. Прежде всего, я хочу пожелать тебе, Хана, счастья – настоящего и полного счастья на этой Обетованной земле. Иначе для чего мы все сюда прибыли? А поскольку счастья не может быть без любви, то желаю тебе настоящей, всезахватывающей любви! То есть поймать эту самую синюю птицу за хвост!

Голоса: Лехаим! Мазаль тов! Счастья тебе и радости! Жить до ста двадцати! Ад мза взэсрим! За синюю птицу! – и т.д.

ХАНА. Спасибо за добрые пожелания. Прошу попробовать мой плов...

Все дружно накидываются на плов, при этом Хаим перед едой шепчет про себя молитву. В течение полминуты стоит полная тишина.

ХАИМ (*робко*). Кажется, слишком много соли...

НАДЯ. Что-то не то...

ВЕРА. Плов явно пересолен.

ИЛАНА. Невозможно есть!

ИЛЬЯ. Нет, это не для меня.

Все, кроме Хаима, отодвигают от себя тарелки с пловом и взрываются от смеха.

ХАНА (*растерянным голосом*). В самом деле, пересолено... Какая досада... Друзья, простите меня... Я так старалась...

ВЛАДИК. Как жаль! Я так хотел есть!

ХАНА. Владик, друзья, не отчаивайтесь! На столе полно еды. Берите колбасу, салаты, хумус...

ХАИМ (*продолжая есть плов*). Я постараюсь доесть. Всё-таки Хана трудилась.

НАДЯ. Вот это героический поступок!

ИЛЬЯ (*с насмешкой*). Теперь я Хаима зауважаю еще больше!

ИЛАНА. Зато есть примета: если кто-то кладет в еду много соли – значит, сразу видно, что влюблен.

НАДЯ. Хана влюблена!

ХАИМ. Верно.

ВЕРА. Вне всякого сомнения! Хорошо, что хоть колбаса есть...

ХАНА (*осмелев*). Это еще не всё. У меня еще торт припасен! К чаю.

Голоса: Ура! Еще будет торт! Тогда жить можно!

ХАИМ (*доедая плов*). Всё, закончил. Как видите, ничего со мной не случилось.

Дружные аплодисменты.

Голоса: Bravo, Хаим! Молодец! Ты настоящий герой!

ХАИМ (*смущаясь и смотря на Надю*). Какое это геройство? Просто поел немного пересоленный плов... Знаете, о чем я сейчас думаю?

НАДЯ. О чем?

ХАИМ. Я думаю, что мы являемся свидетелями нового Божественного чуда...

Голоса: Чуда? Божественного? Какого? Скажи нам, какого чуда?

ХАИМ. Две тысячи лет после изгнания еврейский народ был рассеян по всему миру. И теперь мы свидетели того, как евреи со всего света возвращаются на свою историческую родину и вновь возродили свое государство. Это событие эпохального значения! Нет, мы не только свидетели, но и участники этого великого процесса! Какое счастье праздновать Суккот в Израиле! Кстати, четвертый день этого праздника посвящен арбаа миним...

ИЛАНА (*быстро*). Четырем видам растений?

ХАИМ. Нахон! То есть, верно. Все они соответствуют четырем типам евреев. Первый – этрог, цветом похожий на лимон, но крупнее, обладающий и вкусом, и запахом, – символизирует любовь к Торе и добру. Второй – лулав, то есть ветвь финиковой пальмы, имеющей вкусные плоды, – олицетворяет любовь к Торе. Третий – мирт, обладающий запахом, но не имеющий плодов, – символизирует любовь человека к добру. И, наконец, четвертый – ветки речной ивы, у которой нет ни плодов, ни запаха, – соответствует евреям, у которых отсутствует любовь и к Торе, и к добру.

ВЕРА. Вот как! Значит, я – ветка ивы?

НАДЯ. А я хочу быть миртом!

ИЛАНА. А я – финиковой пальмой!

ВЛАДИК. Я бы не отказался стать этрогом...

ИЛЬЯ. Губа, смотрю, у тебя не дура! Хана, а ты себя каким растением представляешь?

ХАНА (*подумав, не сразу*). Я хочу стремиться и к познанию Торы, и к добру...

ХАИМ. Дело в том, что все эти растения соединяются вместе и символизируют единство еврейского народа... Хана, у тебя есть песни, посвященные Суккот?

ХАНА. Конечно, есть. (*Берет с полки диск и включает.*) Слушайте песни, а Илья поможет мне отнести на кухню грязную посуду.

Громко звучит песня Наоми Шемер «Шуламит строит сукку». Действие переносится на кухню, куда перешли с грязной посудой Хана и Илья.

ИЛЬЯ. Так что надо делать?

ХАНА. Сначала положим грязную посуду в раковину. Теперь достанем из холодильника торт.

ИЛЬЯ (*помогая Хане вытащить из холодильника торт*). Ты смотри, какая громадина! Небось, очень вкусный...

ХАНА. Надеюсь, что вкусный.

ИЛЬЯ. Однако ошарашила ты меня сегодня.

ХАНА. Чем?

ИЛЬЯ. Не знаешь, чем?

ХАНА. Прической?

ИЛЬЯ. Такой оригинальной я тебя еще никогда не видел...

ХАНА. Ну и как?

ИЛЬЯ. Нет слов. Запомнится надолго.

ХАНА. А вот с пловом не повезло...

ИЛЬЯ. Не тоскуй. С кем такого не бывает? Зато салаты и колбаса на уровне!

ХАНА. Жаль, я так старалась... Хотела, чтобы плов понравился тебе...

ИЛЬЯ. Только мне и больше никому?

ХАНА (*не сразу*). Конечно, старалась для всех, и сама не знаю, почему положила столько соли...

ИЛЬЯ. Наверное, влюблена в кого-то?

ХАНА. Может, и влюблена...

ИЛЬЯ. А что, любовь – чувство прекрасное... Но плохо, когда оно не взаимно.

ХАНА. А ты не догадываешься, в кого я влюблена?

ИЛЬЯ. Нетрудно догадаться. Во время тренировок на теннисных кортах я давно всё прочел в твоих глазах.

ХАНА. И что же ты прочел?

ИЛЬЯ. В кого ты влюблена...

ХАНА. Какой ты, Илюша, проникательный...

ИЛЬЯ. Поверь, что я в тебе нашел замечательную девушку...

ХАНА. Спасибо за комплимент.

ИЛЬЯ. Почему же ты ответила на мое предложение отказом?

ХАНА. Да, предложение было очень заманчивым...

ИЛЬЯ. Я не один раз делал тебе предложение, и каждый раз ты артачилась...

ХАНА. Ты, наверное, думал, что от твоего предложения провести вместе время в постели я от радости вознесусь на седьмое небо? И скольким девушкам ты делал такое предложение?

ИЛЬЯ. Представь себе, не считал.

ХАНА. Если бы ты действительно любил меня, то сделал бы другое предложение...

ИЛЬЯ. Какая ты, Хана, несовременная. Зачем все эти свадьбы, браки и прочая мишура, когда можно прекрасно проводить время, где и когда мы хотим.

ХАНА. Давай, Илюша, оставим это. Боюсь, что мы с тобой никогда не пойдем друг друга... Да и торт пора нести, а то гости заждались.

ХАНА и Илья вносят в салон торт, электрочайник и заварку.

ХАНА (*кричит*). Друзья! Приглашаю вас на чай с тортом!

Голоса: Ура! Сейчас будет чай! Как хочется попробовать торт! Наверное, очень вкусный! У меня слюнки текут при виде торта!

ХАНА (*разливая чай по стаканам*). Кто нам разрежет торт?

НАДЯ. Давай, я!

ИЛАНА. Я тоже хочу!

ВЛАДИК. И я!

БЕРА. И я!

ХАНА. Ладно, поручим этот почетный труд Вере. Никто не возражает?

Голоса: Нет, не возражаем! Пусть режет! Нет сомнений, что справится!

ВЕРА разрезает торт и раскладывает куски по тарелкам. Некоторое время все дружно пьют чай с тортом, сопровождая чаепитие одобрительными возгласами. Звучит звонок в дверь.

ХАНА (*вскакивает и бежит к двери*). Это, наверное, Яков. Наконец! (*Открывая дверь*.) Я не ошиблась. Заходи, Яков, мы уже заждались тебя!

В квартиру входит Яков в немного потрепанном виде. В одной руке у него цветы, в другой – наброшенная на плечо сумка с флейтой и компакт-диском. Все ему дружно аплодируют. Яков ожидает, пока прекратятся аплодисменты, затем достает из сумки диск, протягивает его Хане вместе с цветами и вешает сумку у входа.

ЯКОВ (*с деланным оптимизмом*). Это приятно, когда тебя ждут... Да здесь уже целая компания собралась! (*Представляясь, кланяется*.) Ваш покорный слуга Яков, имеющий несчастье быть музыкантом. (*Хане*.) Хочу также поздравить тебя с днем рождения. На этом диске твой любимый Шуберт.

ХАНА (*живо*). Шуберт? Чудесно. А что здесь?

ЯКОВ. Восьмая симфония. «Неоконченная».

ХАНА. Спасибо тебе, Яков. Я очень рада.

ЯКОВ (*подходит к Илане и целует ее*). Иланка, привет! Как дела?

ИЛАНА. У меня всё в порядке. А как у тебя?

ЯКОВ (*помедлив и меняя тон*). У меня как раз не всё... в порядке. Впрочем, итоги конкурса еще не известны. Они пришлют письмо...

ИЛАНА. Почему же ты решил, что не всё в порядке?

ХАНА. Действительно, почему?

ЯКОВ (*крича*). Почему? Потому что чувствую, что сыграл хуже, чем мог бы сыграть... Кроме того, я слушал на конкурсе других флейтистов. Были очень сильные – Моцарта играли лучше меня. И вообще думаю, что эту дудку (*показывает на флейту*) нужно забросить куда-нибудь подальше. С меня хватит! Буду искать себе другое занятие.

ИЛАНА. Мне всё ясно.

ИЛЬЯ. Мне тоже.

ХАНА. А я считаю, что надо не торопиться с решением, а сна-

чала дожидаться письма... Ладно, Яков, не отчаивайся! Еще не всё потеряно! Да, чуть не забыла представить тебе гостей.

ИЛЬЯ (*с улыбкой*). Меня не надо представлять. Мы уже успели познакомиться. Так, Яков?

ИЛАНА. Когда же вы успели познакомиться?

ИЛЬЯ (*продолжая улыбаться*). А сегодня утром.

ИЛАНА. Интересно... И где?

ИЛЬЯ. Ну что, Яков, откроем тайну?

ЯКОВ. Никакой тайны нет!

ИЛЬЯ. Представь себе, Илана, мы познакомились с Яковом в твоей квартире.

ИЛАНА. Ого, это уже совсем интересно. И как ты, Илья, оказался в моей квартире?

ИЛЬЯ. Очень просто. По делам бизнеса.

ИЛАНА. Какого бизнеса?

ИЛЬЯ. Я тебе после расскажу.

ХАНА. Хорошо, я представлю Якову оставшихся гостей. Это – Вера и Надя, мои подруги.

ЯКОВ (*кланяясь*). Очень приятно.

ХАНА. Это – Надин братик Владик.

ВЛАДИК (*обиженным тоном*). Не братик, а брат. Разве я такой маленький?

ЯКОВ (*кланяясь*). Очень приятно.

ХАНА. А это – Хаим, мой сосед. Прошу любить и жаловать.

ЯКОВ (*пожимая руку Хаиму*). Очень приятно. А кипа для чего?

ХАИМ (*смущаясь*). Разве вы не знаете, для чего кипа?

ЯКОВ. В принципе, знаю. Объяснять не надо.

ХАНА (*Якову, тихо*). Хаим сделал тшуву, то есть... вернулся к Богу и собирается поступать в ешиву.

ЯКОВ (*с деланным весельем*). Может, мне тоже в ешиву податься? Никаких конкурсов, никаких забот! Сиди и зубри себе Тору..

ХАИМ (*несколько осмелев*). Во-первых, в ешиве изучают, а не зубрят Тору. А во-вторых, служение Господу – это слишком большая работа.

ЯКОВ (*сниходительно*). Ну ладно, убедил...

ХАНА. Яков, ты вовремя пришел. Мы как раз приступили к чаю с тортом. Приглашаю к столу. Ой, места не хватает! Яков, принеси с кухни стул.

ЯКОВ. Я мигом. (*Бежит на кухню, возвращается со стулом и хочет поставить его между Ильей и Иланой.*)

ИЛЬЯ. Осторожней. Здесь место уже занято.

ЯКОВ. Кем же?

ИЛЬЯ. Не видишь? *(С улыбкой.)* Мной.

ЯКОВ. Понятно. Илана, можно присесть с тобой рядом?

ИЛАНА *(пожимая плечами).* Почему бы и нет? Можно сесть и с другой стороны. Я думаю, что Вера немного отодвинется.

ВЕРА *(передвигая стул).* Пожалуйста. Не всё ли равно, где сидеть? Я еще, слава Богу, свободная...

ХАНА. Ну вот, кажется, все уселись. *(Кладет на тарелку рядом с Яковым большой кусок торта.)* Угощайся, Яков. Наверное, проголодался?

ЯКОВ. Не то слово!

ХАНА. К сожалению, плов я не могу предложить...

Взрыв общего смеха.

ЯКОВ. А что тут смешного?

ИЛАНА. Смешного мало. Плов оказался немного пересолен...

ИЛЬЯ. Если бы немного...

ЯКОВ. Вот как...

ХАНА. Да, было такое... *(Беря в руки подаренный ей диск, читает название.)* Шуберт. Восьмая симфония. «Неоконченная». Друзья, так хочется послушать. Хотя бы немножко... Вы не против?

ИЛАНА *(отвечая как бы за всех).* Мы не против. Ты же у нас именинница. Только чуть-чуть. Чтобы скуку не разводить...

ХАНА *(радостно).* Хорошо, только начало. Остальное дослушаю потом.

ХАНА включает диск. В полной тишине звучит начало «Неоконченной» симфонии Шуберта. Спустя две минуты Хана выключает диск. Еще полминуты все сидят в той же тишине.

ХАНА *(тихо).* Гениальная музыка!

ЯКОВ. Как раз под настроение...

НАДЯ. Да, музыка захватывает...

ВЛАДИК. Еще как! Я даже не ожидал, что будет так круто...

ХАИМ. Меня музыка тоже тронула. А ж до слез. *(Вытирает глаза платком.)*

ВЕРА. А меня симфонии не трогают. Какой-то непонятный набор звуков, и только!

ИЛАНА. Не говори... Я в этих симфониях совсем не разбираюсь...

ИЛЬЯ. Может, музыка и гениальная, но она не кормит. Слышал, что все эти Шуберты и Моцарты умерли в страшной бедности...

ХАНА. Может, это и так, но не хлебом единым жив человек.

ИЛАНА. Тогда в чем же счастье?

ХАНА. Думаю, в том, чтобы оставить после себя потомство. Родить и вырастить хотя бы одного человечка...

ИЛАНА. Между прочим, для этого не обязательно выходить замуж.

ВЕРА. Здесь я с тобой не согласна. Без мужа будет трудно воспитывать ребенка.

ХАИМ. Безусловно. Должен присутствовать прочный семейный союз, освященный Свыше.

ИЛЬЯ. Я в эти прочные семейные союзы не очень верю.

ХАИМ. И напрасно!

ВЛАДИК. А я где-то читал, что скоро начнут выращивать людей в пробирках...

НАДЯ. До этого еще очень далеко. Пусть дети рождаются естественным путем.

ЯКОВ (*мрачно*). Лучше бы они совсем не рождались. Ничего, кроме тоски, в мире не увидят...

ИЛЬЯ. Вот и затосковал парень. Не тоскуй! Радости в мире тоже хватает.

ЯКОВ. Радоваться-то нечему.

ХАНА (*весело*). Вот что. Нужно поднять Якову настроение. Может, спеть что-нибудь?

ИЛЬЯ. Это будет очень кстати. Давно хотел послушать твое пение.

НАДЯ (*оживленно и как бы за всех*). Ура! Мы как раз хотели попросить тебя об этом.

ИЛАНА. С удовольствием слушаем. А если надо, то и подпоем.

ХАНА. Как, Яков, не против?

ЯКОВ (*не в духе*). Я – как вся компания...

ВЛАДИК. А компания хочет!

ХАИМ. Почему бы не послушать?

ВЕРА. Хана, чего много разговаривать? Пой!

ХАНА (*берет в руки гитару, проверяет и настраивает ее*). Что бы вам спеть? Может, Окуджаву? Обожаю его песни...

ИЛЬЯ. Пусть будет Окуджава!

ХАНА. Хорошо. *(Выдерживает паузу, после чего поет «Молитву Франсуа Вийона».)*

Пока Земля еще вертится, пока еще ярок свет,
Господи, дай же ты каждому, чего у него нет:
Умному дай голову, трусливому дай коня,
Дай счастливому денег... И не забудь про меня.

Пока Земля еще вертится, – Господи, твоя власть! –
Дай рвущемуся к власти навластовать всласть,
Дай передышку щедрому хоть до исхода дня,
Каину дай раскаянье... И не забудь про меня.

Я знаю: ты всё умеешь. Я верую в мудрость твою,
Как верит солдат убитый, что он проживает в раю,
Как верит каждое ухо тихим речам твоим,
Как веруем и мы сами, не ведая, что творим.

Господи, мой Боже, зеленоглазый мой!
Пока Земля еще вертится, и это ей странно самой,
Пока ей еще хватает времени и огня,
Дай же ты всем понемногу... И не забудь про меня.

По окончании песни звучат дружные аплодисменты.

ИЛЬЯ. Честно говоря, не ожидал, Хана, что ты так красиво поешь.

ХАНА *(смущаясь)*. Но я не певица. Пою, как могу...

НАДЯ. Зато ты настоящий бард!

ИЛАНА. Нет, бардесса!

ХАНА. Какая я бардесса? Такого слова в русском языке вообще нет...

ВЕРА. Я в восторге! Ты поешь великолепно!

ВЛАДИК. И мне тоже понравилось, особенно слова «Господи, мой Боже, зеленоглазый мой». А что, у Бога глаза действительно зеленые?

ХАИМ. У Бога вообще никаких глаз нет. Он бестелесный. Это образ, придуманный Окуджавой. *(Напевает.)* «Дай же ты всем понемногу... И не забудь про меня».

ЯКОВ. «И не забудь про меня». Спасибо, Хана, за песню. На душе немного полегчало. Может, споешь еще что-нибудь?

НАДЯ (как бы от имени всех). Мы все просим тебя!

ХАНА. Конечно, спою, если вам так понравилось... У меня есть одна любимая песня-молитва на стихи Ханы Сенеш.

ИЛАНА. А кто такая Хана Сенеш?

ХАНА. Разве ты не слышала о ней?

Голоса: И мы не слышали... Кто она?.. Расскажи нам о ней...

ХАНА. Я сама узнала о Хане Сенеш совсем недавно. Услышала по радио ее песню-молитву «Прогулка в Кейсарию», раздобыла в библиотеке слова и ноты и выучила песню наизусть. А потом я достала книгу о ней (снимает с книжной полки и показывает гостям). Хану Сенеш можно назвать еврейской Зоей Космодемьянской. Приехала в Палестину из Венгрии еще в 1939 году, поселилась в кибуце Сдот-Ям, рядом с Кейсарией, и закончила парашютно-десантные курсы, чтобы участвовать в войне с Германией в составе британских войск. В 1944 году была послана в Венгрию с целью спасения венгерских евреев, но была схвачена и после пыток казнена фашистами. Спустя шесть лет ее прах был перевезен из Венгрии в Израиль и похоронен на горе Герцля в Иерусалиме. Во время экскурсии я побывала на ее могиле и с того времени решила взять себе ее имя.

ИЛАНА. Чтобы быть похожей на нее?

ХАНА. Наверное...

НАДЯ. Как интересно... А до этого какое ты носила имя?

ХАНА. Валя. Имя хорошее, но слишком русское. Поэтому я и решила поменять его на Хану. Хана Сенеш написала немного стихов, которые стали известны лишь после ее смерти. Некоторые ее стихи, написанные на иврите, попали в руки композитора Захави, который сочинил к ним музыку. Среди них – «Прогулка в Кейсарию», ставшая известной в Израиле песней-молитвой. Ничего, что я спою ее вам на иврите?

ИЛЬЯ. Почему бы и нет? Только потом переведи для тех, кто не поймет.

ХАНА пробует на гитаре несколько звуков, находит нужные аккорды и после вступления исполняет на иврите песню Захави на стихи Ханы Сенеш «Мой Бог». По окончании песни все шумно аплодируют.

НАДЯ. Какая чудная и печальная мелодия. Но не все слова понятны. Хана, переведи нам стихи.

ХАНА. Пожалуйста. Попробую передать на русском, что Хана Сенеш хотела сказать на иврите:

Мой Бог, мой Бог, который не кончится никогда,
песок и море,
шелест воды,
молния на небе,
молитва человека...

ЯКОВ. В словах как будто ничего особенного нет, а задевают душу. *(Вытирает глаза.)*

ХАИМ. Меня также песня тронула до глубины души... Хочу выучить ее для себя. *(Напевает начало песни.)* Хана, можно будет переписать у тебя слова?

ХАНА. Что за вопрос? Конечно, можно. Когда захочешь.

ВЛАДИК. Песня уж слишком грустная...

ВЕРА. Не в моем духе.

ИЛАНА. А мне понравилась...

ХАНА. И вот теперь мы с вами живем в стране, о которой Хана так мечтала... Остается только найти свое место на этой земле.

ВЕРА. Сюда уже столько понаехало народу, что места уже может всем не хватить...

НАДЯ. Я не согласна с тобой, Вера. Негев, например, почти не заселен. В нем места для всех хватит.

ИЛЬЯ *(с улыбкой)*. Даже останется. Не случайно Бен-Гурион призывал молодежь селиться в Негеве. Я об этом узнал во время экскурсии в Сле-Бокер, где он похоронен вместе со своей женой.

ИЛАНА. Я видела на карте: Негев занимает огромную территорию. Хватит евреям места на ближайшие сто лет. А может, и на все двести.

ЯКОВ *(тихо)*. А мне кажется, что Хана имела в виду совсем другое, когда говорила, что каждый из нас должен найти свое место в жизни.

ХАНА. Яков, ты правильно угадал мои мысли. Я не имела в виду территорию. Главное – это найти свое место под солнцем, то есть найти наилучшее применение своим силам и способностям. Или, если проще, найти свое призвание и не занимать чужого места, предназначенного кому-то другому.

ЯКОВ. В этом весь вопрос. И после сегодняшнего конкурса я убедился, что мое призвание не в дудке, а совсем в другом...

ИЛАНА. Яша, а не боишься ошибиться?

ЯКОВ. Не ошибается только тот, кто ничего не делает. Жизнь покажет...

БЕРА. Ладно, что это мы всё спорим да говорим! Всё равно каждый из нас останется при своем мнении. Может, подвигаемся, потанцуем? Сколько можно сидеть?

ИЛАНА. Вера права! И так засиделись! Спасибо, Хана, за чудесный торт! Какая музыка есть у тебя для танцев?

ХАНА. У меня много дисков. Сейчас посмотрю. *(Перебирает на полке диски.)* Вот, нашла. Предлагаю танцевать под музыку Давида Тухманова. У него есть песня, которая так и называется – «Давайте танцевать». Как?

ИЛЬЯ. Согласны! Музыка зажигательная! Включай, Хана! Так и хочется расшевелиться...

ВЛАДИК. Я тоже хочу... подвигаться, а то все косточки онемели...

ХАИМ. Я не большой любитель танцевать. Лучше посмотрю, как танцуют другие...

ХАНА. Друзья, помогите отодвинуть стулья и стол. Пусть будет больше места для танцев. *(Включает диск с записью песен Д. Тухманова.)*

Все, кроме Ханы, Якова и Хаима, становятся в круг и танцуют, кто как хочет. Илья и Илана оказываются рядом и образуют танцующую пару.

НАДЯ *(кричит сквозь музыку).* Хана, Яков, Хаим, присоединяйтесь к нам!

ИЛАНА *(также кричит).* Действительно, хватит сидеть! Идите танцевать!

ХАНА. Хочу немного посидеть, посмотреть, как вы танцуете.

ЯКОВ. А у меня нет настроения. Как-нибудь в другой раз...

ХАИМ *(вставая со своего места).* Ладно, попробую... Хотя какой из меня танцор!

ХАНА. Пожалуй, я тоже потанцую. *(Встает и присоединяется к танцующим.)*

Музыка приглушается.

ХАИМ (*Хане*). Мне надо уже уходить...

ХАНА (*Хаиму*). Побудь еще немного. У нас так весело!

ХАИМ. Нет, я, пожалуй, пойду. Хочется успеть на вечернюю молитву в синагогу. Но завтра я обязательно приду и закончу строительство сукки. До свидания, шалом!

ВЛАДИК (*выходя из круга танцующих*). Я тоже пойду. Скоро начинается фильм с участием Сильвестра Сталлоне. Не хочется пропустить...

НАДЯ. Хорошо, ну раз хочешь, иди. У нас полная свобода. Ты доволен вечером?

ВЛАДИК. Еще как! Круто! Мне даже кажется, что стал немного сионистом...

ХАНА. Ну и замечательно. Тогда приходи сюда в праздник Суккот посидеть в шалаше.

ВЛАДИК. Приду, если не будет других дел.

ХАИМ. Бай!

ВЛАДИК. Бай!

НАДЯ. Бай!

ХАНА. Бай!

Танцующие в знак прощания машут им руками. Хаим и Владик уходят.

ХАНА. Яков, может, ты присоединишься к нам, а то сидишь, как Чайльд Гарольд, в стороне...

ЯКОВ. Не тот настрой. Не до танцев...

ИЛАНА. Начнешь, Яша, танцевать, и появится настрой.

ЯКОВ. Ладно, уговорили. (*Поднимается с места.*) Ради тебя, Илана. (*Присоединяется к кругу танцующих.*)

Музыка Тухманова усиливается на минуту, потом снова приглушается.

ИЛЬЯ (*Илане*). Пойдем на террасу, там прохладно, свежий воздух...

ИЛАНА (*Илье*). Почему бы не пойти и не охладиться немного? (*Якову.*) Мы с Ильей на минутку – подышим воздухом на террасе. Не волнуйся.

ЯКОВ. А я и не волнуюсь...

ИЛЬЯ (*Хане*). Мы с Иланой немножко побудем на террасе и тотчас вернемся.

ХАНА (*Илье и Илане*). Только не оставляйте нас надолго!

ИЛЬЯ. Бэсэдэр!

ИЛЬЯ и Илана удаляются на террасу, куда перемещается действие.

ИЛЬЯ. Ты славная девчонка. В моем вкусе!

ИЛАНА. А как же Хана?

ИЛЬЯ. Девочка неплохая, но не для меня.

ИЛАНА. Она, кажется, к тебе неравнодушна.

ИЛЬЯ. Знаю. Но с нею мне скучно. Нет шарма, как у тебя.

ИЛАНА. Неужели?

ИЛЬЯ. Еще сомневаешься? Хочешь, одарю тебя поцелуем?

ИЛАНА. А сколько девчонок ты уже перецеловал?

ИЛЬЯ. Не знаю, не считал. Но ты – самая лучшая!

ИЛАНА. Не ври!

ИЛЬЯ. А зачем мне врать? Ты какой поцелуй предпочитаешь?

ИЛАНА. Долгий и страстный...

ИЛЬЯ (*целует Илану в затяжном поцелуе*). У тебя самый сладкий поцелуй!

ИЛАНА. Тогда еще раз!

ИЛЬЯ (*целует Илану в губы, щеки, глаза, шею*). Готов целовать тебя тысячу раз!

ИЛАНА. А Хана не обидится?

ИЛЬЯ. Если даже и обидится. Я ей не муж, она мне не жена.

ИЛАНА. И всё-таки она тебя любит.

ИЛЬЯ. Пускай любит. Никому не запрещено любить.

ИЛАНА. Как бы она... чего-то такого не сделала...

ИЛЬЯ (*смеясь*). А что она может сделать? Привязать меня к себе веревкой?

ИЛАНА. Хорошо, а как быть с Яковом?

ИЛЬЯ. Ты что, его любишь?

ИЛАНА. Как сказать... Может, и любила. Но после того, как он потерпел фиаско на конкурсе, я в нем разочаровалась...

ИЛЬЯ. Как он к этому отнесется?

ИЛАНА. Не знаю. Это его проблемы. Немного пошумит и успокоится...

ИЛЬЯ. Знаешь, о чем я думаю?

ИЛАНА. О чем?

ИЛЬЯ. Может, не случайно наши имена начинаются с двух одинаковых букв?

ИЛАНА. Не случайно...

В это время неожиданно на фоне музыки послышались громкие рыдания. Это плакала навзрыд Хана. Илья и Илана быстро возвращаются в салон. Кто-то выключает диск. Некоторое время все находятся в оцепенении, не понимая, что происходит.

ВЕРА (подбегая к Хане, сидящей за столом и закрывающей лицо руками). Хана, что случилось? Успокойся, пожалуйста!

НАДЯ (хлопоча вокруг Ханы). Хана, что с тобой? Тебе плохо? Может, принести воды?

ИЛАНА. Я сейчас принесу из холодильника... Только мы просим тебя успокоиться.

ХАНА (сквозь слезы). Не надо, ничего не надо!

ИЛЬЯ. К чему плакать? Не понимаю!

ЯКОВ. Надо Хане чем-то помочь... Только успокойся... Может, мы в чем-то виноваты?

ХАНА (продолжая рыдать). Ничего не надо... Не беспокойтесь... Сейчас всё пройдет...

Внезапно Хана перестает плакать. Все становятся вокруг нее в ожидании, что она скажет.

ХАНА (вытирая слезы и с силой улыбаясь). Ну вот видите – всё прошло. Я больше не плачу. Всё в порядке...

ВЕРА. Ну и напугала ты нас!

НАДЯ. Как хорошо, что ты успокоилась...

ИЛАНА. Всё-таки, что случилось? Из-за чего тебе стало плохо?

ХАНА (улыбаясь). Это неважно... С кем это не бывает?.. Видите, я совсем успокоилась.

ИЛЬЯ. Ну вот, мы рады, что всё позади. Не тоскуй! На твоей улице еще будет праздник...

ХАНА. Спасибо, всё хорошо...

ЯКОВ. Если бы ты знала, как мы за тебя испугались... Не знали, что и думать.

ХАНА (улыбаясь). Ни о чем не надо думать... Всё прекрасно...

ВЕРА. Ну что, настало время прощаться... Меня родители уже за-

ждались. (*Обнимает Хану.*) Еще раз поздравляю... Перед тем, как уедем в Канаду, зайду к тебе попрощаться навсегда.

ХАНА. Ты твердо решила?

ВЕРА. Твердо. Сионистка из меня не получится...

ХАНА. Жаль...

НАДЯ. Я тоже, пожалуй, пойду. (*Обнимает Хану.*) Вечер был замечательный! Я Израиль ни на какую страну не променяю...

ХАНА. Спасибо, что пришли. Привет родителям. Приходите на Суккот, посидим в шалаше...

ВЕРА. Не обещаю. Чао!

НАДЯ. Постараюсь. Чао!

ИЛАНА. Чао!

ИЛЬЯ. Чао!

ЯКОВ. Чао!

ХАНА. Чао!

ВЕРА и Надя уходят. Хана, Илана, Яков и Илья некоторое время стоят, не говоря ни слова.

ЯКОВ. Илана, может, мы тоже пойдем?

ИЛЬЯ. Илана пойдет со мной.

ЯКОВ. Как, не со мной? (*Илане.*) Это так?

ИЛАНА (*не сразу*). Так... Понимаешь, Яков... Мы должны расстаться... Я в тебе, как сказать... ошиблась.

ЯКОВ (*кричит*). Что? Не может быть! Разве я стал другой?

ИЛЬЯ. Значит, приятель, проиграл ты наш спор. Гони сотенку!

ХАНА. Что за спор? Какая сотенка?

ИЛЬЯ. Да мы с Яковом на квартире Иланы поспорили. (*Якову.*) Ну что? Сейчас или потом?

ЯКОВ (*нервно роется в карманах и затем в кошельке*). Если бы у меня были эти несчастные деньги... Хана, дорогая моя, выручай! Нужно сто шекелей. Я верну тебе при первой возможности... Не хочу быть в долгу перед этим... подлецом...

ИЛЬЯ (*спокойно*). Значит, меня уже в подлецы записали... Спасибо за комплимент.

ХАНА (*вытаскивает из сумочки кошелек, достает деньги и протягивает их Якову*). Нашла, Яков. Как раз сто шекелей. Держи. Правда, последние... Ничего, как-нибудь выкручусь...

ЯКОВ (*не сразу*). Нет, я не могу брать у тебя последние деньги... (*Смотрит на Илью.*) И в долгу оставаться перед ним не хочется...

ИЛЬЯ (*с насмешкой*). Я тебя не тороплю.

ЯКОВ (*кричит*). Нет, сейчас! (*Берет деньги у Ханы и бросает их в лицо Илье.*) Держи, подавись ими!.. Хана, расшибусь о стенку, а деньги верну на этой неделе!

ИЛЬЯ (*поднимая кутюру с пола*). Эй, парень, поосторожней. Я и рассердиться могу. Может, выйдем на террасу, поговорим по-мужски?

ИЛАНА (*удерживая Илью за руку*). Я прошу тебя, Илья, не надо. Останься здесь...

ХАНА. В самом деле... Зачем всё это?

ИЛЬЯ. Не тоскуйте, девочки. Обойдемся без драки. (*Якову.*) Мы ведь с тобой люди культурные?

ЯКОВ (*после паузы*). Ладно, пойдем поговорим.

ЯКОВ и Илья уходят на террасу. Хана и Илана молча смотрят друг на друга, ожидая, кто из них скажет первой.

ИЛАНА. Может, музыку включишь?

ХАНА. Какую?

ИЛАНА. Да какую-нибудь...

ХАНА. Пусть будет Шуберт. (*Включает диск с «Неоконченной» симфонией Шуберта.*)

Сначала музыка звучит в полную силу, потом приглушается. Действие переносится на террасу, на которой видна частично построенная сукка.

ИЛЬЯ. Значит, дуэль устраивать не будем, как Онегин и Ленский? Это уже не современно. Выясним отношения по-джентльменски.

ЯКОВ (*горячо*). А ты поступаешь по-джентльменски?

ИЛЬЯ. Чего ты кипятишься? Неужели не видишь, что Илане ты надоел? Оставь ее в покое...

ЯКОВ (*горячо*). В покое! Если бы ты знал, как мы любили друг друга!

ИЛЬЯ. Не тоскуй. Возможно, всё возможно. Мы все кого-то и когда-то любили. Но любовь приходит и уходит, а люди остаются...

ЯКОВ. Ну и что мне теперь делать?

ИЛЬЯ. Остыть. Отнестись ко всему хладнокровно. Да и убивать друг друга ради этого не стоит. Мы с тобой еще жить хотим. Не так ли?

ЯКОВ (*нервно*). Тебе легко рассуждать! А если я ее еще люблю?

ИЛЬЯ. Люби себе на здоровье, если тебе так хочется. Но это только во вред здоровью.

ЯКОВ. Почему ты так думаешь?

ИЛЬЯ. Погибшая или неразделенная любовь – что может быть печальнее на свете? Бесконечная тоска. Безысходное отчаяние. Чувство одиночества. Мысли о самоубийстве. Обо всем этом написал еще Гете в свое время. Думаешь, я не испытал этого? В 14 лет влюбился в одну девчонку из нашего класса. Была покрасивее Иланы. Так она предпочла мне другого парня. Как я тогда рвал и метал! Ситуация точь в точь, как в фильме «Сто дней после детства»... Ну а потом первая любовь как-то прошла и забылась. Стал относиться ко всему философски. Сегодня – Илана, завтра – другая, а послезавтра – третья. И жизнь станет намного приятнее...

ЯКОВ. А как же быть с Ханой? Не знаешь, почему она так разрыдалась?

ИЛЬЯ (*улыбаясь*). Не знаю, но догадываюсь... Ну, втюрилась в меня по уши, и на почве этой ревности...

ЯКОВ (*перебивая*). И тебе не жалко ее?

ИЛЬЯ. Жалко – не жалко, но такие девушки не для меня...

ЯКОВ. Ты хочешь сказать, что Илана для тебя?

ИЛЬЯ. Почему бы и нет? Она сейчас сама меня выбрала. Не слышал?

ЯКОВ (*тихо*). Слышал, всё слышал...

ИЛЬЯ. Ну тогда пойдем к девочкам. Не тоскуй!

ЯКОВ и Илья переходят с террасы в гостиную, где их по-прежнему молча ждут Хана и Илана. Хана выключает диск с записью Шуберта.

ИЛЬЯ (*весело*). У нас всё в порядке. Выяснили отношения... Как видите, обошлось без кровопролития. Так, Яков?

ЯКОВ (*грустно*). Так...

ИЛЬЯ. Теперь в путь... Спасибо, Хана, за гостеприимство... Вечер получился отменный, если не считать плова и...

ХАНА (*перебивая*). Ладно, не будем вспоминать... Спасибо тебе, что пришел, спасибо за поздравления и подарок.

ИЛЬЯ. Не за что...

ИЛАНА. Я тоже прощаюсь... Хана, от души желаю тебе счастья... Илья, ты проводишь меня?

ИЛЬЯ. С превеликим удовольствием.

ЯКОВ (*тихо*). Илана, неужели мы прощаемся навсегда?

ИЛАНА (*тихо*). Почему навсегда? Мы будем встречаться в ульпане.

ЯКОВ (*нежно*). У себя дома ты найдешь мой подарок...

ИЛАНА. Подарок? Какой подарок? В честь чего подарок?

ЯКОВ (*тихо*). Книгу Агаты Кристи... Роскошное издание... (*Смотрит на Илью.*)

ИЛЬЯ (*шутливо*). Подтверждаю, что Яков говорит правду, ибо я имел к этому самое прямое отношение. Чао!

ИЛАНА. Чао!

ЯКОВ. Чао!

ХАНА. Чао!

ИЛЬЯ и Илана уходят. Хана закрывает за ними дверь и, усталая, садится на софу. Яков в растерянности стоит посередине салона, не зная, что предпринять.

ЯКОВ. А мне вот некуда идти...

ХАНА. Как некуда? У тебя же есть дом, мама. Я ее хорошо помню.

ЯКОВ. Я с мамой поссорился. И даже сильно...

ХАНА. Из-за чего ты мог с ней поссориться?

ЯКОВ. Из-за Иланы. Илана пришла к нам знакомиться, а мама накричала на нее. Ты же знаешь – она у меня нервная. Ну, Илана не сдержалась, тоже накричала, и я решил больше домой не возвращаться...

ХАНА. Вот как... И когда это случилось?

ЯКОВ. Вчера. Вечером...

ХАНА. И где ты провел ночь?

ЯКОВ. Где?... (*Не сразу.*) В доме Иланы...

ХАНА. Понятно... И ты с тех пор маме не звонил?

ЯКОВ. Нет. И не хочу звонить.

ХАНА. Представляю себе, как она беспокоится. И об итогах курса еще не знает?

ЯКОВ. Нет. А зачем ей знать? Чтобы она снова затеяла мне скандал? Мне одного (*показывает рукой на горло*) вполне достаточно... Хоть вешайся...

ХАНА. Ты напрасно так переживаешь. Думаешь, я не понимаю, что происходит в тебе сейчас? Увы, это мне хорошо знакомо...

ЯКОВ. Как знакомо?

ХАНА. Да, и я когда-то в Москве испытала подобное, когда провалилась на отборочном прослушивании в Театральное училище. Тогда я восприняла это как катастрофу. Мне тоже казалось, что всё кончено, что жить дальше нет смысла.

ЯКОВ. И как ты выбралась из этого состояния?

ХАНА. Нелегко и не сразу. Я вбила себе в голову, что приемная комиссия могла ошибиться, что мое призвание – несмотря ни на что, стать актрисой, и решила повторно поступать в Театральное на следующий год. Пришлось зубрить наизусть женские роли из пьес Шекспира и Чехова, а тут началась Большая алия в Израиль, и я, заразившись сионистскими идеями, приехала сюда.

ЯКОВ. И ты совсем отказалась от мысли стать актрисой?

ХАНА. Да. Совсем... Я нашла здесь другое призвание. Это дети...

ЯКОВ. Ну и я после неудачи на конкурсе подумал: какой я к черту флейтист? Выброшу подальше эту дудку и займусь композицией. Сочинением музыки. Понимаешь, во мне засел какой-то бес и всё время твердит мне: «Ты композитор, ты композитор»... Как устоять против этого? Кое-что я уже написал...

ХАНА. Да, против беса устоять трудно... Теперь я понимаю, как зовут твоего беса. Этот бес – мечта о славе. Ты хочешь прославиться, стать известным, чтобы о тебе всюду говорили, писали в газетах, показывали по телевизору... Признайся, не так ли?

ЯКОВ (*задумавшись*). Ты хочешь сказать, что я стремлюсь к творчеству ради славы, ради успеха?

ХАНА. Мне так кажется.

ЯКОВ. Впрочем, если хочешь правду, мне страшно умереть в полной безвестности, не оставить никакого следа после себя в этом мире...

ХАНА. А ты уверен, что у тебя есть необходимый для этого талант?

ЯКОВ. Если бы не был уверен, то не брался бы за сочинение... Понимаешь, я чувствую, как во мне бродит множество музыкальных идей. Я купаюсь в море музыки. Даже по ночам во сне мне слышится музыка... Одну свою мелодию я играл сегодня на конкурсе...

ХАНА. И как приняли твою музыку?

ЯКОВ (*не сразу*). Никак... Аплодисментов она не вызвала... Именно это меня и задело...

ХАНА. А ты случайно не возомнил себя... гением?

ЯКОВ. Гением? (*Задумавшись.*) Не знаю... Объясни мне, что это такое.

ХАНА. Понимаешь, гений – это светоч, маяк для всего человечества. Заложенная в нем беспредельная, могучая творческая сила обычно проявляется очень рано и часто является причиной раннего угасания... Самый яркий пример тому – Моцарт...

ЯКОВ. Тот самый Моцарт, с концертом которого я сегодня столь блистательно провалился...

ХАНА (*продолжая свою мысль*). Гениальность – это дар Всевышнего, очень редкий дар, это тот орган, посредством которого гений общается со своим Создателем и передает людям согревающий их творческий огонь...

ЯКОВ. Выходит, я – не гений?

ХАНА. Если тебе не суждено родиться гением, это еще не повод, чтобы сокрушаться и вешаться на первом попавшемся дереве.

ЯКОВ. Что же мне тогда делать?

ХАНА. Я уже говорила. Каждый из нас должен найти свое место под солнцем и не занимать чужое... Не нам хватать звезды с неба...

ЯКОВ. Выходит, я должен отказаться от своей мечты, от того, чем я жил до сегодняшнего дня, и стать обычным человеком, как все?

ХАНА. Зачем? Никто тебя не заставляет отказываться от своей мечты. Продолжай совершенствоваться в игре на флейте – ведь это твоя профессия, твой хлеб – и параллельно сочини музыку. Если в тебе действительно есть композиторский дар, он обязательно рано или поздно проявится...

ЯКОВ. Ты не советуешь мне бросать эту ненавистную дудку?

ХАНА. Понимаешь, Яков, ты настолько погружен в музыку, что оторвался от земли и паришь где-то в небесах, не чувствуя забот и тревог жизни. Подумай всё-таки о маме, которая, я знаю, лишает себя всего, чтобы тебе было хорошо.

ЯКОВ (*резко*). Не говори мне о матери. Она первая была против моего увлечения композицией. Именно она настояла, чтобы я принял участие в этом дурацком конкурсе. Послушался ее, и вот что из этого вышло... Мне даже домой возвращаться не хочется...

ХАНА. Я прекрасно понимаю тебя, и всё-таки перебори себя. Ведь мама желает тебе одного добра. Она только хочет, чтобы в будущем у тебя была твердая материальная основа...

ЯКОВ. Этот приземленный материализм и претит мне.

ХАНА. Ты как раз и нравишься мне тем, что, в отличие от Ильи, душа у тебя не меркантильная. Сохрани такой свою душу на всю жизнь. А с мамой надо помириться. Помнишь, в чем одна из главных заповедей, полученных еврейским народом на горе Синай? «Чти отца своего и мать свою, дабы продлились дни твои на земле, которую Бог, Всесильный твой, дает тебе». Ты еще не знаешь, как я, что значит потерять мать... Она – твое главное достояние...

ЯКОВ (*садится за стол и, внезапно расплакавшись, закрывает лицо руками*). Достояние... Если бы ты знала, как я с нею одинок... Она не хочет понять меня, постоянно кричит... Требуется невозможное...

ХАНА (*подходит к Якову и нежно гладит его по плечу*). Теперь пришла моя очередь успокаивать тебя... Хотя слезы облегчают душу... Пойми, другой мамы у тебя нет и не будет...

ЯКОВ. Что же мне делать? (*Вытирает платком слезы.*)

ХАНА. Вот телефон. Возьми трубку и позвони ей.

ЯКОВ. И что я ей скажу?

ХАНА. Скажешь, что ты вернешься домой сейчас, что всё будет хорошо...

ЯКОВ. Прямо сейчас и позвонить? Нет, я еще не готов к этому...

ХАНА. А я тебя не тороплю. Просмотрю пока книгу псалмов Давида, которую мне подарил Хаим. (*Перелистывает книгу.*) О, послушай! Псалом номер сто два. Как раз для нас с тобой (*читает*): «Молитвы страдальца, когда ослабевает он и пред Господом изливает душу в жалобе своей. Господи, услышь молитву мою, и вопль мой пусть дойдет до Тебя. Не скрывай лица Твоего от меня в день бедствия моего, приклони ко мне ухо Твое; в день, когда воззову я, поспеши ответить мне, ибо исчезли, как дым, дни мои, и кости мои, как в костре, обгорели».

ЯКОВ (*берет телефонную трубку и набирает номер*). Мама, это ты?... Я... Добрый вечер... Не волнуйся... Прости меня... Я в гостях у Ханы... Скоро буду дома. (*Кладет трубку.*)

ХАНА. Молодец! Ты поступил, как настоящий мужчина!

ЯКОВ (*чуть повеселев*). Хана, для чего ты сделала такую причудливую прическу?

ХАНА (*улыбаясь*). Чтобы огорошить кое-кого... Хочешь, я разрушу ее?

ЯКОВ кивает головой, и Хана разрушает прическу, приглаживая волосы руками. Затем Яков достает из футляра флейту и начинает играть мелодию молитвы «Мой Бог» на стихи Ханы Сенеш, медленно приближаясь к Хане. Яков перестает играть, кладёт флейту на стол, но мелодия продолжает звучать в записи. Яков и Хана, взявшись за руки, внимательно смотрят в глаза друг другу и вдруг, прикоснувшись губами, сливаются в едином поцелуе.

Занавес.

Он и Она в отсутствии скамейки

Мелодрама в одном действии

От автора

Когда-то в России была очень популярна пьеса А. Гельмана «Скамейка», в которой мужчина и женщина выясняют свои непростые отношения. Позже эта пьеса стала идти в Израиле под другим названием – «Московский роман в Тель-авивском парке». Её прекрасно играют актер Владимир Фридман и актриса Елена Саханова. И вот мне пришла в голову идея: а как будут вести себя мои герои – двое супругов в условиях израильской действительности и в отсутствии скамейки на сцене? Что из этого получилось – судить читателю и зрителю. Пьеса «Он и Она в отсутствии скамейки» написана в 2009 году и в том же году напечатана в 19-м номере альманаха «Хронометр». В ней использована музыка 40-й симфонии Моцарта.

Действующие лица:

Роман – 45 лет	} супруги – репатрианты из Баку
Надежда – 40 лет	

Действие пьесы происходит в одном из небольших городов Израиля в начале 90-х годов 20 века.

Сцена представляет собой большой пустырь, на котором ничего нет, кроме одиноко стоящих деревьев. Громко звучит музыка 1-ой части 40-й симфонии Моцарта. На сцену вбегает Надежда, рыдая и закрывая лицо руками. Следом за ней вбегает Роман, который пытается обнять её, но Надежда отталкивает его от себя. Музыка затихает.

Надежда (Продолжает рыдать). Отойди от меня! Не смей прикасаться!

Роман. Ну что ты так расплакалась? Успокойся, пожалуйста!

Надежда. Как я успокоюсь, если твоя музыка достала меня! Сил больше нет выносить её!

Роман. Во-первых, музыка не моя, а Моцарта. Во-вторых, я не могу без неё жить!

Надежда. Но ты включаешь её каждый день! Сколько можно слушать одно и то же? У меня уже уши опухли!

Роман. Но эта музыка так созвучна моему нынешнему настроению!

Надежда (Внезапно оборачиваясь). Какому настроению?

Роман. Беспокойному, взволнованному.

Надежда (Вытирая слёзы, сухо). Тебя ещё что-то волнует?

Роман. Конечно. Какая-то неопределенность ситуации, в которой мы находимся.

Надежда (Снова отворачиваясь от Романа). А ты знаешь о том, что мы почти без денег? Более определенной ситуации не придумаешь!

Роман. (Удивляясь). В самом деле, без денег? Не может быть! Как это могло случиться?

Надежда. По всему видно, что ты живёшь в виртуальном пространстве. Совсем не знаешь, что мы стоим на краю финансовой пропасти! Ещё немного и все провалимся в неё.

Роман. (Наивно) Куда же девались все деньги?

Надежда. Ну, сущий ребенок! Витаешь в своём виртуальном пространстве и не видишь, что происходит кругом.

Роман. У нас же была «корзина абсорбции».

Надежда. Была, но уже три месяца как закончилась.

Роман. Но, помню, потом мы брали сохнутовскую ссуду по 1000 долларов на каждого члена семьи. Поскольку нас четверо с детьми, то получается 4 тысячи. Это, Надя, грандиозная сумма! Её должно хватить нам надолго!

Надежда. Надолго! Не забывай, что наша дочь Ида учится в 11-ом выпускном классе, готовится к сдаче экзаменов на аттестат зрелости, и пришлось немало потратить на её одежду, учебники и разные там школьные принадлежности. Да и сын Саша, перешедший в 8-й класс, также требует немалых расходов. О себе я уже не говорю. Всё для детей! И вот дожили! Хоть караул кричи! Деньги подходят к концу, а моя мизерная зарплата придет в банк только через неделю.

Роман. А нельзя ли ещё немного взять у банка в кредит?

Надежда. Если бы можно было! Мы и так в глубоком «минусе», а больше банк денег не даёт.

Роман. Странно. Что, банк обеднеет, если увеличит нам кредит ещё на 1000 шекелей?

Надежда. Банк – это не благотворительная организация. У него таких клиентов, как мы, пруд пруди. И всем нужны деньги. А мы ещё долги не выплатили. Вот и оказались на краю финансовой пропасти.

Роман. (Роясь в карманах брюк). Согласен, это не дело. Подожди, у меня, кажется, в брюках какие-то деньги есть. Да, нащупываю монеты. (Вытаскивает деньги из карманов брюк и считает). Вон, сколько их – пять, ещё пять, однушки, полушекельные и даже агрот! Насчитал двадцать один шекель! Ну вот, мы не совсем без денег! (Кладёт монеты обратно в карманы брюк).

Надежда. Аж двадцать один шекель! Какое богатство! Не смехи меня! Что можно купить на эти деньги?

Роман. Еду, например. Хлеб, колбасу, ну, думаю, ещё на йогурты останется.

Надежда. Йогурты! Как будто йогурты – это еда.

Роман. А мне нравятся йогурты! В Баку мы не имели о них никакого понятия. Зато, какой колоссальный выбор в Израиле! На всякий вкус и цвет. Мне, например, нравятся йогурты с клубникой. А тебе, Надя?

Надежда. Какой бы ни был йогурт, он не заменит калорийную еду, в которой так нуждаются дети!

Роман. Кто с этим спорит?

Надежда. А чтобы купить мясо, рыбу, молочные продукты, овощи, фрукты и многое другое, нужны деньги. А чтобы были деньги, нужно работать.

Роман. И с этим спорить трудно. Ты же, Надя, работаешь!

Надежда. Если бы я не работала, мы бы давно оказались в финансовой пропасти. Но моей зарплаты явно недостаточно. Пора и тебе подумать о работе!

Роман. Я о ней каждый день думаю. Но пока мне не предлагают работу по моей специальности.

Надежда. Мне тоже не предлагали, но я согласилась пойти на работу в качестве сиделки по уходу за престарелой женщиной. Думаешь, мне, кандидату наук в Бакинском НИИ, было легко после научной работы перейти на физический труд? Но я на это пошла, чтобы прокормить семью. А ведь приходится у старушки делать

буквально всё: производить уборку в квартире, готовить обед, ходить с ней на прогулку или к врачу, мыть её в ванне, что очень нелегко, учитывая её габариты, да, извини, подтирать за ней каждый раз.

Роман. Но ты женщина. Тебе к этой работе не привыкать. Ведь ты делаешь ту же работу дома!

Надежда. Не скажи. Одно дело – для себя дома, другое – для чужой женщины за деньги. Характер у неё непростой – и то не так, и это не так. Да и тяжело морально. Но я на эту работу пошла, потому что безвыходное положение.

Роман. Но ты же не всегда будешь трудиться у этой старушки.

Надежда. Конечно, не вечно. Недавно Министерство Абсорбции объявило о наборе на компьютерные курсы. Хорошо ещё, что для нас, вновь прибывших, они бесплатные. Окончу их и буду искать работу более умственной.

Роман. Я не сомневаюсь, что ты и компьютером овладеешь, и работу подходящую найдешь.

Надежда (Внезапно поворачивается лицом к Роману). А тебе самому не пора ли о работе подумать? Или забыл, что кормильцем семьи всегда был мужчина?

Роман. Это когда было! Теперь женщина уравнена в своих правах с женщиной.

Надежда (Зло). Ты хочешь сказать, что сейчас на женщине лежат обязанности кормильца семьи? А мужчина может спокойно себе полеживать на диване, наслаждаться музыкой Моцарта и почитывать газеты, что ты прекрасно и делаешь каждый день. Какая удобная жизненная позиция!

Роман. Причем тут жизненная позиция? Ты же знаешь, что я несколько раз обращался в Бюро по трудоустройству. Или как оно на иврите – Лишкат авода? И просил предоставить мне работу по специальности.

Надежда. Инженера-нефтяника, что ли?

Роман. А какую ещё? И мне её предложить не могут, так как в Израиле нет нефти.

Надежда. Ты разве не знал, что в Израиле нет нефти?

Роман. Знал. Но никогда не терял надежды, что рано или поздно её найдут. Ведь у наших соседей-арабов земля так и кишит нефтью.

Надежда. Ну и словечко – «кишит»! Да, у них нефти полно, а у нас её до сих пор не обнаружили.

Роман. Обнаружат! Ведь на Синае нашли нефть, и её добыча идет полным ходом.

Надежда. Но Синай после Кемп-Девида вернули Египту.

Роман. И зря! Зачем надо было возвращать? Израиль сделал большую ошибку!

Надежда. Забыл? По формуле «территории в обмен на мир».

Роман. Территорию Синая, богатую нефтью, отдали в обмен на хрупкий мир. Ничего себе обмен.

Надежда. Что сделали, то сделали. Синай больше не наш.

Роман. И всё равно я не теряю надежду, что в Израиле нефть найдут. Иначе и быть не может! Надейся и жди, как поётся в одной популярной песне. Помнишь?

Надежда. Мне сейчас по правде не до песен. И сколько ты собираешься ждать?

Роман. До победного конца. Пока у нас не найдут «черное золото»!

Надежда. А если искать будут слишком долго?

Роман. Могу и подождать. Израильского совланута, то есть терпения, у меня предостаточно.

Надежда (Отворачиваясь от Романа и снова заплакав). У тебя предостаточно! Ты будешь продолжать дома валяться на диване, читать эти проклятые газеты, слушать одну и ту же музыку, а я буду биться, как рыба об лед, пытаюсь найти и заработать какие-нибудь деньги. Да как тебя уважать после этого? Ты совок, настоящий совок!

Роман. Что значит «совок»? Предмет, которым собирают мусор?

Надежда (Сквозь слёзы). Ты даже не знаешь, что такое «совок»! Этот тот, кто, как и ты, остался со своей советской ментальностью. Какая беззаботность и безответственность! Но в Израиле, пойми, совсем другая действительность, чем там, в бывшем Союзе.

Роман. Странно. Если здесь другая действительность, значит, я не имею права читать газеты? Да знаешь ли ты, для чего я читаю газеты?

Надежда (Продолжая рыдать). И знать не хочу!

Роман. Тогда я скажу. Каждый день я ищу в газете сообщение, что в Израиле, наконец, нашли нефть. Вот тогда наступит мой звездный час!

Надежда. Что же, жди этого звездного часа до прихода Машиаха, а наши дети в это время будут недоедать и страдать от голода.

Роман. Это о каком Машиахе ты говоришь?

Надежда. О том самом, потомке царя Давида, который должен прийти и освободить еврейский народ.

Роман. От чего освободить?

Надежда. От гнёта и страданий.

Роман. Тогда пускай приходит! И чем скорее, тем лучше.

Надежда. Тебе меня и наших детей совсем не жалко! От того, что ты читаешь газеты и слушаешь своего Моцарта, Машиах скоро не появится. Да и денег на газеты я тебе больше давать не буду. При наших мизерных доходах деньги должны идти только на питание детям. (Закрывает лицо руками и плачет ещё сильнее).

Наступает пауза, во время которой звучит музыка той же симфонии Моцарта, которая вскоре затихает.

Роман. Ты хочешь оставить меня без газет? Как же я узнаю о том, что найдена нефть?

Надежда (Сквозь слезы). А для чего существует радио «РЭКА» на русском языке? Если только когда-нибудь найдут эту проклятую нефть!

Роман. Хорошо, буду узнавать о новостях по радио «РЭКА», раз мы оказались в таком дурацком положении (Пытается обнять Надежду). Но ты, Надя, сначала успокойся и перестань плакать.

Надежда (Отталкивая от себя Романа) Не успокоюсь! Отойди от меня! (Отрывая руки от лица и оглядываясь). Присесть хочется. Где же здесь скамейка?

Роман. (Также оглядываясь вокруг). Не вижу... Какая может быть скамейка тут, на пустыре?

Надежда (Начинает ходить по сцене взад и вперед). Можно обойтись и без скамейки. Но как обойтись без денег? Ты должен немедленно начать работать!

Роман. Где?

Надежда. Там, где тебе предлагают в Бюро по трудоустройству.

Роман. А ты знаешь, какую работу мне там предлагают?

Надежда. Знаю. Но и что с того? Ты не первый и не последний, кому в Израиле предлагают работу не по специальности.

Роман. Но какую работу! В первый раз – дворником. Я, естественно, отказался. Во второй раз – на плантации собирать апельсины. Этот трудоёмкий процесс тоже не для меня. Здесь мускулы нужны. В третий раз – сажать деревья. Ну, ты знаешь, я копать в земле не люблю.

Надежда. Вот и зря! Засаживать землю Израиля деревьями – работа благородная!

Роман. Согласен, благородная, но, опять же, не для меня.

Надежда. Что тебе ещё предлагали?

Роман. Ну, конечно, уборка в магазине.

Надежда. И ты отказался?

Роман. Я что – идиот, чтобы быть уборщиком?

Надежда. Тебе ещё предлагали сортировку мандаринов и ты, вроде, согласился.

Роман. Да, согласился, и, ты знаешь, поработал на сортировке два дня. Больше не выдержал: всё время на ногах, руки в мандариновой жиже, вонь, жара, мухи... Думаешь, это легко? После такой работы еле доползал домой. И до сих пор не могу от неё очухаться.

Надежда. Да, это нелегко. А мне, ты думаешь, легко?

Роман. А последний раз, вчера, мне предложили работу на раскопках.

Надежда. Ты мне об этом ещё не говорил.

Роман. Просто говорить не хотелось. Ничего хорошего!

Надежда. И что ты ответил им?

Роман. Сказал, подумаю.

Надежда (Повернувшись лицом к мужу, отчаянным голосом). Соглашайся, немедленно соглашайся и завтра же выходи на работу!

Роман. Как я могу согласиться? Какой из меня археолог? Я же сказал, что не люблю возиться в земле.

Надежда. Не думаю, что работа тяжелая.

Роман. Как сказать. Мне там объяснили, что надо работать киркой, собирать в ведра землю и отвозить её на тачке.

Надежда. Разве ты не справишься с этим?

Роман. Неужели ты не можешь представить меня везущим тачку? Мне такое даже в самом страшном сне не могло присниться!

Надежда. Зато работа какая интересная! Будешь находить на раскопках наши еврейские древности!

Роман. Какие там древности?! Мне, бывшему заму начальника Главка нефтяного министерства опуститься до археолога с тачкой? Да никогда в жизни!

Надежда. И ты отказываешься от такой интересной работы?

Роман. Для меня такая работа никакого интереса не представляет. То ли дело быть замом начальника Главка! У тебя свой большой кабинет, своя секретарша, на столе три телефона, один из

которых с прямым выходом на министра. В твоём подчинении тысячи людей, которые делают нужное стране дело – добычу нефти. Тебе идут благодарности, грамоты, премии, тринадцатая зарплата, награды. А какое уважение! Или ты забыла, что я награжден Орденом “Знак Почета”?”

Надежда. Не забыла и хорошо помню, как ты по этому случаю закатил в ресторане банкет. Но поверь, в Израиле твои бывшие должности и ордена никому не нужны!

Роман. В этом вся трагедия!

Надежда. В Израиле ты должен отказаться от прежних привычек и представлений и начать жить с нуля, как я!

Роман. Не могу я этого сделать, Надя, поверь, не могу! Согласиться на работу с тачкой? Я ещё не потерял уважение к себе!

Надежда. Но ты можешь потерять и уже потерял моё уважение к тебе! Неужели это тебе безразлично?

Роман. В том то и дело, что не безразлично. И в этом тоже трагедия.

Надежда. Но этой трагедии может не быть, если ты согласишься на предложение бюро по трудоустройству и завтра же приступишь к работе на раскопках.

Роман. Уже завтра?

Надежда. Да, завтра, ни днём позже!

Роман. Надо присесть и подумать (Оглядывается в поиске скамейки)

Надежда. Где ты присядешь, если кругом нет ни одной скамейки?

Роман. Я и забыл об этом! Ладно, похожу и подумаю. (Начинает ходить взад-вперед, подперев щеки ладонями и опустив голову).

Наступает пауза, во время которой звучит начало той же симфонии Моцарта. Музыка затихает.

Роман. (Останавливаясь перед женой, решительно). Нет, не могу!

Надежда (С отчаянием в голосе). Ты отказываешься от работы?

Роман. Отказываюсь! Наотрез! Возить тачку с землей не для меня!

Надежда. А что тогда для тебя?

Роман. То, что было в Баку. И зачем только мы рванули в Израиль?

Надежда. Что значит «рванули»? Ты первый предложил уехать...

Роман. Как не предложить, если все вокруг – близкие, друзья, знакомые уезжали в Израиль и манили нас за собой. Эпидемия какая-то! Соблазняли райской жизнью на Земле обетованной. Вот я и поддался всеобщему настроению. Говорят, в Тель-Авиве поставили памятник Юрию Гагарину.

Надежда. Почему?

Роман. Он ведь первый сказал «Поехали»! Как анекдот?

Надежда. Да ну тебя с твоим анекдотом! Ты правильно сделал, что поддался общему настроению. А я и наши дети поддержали тебя и согласились, что мы, евреи, должны жить на земле предков. Разве ты не говорил так?

Роман. Что греха таить, говорил. Вот мы и оказались на земле обетованной! Но выиграли ли мы от этого? Скорее, проиграли.

Надежда. Что значит проиграли?

Роман. Да там, в Баку, ты знаешь, у нас всё было: просторная квартира в центре города, престижная работа, приличная зарплата у тебя и у меня, машина, дача. Жили, как у Бога за пазухой! А перед выездом пришлось всё продать, а квартиру оставить государству. И ради чего? Ради того, чтобы здесь, в Израиле, я работал на раскопках с тачкой, а ты, кандидат наук, прислуживала какой-то там беспомощной старушке. Об этом ли мы с тобой мечтали, приезжая в Израиль?

Надежда. Кто знал, что всё это ждёт нас?

Роман. Именно так. Оказались с тобой недалёковидными.

Надежда. Но ведь кому-то повезло и удалось устроиться в Израиле.

Роман. Единицам! И только потому, что они оказались умнее, чем мы, и приехали сюда намного раньше нас.

Надежда (Вытирая слёзы). И что, Роман, ты жалеешь, что мы переехали жить в Израиль?

Роман. Как сказать, Надя. Помнишь, что мы испытали с тобой, когда только прибыли в Израиль? У нас было ощущение радости, восторга, эйфории, бесконечного счастья, что будем жить на еврейской земле, как свои среди своих, и навсегда забудем слово «антисемитизм».

Надежда. Конечно, помню. Мы и наши дети были так счастливы! Ещё бы, мы жили в течение 6 месяцев за счёт «корзины абсорбции» и не знали никаких забот, кроме одной – изучения иврита.

Роман. Да, детей мы определили в школу, а сами стали ходить

в ульпан - классы по изучению иврита. У тебя язык пошёл хорошо, а мне он упорно не давался. Эта первая проблема, с которой я столкнулся в Израиле. Но какое-то количество ивритских слов я всё-таки освоил. Например, «йом тов», «хаг sameах», «шабат шалом»...

Надежда. Я серьёзно занималась ивритом, потому что понимала, что без языка в Израиле делать нечего. Но и это не гарантирует получение работы по специальности. Ведь в такой маленькой стране, как Израиль, не все профессии нужны, а репатриантов по нужным специальностям больше, чем надо. Особенно не повезло музыкантам, врачам и научным работникам. Такова жестокая реальность и ничего с этим не поделаешь!

Роман. А как мы были с тобой счастливы, когда получили амидаровское жильё!

Надежда. Хотя в этом нам повезло. Нет, я никогда не жалела, что, несмотря на трудности, мы живём в Израиле. Да и детям здесь нравится. Им освоить иврит оказалось намного легче, чем нам.

Роман. И ты не жалеешь, что мы оставили там всё – обстановку в квартире, многие вещи, машину, дачу?

Надежда. Это неизбежно, когда круто меняешь свою жизнь. Происходят не только потери, но и обретения!

Роман. И что мы с тобой обрели в Израиле, кроме амидаровской квартиры, которая всё равно не наша?

Надежда. Прежде всего, спокойную жизнь в собственной стране.

Роман. Ничего себе спокойную! Я бы сказал – нищенскую.

Надежда (Горячо). Пусть и нищенскую, но это временные трудности! Зато я, как еврейка, чувствую себя уютно в Израиле, потому что это наша страна. Роман, разве ты не ощущаешь себя частицей еврейского народа здесь, в Израиле?

Роман. Ты же знаешь, Надя, что все мы воспитывались и жили в Баку в духе пролетарского интернационализма. Именно дружбой народов славился Баку среди многих городов Союза. Но когда в Азербайджане из-за Карабаха начались армянские погромы, то и дружбе народов пришел конец. Вот тогда-то я и начал ощущать себя евреем и решил, что мы должны уехать в Израиль, как наши близкие, друзья и знакомые. Кстати, ещё один анекдот. Знаешь, почему в Тель-Авиве зубные врачи не метут улицу?

Надежда. Почему?

Роман. Потому что её уже вымели математики.

Надежда (Машет рукой). Ты только анекдоты умеешь рассказывать!

Роман. Теперь я сам не знаю, жалеть о том, что мы уехали в Израиль, или нет.

Надежда. Ты ещё не знаешь? Израиль – прекрасная страна! Мы же ездили с тобой на экскурсии и вместе восхищались красотами её природы и архитектуры. Один Иерусалим чего стоит! Ты сам мне признался, что после посещения Стены плача впервые почувствовал себя полноценным евреем. Разве это не так?

Роман. Не спорю, так.

Надежда. А помнишь, в каком восторге мы были от музея Израиля и, особенно, от музея Книги, где впервые увидели наши древние свитки, найденные в Кумране у Мертвого моря?

Роман. Помню, конечно, помню. Жаль только, что не разрешают прикасаться к ним руками.

Надежда. Если все начнут трогать, то от свитков ничего не останется!

Роман. Конечно, впечатления от страны сильные, но одно дело любоваться её красотами, а другое – зарабатывать себе на жизнь. Это, как говорят в Одессе, две большие разницы!

Надежда. Вот как раз, работая на раскопках, ты убьёшь сразу двух зайцев. Во-первых, обеспечишь заработком семью и, вторых, приобщишься к древней истории Израиля, находя в земле старинные монеты и предметы культуры и быта прошлых эпох. Это так интересно!

Роман. (С сомнением в голосе). Интересно-то интересно, но возить тачку с землёй?.. Надо мной все смеяться будут, когда узнают, что я был замом начальника главка в Министерстве.

Надежда. А ты не рассказывай, кем был на доисторической родине. И вообще, кому до этого дело? Может, в той же археологической бригаде будут бывшие профессора, доктора, директора, начальники разных рангов...

Роман. Ты ещё скажешь – бывшие министры и депутаты парламента. Славная бригада получится!

Надежда. Ну, как, Роман? Выходишь завтра на работу?

Роман. Надо ещё раз подумать и всё взвесить. (Оглядываясь во круг) Жаль, что нет скамейки, даже присесть нельзя! (Начинает ходить взад-вперед по сцене, подперев ладонями голову).

Во время наступившей паузы снова звучит начало симфонии Моцарта, которая вскоре затихает. Роман останавливается рядом с Надеждой.

Роман. (Тихо). Только не сердись, Надя. Нет, не смогу. Духа не хватает!

Надежда (Взрывается от гнева, с надрывом в голосе). Что? Духа не хватает? А чего тебе хватает? (Плача навзрыд, кричит сквозь слёзы). Ты не любишь меня! Тебе наплевать на семью, на меня, на детей! Ты хочешь, чтобы мы погибли от голода! Ты этого хочешь?

Роман. (Растерявшись, пытается обнять Надежду). Надя, прошу, успокойся, пожалуйста!

Надежда (Яростно отталкивая Романа от себя). Не прикасайся ко мне! У тебя бездушное сердце и безжалостная душа! Отойди прочь! Ты не любишь меня! Ты любишь только себя!

Роман. (Не трогаясь с места). Пойми меня, но сначала успокойся.

Надежда (Продолжая плакать и кричать). Не хочу понимать! Не хочу успокаиваться! Ты зверь, а не человек. Зверь и тот заботится о своём потомстве!

Роман. Ну, скажешь тоже, зверь! Какой я зверь? Я же люблю тебя!

Надежда. Нет, не любишь! Если бы любил, то пошёл бы на любую работу, чтобы спасти детей! Ты давно не любишь меня! Посмотри, как ты выглядишь! Небритый, нестриженный, неряшливо одетый, в грязной обуви! Разве таким ты был в Баку?

Роман. Да, в Баку я следил за собой, за своим внешним видом, потому что там была совсем другая жизнь, чем здесь. Сама понимаешь, мне в Израиле не до внешнего вида.

Надежда. Это не имеет значения! Где бы ты ни жил, ты должен следить за собой. Ведь на тебя смотрят дети, постыдился бы их!

Роман. Дети как раз смотрят на меня с пониманием. Ведь не от хорошей жизни это!

Надежда (Продолжая кричать сквозь слёзы). Не от хорошей жизни?! Ты сам создал нам невыносимую жизнь!

Роман. Ну вот, теперь я и злодеем сделался в твоих глазах.

Надежда. Скажи, с кем ты вчера говорил по телефону целых 30 минут?

Роман. Как с кем? Я же тебе говорил. С Ниной – давней сокурсницей по институту. Она совсем недавно прибыла с семьёй в Израиль и хотела кое-что выяснить у меня.

Надежда. Понятно, что она хотела выяснить! Для неё у тебя есть время, а для меня нет!

Роман. Чувь какая! Теперь я виноват во всех смертных грехах!

Надежда (Вытирая слёзы руками и оглядываясь вокруг). Сил больше нет! Где бы присесть?

Роман. Здесь нет скамейки. Забыла что ли? Мы на пустыре.

Надежда. С тобой всё на свете забудешь!

Роман. А я вот не забыл, какой счастливой была наша семейная жизнь в Баку. Как мы радовались появлению сначала нашей девочки Иды, а потом мальчика Саши. Как мы были счастливы!

Надежда. Это верно! Тогда ты был внимателен ко мне, старался исполнить каждое моё желание и проводить свободное время вместе, дарил мне цветы и всякие сладости. Но всё это в прошлом! Ты совсем изменился ко мне, не обращаешь внимания, даже не интересуешься, как я себя чувствую и что мне надо. Я даже не помню, когда ты целовал меня в последний раз.

Роман. Неужели я опустился до такой степени?

Надежда (Вздыхает). Выходит, что так. Нет, ты меня больше не любишь! (Снова начинает плакать).

Роман. (Решительно). Что за ерунду ты говоришь? Я любил и люблю тебя!

Надежда. Любишь? С того дня, как мы прибыли в Израиль, ты ни разу не дарил мне цветов. Вот так ты меня любишь!

Роман. Столько проблем навалилось на нас в Израиле, что было не до цветов!

Надежда. И, значит, не до меня!

Роман. (Не сразу). Чувствую себя виноватым перед тобой. (Роемся в карманах брюк). У меня, кажется, были деньги в карманах (вытаскивает из карманов монеты и снова пересчитывает их про себя). На цветы хватит. Подожди меня, Наденька, не уходи. Я отлучусь на несколько минут. Только прошу тебя, не плачь, успокойся и вытри слёзы (Убегает с пустыря).

Надежда остаётся одна, вытирает руками слёзы и начинает ходить по сцене. Звучит музыка Моцарта, которая с возвращением Романа затихает. В руках Романа – большой букет роз.

Роман. (Запыхавшись от бега, протягивает Надежде цветы). Это тебе, дорогая.

Надежда (Принимая цветы). Спасибо, дорогой. Но ты потратил на эти цветы последние деньги. Как мы будем жить завтра?

Роман. Не волнуйся, Наденька, я ещё заработаю деньги.

Надежда (Улыбаясь). Каким образом?

Роман. Завтра же приступаю к работе на раскопках!

Надежда. С чего это, Рома?

Роман. Ради нашей любви.

Надежда. Ради наших детей.

Роман. Ради нашей любви и детей.

Надежда. Именно так!

Роман. Ты – моя любовь и надежда!

Надежда. А ты – мой роман, который продолжается...

Роман. И никогда не закончится! (Целует и обнимает Надю).

*Роман с Надеждой в обнимку медленно уходят со сцены.
Начинаясь тихо, всё громче и громче звучит музыка Моцарта.*

Занавес.

Кафе для двоих

Пьеса в одном действии

От автора

Репатриантам из России хорошо знаком фильм Эльдара Рязанова «Вокзал для двоих». Однако еще до картины Рязанова на сцене театров шла комедия Семена Злотникова «Триптих для двоих». В моей пьесе местом действия вместо вокзала выбрано кафе, являющееся излюбленным местом питания и досуга израильтян. Пьеса «Кафе для двоих», созданная в 2009 году и опубликованная в том же году в 20-м номере альманаха "Хронометр", продолжает линию мелодрамы «Он и Она в отсутствии скамейки». Обе пьесы объединяет присутствие в них только двух героев – немолодых супругов, а дальше начинаются различия, касающиеся места действия, характеров и затронутых проблем. В пьесе использована музыка увертюры-фантазии «Ромео и Джульетта» П. Чайковского.

Действующие лица:

АВИГДОР, 45-ти лет

ВИКА, 40 лет

} супруги – репатрианты
} из Санкт-Петербурга

ЛАРИСА – официантка, 25-ти лет

Действие пьесы происходит в одном из городов развития на юге Израиля в период Большой Алии (репатриации) 90-х годов XX века.

Прошел год после разрыва отношений между супругами. На сцене несколько столиков под навесом одного из кафе в южном израильском городе. Тихо звучит тема любви из «Ромео и Джульетты» Чайковского. За одним из столиков, положив ногу на ногу, сидит Авигдор. Углубившись в чтение, он высоко держит в руках раскрытую газету, прикрывающую его лицо. У столика появляется Вика со шляпкой на голове и дамской сумочкой в руке. Музыка затихает.

Вика (*обращаясь к Авигдору*). Извините, за вашим столиком место свободно?

Авигдор (*Не отрываясь от чтения газеты, автоматически*). Свободно.

Авигдор вдруг опускает газету и узнает в спрашивающей женщине жену. В течение нескольких секунд он и она внимательно смотрят друг на друга.

Авигдор (*с удивлением*). Это ты, Вика?

Вика. Я за год так изменилась, что меня невозможно узнать? (*Оглядываясь по сторонам.*) Впрочем, есть места и за другими столиками. (*Собирается перейти к другому столику*).

Авигдор. (*Убирая газету, встает с места и перегораживает Вике дорогу*). Зачем за другой столик, если свободно за моим?

Вика. Это что, диктат?

Авигдор. Не диктат, а предложение.

Вика. А если я отказываюсь от твоего предложения?

Авигдор. Тогда это не предложение, а просьба, - самая что ни на есть, покорная.

Вика. Ну, если это просьба... Тогда еще можно согласиться.

Авигдор садится за столик и показывает рукой на стул рядом с собой.

Вика. Только не рядом! (*Садится за столик, но чуть поодаль от Авигдора.*) Я голодная, как собака.

Авигдор. Сейчас подойдет официантка, принесет меню, и ты скажешь, что хочешь. Я себе уже сделал заказ.

К столику подходит Лариса, держа в руках меню и поднос с едой, который ставит на столик перед Авигдором.

Лариса (*Авигдору*). Пожалуйста, ваш заказ. Приятного аппетита. (*Подает Вике меню.*) Добрый день. Меня зовут Лариса. Что будете заказывать?

Вика (*просматривая меню*). Пожалуйста, шпроты, салат овощной с яйцом, кебаб с жареной картошкой и напиток.

Лариса (*достает блокнот из кармана и записывает заказ*). Так. Какой напиток желаете?

Вика. А какие у вас есть?

Лариса. Выбор большой. Есть кока-кола, минеральная, содовая, соки.

Вика. Лучше всего сок. Апельсиновый. А хлеб, если есть, лучше черный.

Лариса. У нас любой хлеб есть! (*Уходит.*)

Авигдор (*приступая к еде*). Договоримся сразу: я оплачиваю твой заказ.

Вика. С чего это, Авигдор? Когда мы жили вместе, ты не был таким джентльменом. Не помню, чтобы со дня приезда в Израиль мы ходили с тобой в кафе или ресторан.

Авигдор. Сама знаешь: столько проблем здесь на нас свалилось, что было не до ресторанов. Надо было думать о хлебе насущном.

Лариса (*подходя к столику с едой на подносе и ставя его перед Викой*). Пожалуйста. Приятного аппетита! (*Уходит.*)

Вика (*с радостью набрасываясь на хлеб*). Спасибо. А вот и хлеб насущный (*отправляет хлеб в рот и с удовольствием жует*). Обожаю черный хлеб! Хорошо, что в Израиле научились делать его!

Авигдор. Это спасибо нашим «русским» евреям. Они привезли технологию выпечки черного хлеба, наладили доставку ржаной муки, и теперь их бизнес процветает.

Вика. А что тебе мешало заняться бизнесом?

Авигдор. Мне? Бизнесом? Да еще выпечкой черного хлеба? Ты что, смеешься? Какой я тебе пекарь!

Вика. Не обязательно выпечкой. В бизнесе большой выбор. Можно заняться чем угодно. Было бы желание!

Авигдор. Одного желания тут мало. Нужны еще умение и какая-нибудь коммерческая жилка. А ее у меня напрочь нет!

Вика. А какая у тебя есть? Писательская, что ли? Да, не оправдал ты моих надежд. Ты же ученый, кандидат исторических наук. К тому же в Израиле твою кандидатскую приравнивали к докторской! Мог бы зарабатывать огромные деньги!

Авигдор. Ну и что из того, что я доктор наук? Кому здесь нужна моя докторская степень, да еще по истории петровской России? В Израиле своих историков пруд пруди. Помнишь, я ездил в Иерусалимский университет, собирался говорить о возможности исследовательской работы по истории России, так там меня приняли за ненормального и вообще не хотели со мной разговаривать на моем скромном иврите.

Вика. Да, помню. Надо было браться за историю Израиля.

Авигдор. Начинать с нуля? Заново изобретать велосипед? История Израиля уже до меня написана и переписана тысячу раз! Так что в этой области я вряд ли открыл бы что-нибудь новое.

Вика. А вдруг открыл бы?

Авигдор. Не смей меня!

Вика. Вот и остался ты без дела, которым занимался всю жизнь! Попросту говоря, на бобах.

Авигдор. Как сказать. Без работы я все-таки не остался! Сама знаешь, в «лишкат авода» меня направили в Керен Каемет ле-Израэль. Сажаю деревья. Правда, эта работа далека от того, чем я занимался до того, и я согласился не сразу...

Вика. А кто настоял на том, чтобы ты согласился?

Авигдор. Конечно, ты, кто же еще!

Вика. Иначе как мы могли бы существовать дальше? Продолжай трудиться там же?

Авигдор. Продолжаю. Как говорят на иврите, «эйн брейра». Да и физическая работа более полезна для здоровья, чем умственная, хотя и устаешь, как черт! Зато подбадривает мысль, что ты участвуешь в благородном деле по озеленению страны!

Лариса (*подходит к столику и собирает посуду*). Может, еще что-нибудь надо?

Авигдор. Принесите нам еще графин сока и пирожное. (*Вике.*) Как насчет мороженого?

Вика. Не откажусь. Могу я себе иногда позволить маленькие радости?

Лариса (*записывает в блокнот*). Так, сначала сок с пирожным, потом мороженое.

Авигдор. Именно так.

Лариса уходит.

Авигдор. А ты этот год чем занималась? Продолжала учить пикианию на скрипке в консерватории?

Вика (*со смешком*). Это только одно название – консерватория. На самом деле – обычная музыкальная школа.

Авигдор. Зато по специальности, в отличие от меня.

Вика (*со смешком*). Да, по специальности, но трудишься за гроши. Учеников мало. Почти никто из детей не хочет идти на скрипку. А ведь это еврейский инструмент! Им, видите ли, гитару подавай, электроорган! Если бы не пособие из Битуах Леуми, не знаю, как жила бы. Вот и решила поменять профессию и записаться на курсы парикмахерского искусства. Хочу открыть свое дело.

Авигдор. Вот как!

Вика. А разве может быть иначе? Сколько можно жить в нищете? Мы что, ради этого переехали жить в Израиль? В Питере еле сводили концы с концами и здесь продолжаем влачить жалкое существование. Разве что дали несчастную амидаровскую квартиру, да и то не в центре страны, а где-то на отшибе. Да, после питерских дворцов и набережных контраст впечатляющий! До сих пор не могу привыкнуть к этим пустынным пейзажам.

Авигдор. Ко всему привыкнешь.

Вика. Посмотри, как живут израильтяне: шикарные особняки, виллы с садовыми участками, машины Мерседес и БМВ, денежные операции на бирже, постоянные поездки за границу, посещения ресторанов. Вот это жизнь! Невольно завидовать начнешь. Слишком поздно мы сюда приехали. Те, кто приехал раньше лет на двадцать, – все устроились, освоили язык, имеют приличную работу, разъезжают по заграницам и открыто смеются над нами. Говорят: вы нас тогда на партийных собраниях пропесочивали, а теперь кусаете себе локти! Так вам и надо!

Авигдор. Спорить трудно. Они где-то правы. Кто пострел, тот поспел. На эту тему есть стихи у Высоцкого:

*В Америке ли, в Азии, в Европе ли –
Тот нездоров, а этот вдруг умрет...
Вот место Голды Меир мы прохлопали,
А там – на четверть бывший наш народ.*

Вика. Да, стихи в самую точку!

Авигдор. Но можем мы себе позволить немного помечтать?

Вика. О чем? О светлом будущем?

Авигдор. Хотя бы о будущем.

Вика. Сколько можно жить мечтами о светлом будущем! Нас ими в бывшем Союзе и так перекормили. Мечты мечтами, а я хочу жить нормально сейчас, а не когда-нибудь потом!

Авигдор. Желать никогда не вредно. Послушай свежий анекдот из серии «Армянское радио отвечает». Нас спрашивают: «Можно ли построить коммунизм в Израиле?» Отвечаем: «Зачем такой маленькой стране такое большое счастье?»

Вика (*раздраженно*). Мне только твоего анекдота не хватает!

Авигдор. Ну и кусачей ты стала!

Вика. Станешь кусачей от жизни собачьей! (*Приподнимаясь с места и повышая голос.*) Я больше не хочу вести такой нищенский образ жизни! Слышишь, не хочу! Мы даже в этом пшивом Египте не побывали!

Авигдор. Ну, предположим, не пшивом. Там все-таки пирамиды – одно из семи чудес света!

Вика (*возбужденным голосом*). Пирамиды пирамидами, но Египет – это не Запад. То ли дело Париж! «Увидеть Париж и умереть!»! Никогда не забуду этот фильм!

Лариса (*подходит к столу с графином сока и пирожными*). Пожалуйста, сок и пирожное (*кладет на стол*). Только прошу вас – не громко. Вы здесь не одни.

Вика (*сидя на своем месте*). Хорошо, постараемся тише. Иногда нервы не выдерживают.

Лариса. У всех у нас нервы. Какое мороженое вам принести?

Авигдор. Я предпочитаю банановое с шоколадом. А ты?

Вика. А я – клубничное без шоколада.

Лариса. Хорошо (*пишет в блокнот*). Когда принести?

Вика. Да минут через десять можно.

Лариса. Хорошо. (*Уходит.*)

Вика. Знаешь что, я от пирожных воздержусь. Боюсь. Надо соблюдать диету. Не хочу полнеть. Так что съедай всё, что на тарелке.

Авигдор. Что же, придется. Желание дамы – закон. Пирожные будут уничтожены. Значит, в Париж потянуло?

Вика. Да, в Париж. И я тебе об этом не раз говорила!

Авигдор. Ну, зато мы по Израилю хорошо поехали. Экскурсии тогда были бесплатные или дешевые. Где только не побывали – в Иерусалиме, Тель-Авиве, Галилее, на озере Кинерет, на Голанах, на Мертвом море и даже в Эйлате!

Вика (*с усмешкой*). И даже в Эйлате! И все-таки все эти израильские достопримечательности не заменят собой один Париж! Но дело не только в Париже. Мне надоела такая нищенская жизнь. (*Повышая голос.*) Я жить хочу, слышишь, жить, а не прозябать!

Авигдор. Мои жизненные цели, ты знаешь, несколько иные. Духовные ценности для меня всегда стояли выше материальных.

Вика. Это я наизусть выучила! Ты удачно играешь роль такого бессеребренника, живущего одними духовными интересами! Но с ними, дорогой, далеко не уедешь!

Авигдор. Ты знаешь мое кредо: довольствоваться тем, что имеешь...

Вика (*снова повышая голос*). Именно это я не приемлю! Именно это разделяет нас! Небось, по-прежнему пишешь?

Авигдор. Да, пишу, и много пишу. У каждого человека свое призвание. Мое призвание – это я почувствовал именно в Израиле – литература. Я не могу без этого жить!

Вика. А я думаю об этом иначе. В Израиле пишут в основном наши, из бывшего Союза – все, кому не лень. Это настоящее стихийное бедствие, какая-то эпидемия! Чуть ли не каждый десятый заражен литературным вирусом и стремится издать хотя бы одну книгу! Писательский зуд не дает им покоя! Блажь какая-то! Буквально наводнили своей бесчисленной книжной продукцией весь израильский рынок! И кто-то покупает? Кто-то читает? Это скорее не литература, а макулатура, – я бы так сказала!

Авигдор. Да, пишут и печатают сейчас многие, но я не согласен, что это сплошная макулатура. Да, она имеется, и ее немало, но есть среди пишущих и по-настоящему талантливые люди, для которых творчество стало их второй, после основной, профессией.

Вика. И ты, конечно, относишь себя к числу самых талантливых писателей, тех, которыми может гордиться Израиль...

Авигдор. Пусть судят обо мне другие, кто разбирается в литературе. Я только делаю то, к чему я чувствую неистребимое влечение.

Вика. Неистребимое влечение... Из-за этого влечения должны страдать другие люди!

Авигдор. Что ты имеешь в виду?

Вика. То, что год назад ты издал книжку своих рассказов и при этом потратил деньги из нашего семейного бюджета, не сказав мне об этом ни слова! Просто поставил меня перед фактом, и это тогда, когда у нас на счету был каждый шекель! Наша дочь сдавала тогда экзамены на багрут, и нам так были нужны деньги! Или ты забыл об этом?

Авигдор. Попробуй забыть! Ты тогда закатила дома такой грандиозный скандал, который запомнится надолго! Дала мне на все сборы десять минут, выставила меня за дверь с вещами и сказала, чтоб я больше не появлялся в доме! Пришлось поселиться у матери.

Вика (*поднимаясь с места и всё более горячась*). А разве я могла поступить иначе? Ты тогда обо мне и нашей дочери подумал? Сколько ты потратил на издание этой дурацкой книжки?

Авигдор. Сама знаешь – тысячу шекелей.

Вика. Тысячу шекелей! Это же целое состояние!

Авигдор. Но эти деньги я откладывал в течение двух лет из своей зарплаты за работу на посадке деревьев. Думаешь, мне, кандидату, а теперь доктору наук, было легко зарабатывать эти деньги? Вставать в 4 утра, в 6 приступать к работе, трудиться под нещадным израильским солнцем, питаться сухим пайком и почти без сил возвращаться домой.

Вика (*возбужденно*). Знаешь что, я лучше пойду! (*Берет сумочку и собирается уйти.*)

Авигдор (*перегораживая Вике дорогу*). Никуда ты не пойдешь!

Вика. Это что, насилие? Ты знаешь, что полагается в Израиле за насилие?

Авигдор. Знаю, и всё равно я тебя не отпускаю. Нам должны еще принести мороженое.

Лариса (*подходит к столику с подносом с двумя порциями мороженого, удивленно*). Вы решили уходить? А как же мороженое?

Авигдор. Нет, нет, мы не уходим. (*Садится за столик и приглашает Вику сесть рядом с ним.*) Моя дама с удовольствием откусывает мороженое. Так, Вика?

Вика (*в некотором замешательстве*). Разве что мороженое?.. Ладно, еще немного посижу. (*Садится за столик, но чуть в стороне от Авигдора.*)

Лариса ставит две порции мороженого на столик.

Лариса (*Вике*). Вам клубничное без шоколада. (*Авигдору.*) Вам банановое с шоколадом. Только, пожалуйста, не говорите громко. Вы всё же в кафе. (*Уходит с подносом.*)

Авигдор (*приступая к мороженому*). Ужасно скучаю по Асе. Потерял с ней всякую связь. Ее мобильный телефон не отвечает, сама она мне не звонит.

Вика (*начиная есть мороженое*). Это естественно. Мы сразу же, на следующий день после твоего ухода, поменяли номера своих телефонов.

Авигдор. Я так и подумал. Однажды я выследил Асю у остановки автобуса, и знаешь, что она мне сказала?

Вика. Что?

Авигдор. Пока ты не помиришься с мамой, мне незачем встречаться с тобой!

Вика. Вот как!

Авигдор. Разве Ася тебе не говорила о нашей единственной встрече?

Вика. Нет, не говорила.

Авигдор. Я догадываюсь, почему... Кстати, где она сейчас?

Вика. После сдачи багрута призвалась в армию. Служит в войсках связи. Обзавелась «хавером» - приятелем... Живут вместе – так сейчас принято у современной молодежи. Говорят, так до свадьбы успевают лучше узнать друг друга. Не то что мы, старое поколение, начинали жить вместе только после свадьбы.

Авигдор. Можно с ней как-то связаться?

Вика (*подумав*). Можно, но сначала поговорю с ней. Как она к этому отнесется?

Авигдор. Самым положительным образом!

Вика. Ты уверен?

Авигдор. На сто процентов! (*Показывая на мороженое.*) За фигуру не боишься?

Вика (*продолжая есть мороженое*). Представь себе – нет. Раз в месяц я могу позволить себе маленькую радость?

Авигдор. Можешь. Кстати, как сложилась твоя жизнь после нашего разрыва?

Вика. Легко сказать – разрыва! Женщина переносит разрыв отношений намного тяжелее, глубже и болезненнее, чем мужчина. Кончилась прежняя, привычная жизнь, и начинается новая, неизвестная.

Авигдор. Ну и чем ознаменовалось для тебя начало новой жизни?

Вика. Появился один человек, правда, не такой интеллигентный, как ты.

Авигдор. Зато симпатичный и состоятельный...

Вика. Представь себе, не бедный. Познакомились, начали встречаться. А потом... Словом, оказался негодяй.

Авигдор. Как это?

Вика. Так. Думал, что на дуру напал. Прогнала его ко всем чертям!

Авигдор. И что потом?

Вика. Появился новый человек, намного лучше предыдущего.

Авигдор. И, конечно, не менее состоятельный.

Вика. Да, не в пример тебе.

Авигдор. И давно встречаетесь?

Вика. Всё хочешь знать! Месяц, пожалуй, встречаемся.

Авигдор. Надеюсь, что в этот раз попался не подлец. И, наверное, счастлива с ним безмерно?

Вика. Если и не безмерно, с ним мне значительно лучше и спокойнее, чем с тобой.

Авигдор. Что же, поздравляю тебя с удачной находкой!

Вика. А как сложилась твоя жизнь? Нашел себе подходящую партию?

Авигдор (*с усмешкой*). Ты знаешь мое отношение к партиям. Я был и остался беспартийным. Что касается женщин... Были случайные связи, не больше.

Вика. Случайные связи?.. А может, опасные, как в книге Шодерло де Лакло?

Авигдор (*задумчиво*). Как сказать. Может, и опасные...

Вика. Ладно, оставим это. В конце концов, мы не обязаны отчитываться друг перед другом.

Лариса (*подходит к столу и забирает посуду от мороженого*). Что-нибудь еще хотите?

Авигдор (*Вике*). Что ты хочешь?

Вика. Да, пожалуй, ничего. Нет, от воды не отказалась бы. Жара донимает.

Лариса. Какую хотите воду: минеральную, содовую?

Вика. Лучше минеральную.

Лариса (*записывает в блокнот*). Хорошо. (*Уходит.*)

Вика. Ну, а ты чем занимался всё это время? Конечно, писаниной?

Авигдор. Да, писаниной. Можешь поздравить меня. Время не таяло даром: написал и выпустил в свет свой первый роман.

Вика. Ого, на целый роман замахнулся! Поздравляю. И как ты его назвал?

Авигдор. Коротко: «К истокам».

Вика. Если не секрет, на какие деньги ты его издал?

Авигдор. На свои, кровные, трудовые.

Вика. Пробовал найти спонсора?

Авигдор. Даже и не пробовал. Бесполезно.

Вика. И о чем этот твой роман?

Авигдор. О бодьшой русской алие 90-х годов. Почему тысячи,

сотни тысяч «русских» евреев рванули с насиженных мест своей необъятной доисторической Родины, и как они обживались на Земле обетованной. Их восторги, надежды, разочарования, проблемы и много чего еще, например, семейные отношения. Признаюсь, в этом романе немало автобиографического...

Вика. Вот как? Надеюсь, что порнографии в нем нет?

Авигдор. Можешь надеяться. И без меня этого товара хватает!

Вика. И что, ты описал в своем романе нашу с тобой жизнь?

Авигдор. Нет, мой роман – не мемуары. И вообще, многие, в том числе и ты, имеют довольно примитивное представление о литературном творчестве. Вам кажется, что писатель пишет первое, что взбредет ему в голову. На самом деле писатель пишет о жизни и смерти, но через свое личное восприятие и жизненный опыт. Таков, например, Лев Толстой.

Вика (*с усмешкой*). Но ты не Лев Толстой!

Авигдор. Не спорю. Лев Толстой недосыгаем. Но это не значит, что я не имею права на свое литературное творчество. Всё дело в том, можешь ли ты без этого жить или не можешь. Я – не могу. Испытываю постоянный трепет перед чистым листом белой бумаги.

Вика. А я думаю, что это обычный писательский зуд, которым заражены многие репатрианты из бывшего Союза. Вдруг возомнили себя великими писателями и поэтами и обрушили на головы бедных читателей свои несчастья и страдания. Кому это нужно? Нам и своих достаточно! Разве я не права?

Авигдор. И права, и не права. В ходе творческого процесса возникает удивительное чувство: когда человек пишет, выливает на бумагу всё, чем он переполнен, ему становится легче, он как бы облегчает свою душу...

Вика (*с усмешкой*). И ты, написав свой роман, облегчил душу?

Авигдор. Облегчил. Кроме того, отправил этот роман вместе с предыдущим сборником рассказов в Союз писателей Израиля. На предмет приема в этот Союз.

Вика. Ты что, это серьезно?

Авигдор. Как видишь, серьезно.

Вика. Я слышала, что попасть в Союз писателей очень трудно.

Авигдор. Трудно, но не невозможно.

Вика. Что-то мне не очень верится.

Авигдор. А ты когда-нибудь верила в меня?

Вика. Верить можно только в талант. А есть ли он у тебя, я до сих пор не разобралась.

Ави́гдор. Увы, я не могу сказать, как Симонов: «Верю своею ты спасла меня».

Вика. У Симонова не так: «Ожиданием своим ты спасла меня».

Ави́гдор. Мне больше нравится – «верою».

Вика. Что же, в Союзе писателей лучше разберутся, кто есть кто.

Ави́гдор. Как раз в эти дни мне должны позвонить из Союза и сообщить о решении. Естественно, волнуюсь.

Вика. Что же, волноваться никогда не вредно. У меня повода для волнения больше, чем у тебя. Кстати, ты говорил, что в твоём романе есть что-то автобиографическое?

Ави́гдор. Да, говорил. Например, действие первой половины романа происходит в нашем родном Питере, где мы с тобой познакомились, где прошла наша счастливая молодость...

Вика. Где мы поженились и у нас родилась дочка Ася. Счастливое время!

Ави́гдор. Ты после консерватории по конкурсу прошла в оркестр Ленинградской филармонии, а я защитил в аспирантуре исторического факультета университета кандидатскую диссертацию...

Вика. Но это время так далеко, что кажется: мы живём сейчас не только в другой стране, но и в другую эпоху.

Ави́гдор. И всё-таки я не могу забыть наши прогулки по набережным Невы, Летний сад, Эрмитаж, Невский, белые ночи, Петродворец, Павловск, Пушкин... (*Читает стихи Пушкина.*)

*Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит...*

Вика. Это что, ностальгия?

Ави́гдор. Скорее романтические воспоминания.

Вика. Да, ты как был, так и остался романтиком. Последний из могикан...

Ави́гдор. Что же, каким я был, таким остался. Не вижу в этом ничего предосудительного.

Вика. Пойми, время сейчас совсем другое!

Ави́гдор. Другое, но не для меня! Помню, я часто ходил на концерты твоего оркестра. Больше всего я любил музыку Чайковского, особенно «Ромео и Джульетту».

Вика (*вздыхая*). Да, это было наше любимое произведение.

Авигдор. И мы с тобой свято верили, что прекрасная тема любви Ромео и Джульетты – это мелодия нашей с тобой любви!

Вика (*вздыхая*). Как это было давно!

Авигдор. Это было недавно, это было давно... Как ты была тогда юна и прекрасна!

Вика. А что, с тех пор я сильно изменилась?

Авигдор. Нисколько!

Вика и Авигдор безмолвно смотрят друг на друга пытливым взглядом, погружившись в воспоминания о прошлом. В это время сначала тихо, а потом всё сильнее и, наконец, во всю мощь звучит тема любви из «Ромео и Джульетты» Чайковского. На глазах Авигдора и Вики появляются слезы.

Авигдор (*как бы очнувшись после окончания музыки, тихо*). Помнишь, когда я, ошарашенный музыкой Чайковского, впервые решил подойти к тебе после одного из концертов, чтобы познакомиться, меня поразило, что у нас с тобой одно и то же имя – Виктор и Виктория.

Вика. Это меня тоже поразило.

Авигдор. И в этом мы увидели особый знак судьбы – что нам суждено жить вместе. И ты сказала...

Вика. Что наши имена означают победу.

Авигдор. И когда мы поженились, мы были уверены, что наша любовь одержит победу над всеми препятствиями, преградами и напастьями в жизни.

Вика. Увы, мы тогда переоценили наши силы и возможности...

Авигдор. Переоценили? (*Страстно.*) Если бы ты знала, как я любил тебя!

Вика. Любил? Да, тогда любил, а сейчас...

Авигдор. И сейчас люблю...

Вика. Неужели?

Авигдор (*тихо*). Люблю еще сильнее, чем тогда!

Вика. Чем тогда? (*Вздыхая.*) Какое тогда было бурное время...

Авигдор. Да, началась перестройка, и мы стали ходить с тобой на всевозможные демонстрации и митинги в поддержку Горбачева, а потом Ельцина. Городу вернули прежнее название – Санкт-Петербург...

Вика. Пахнуло ветром свободы, железный занавес рухнул, и мы,

вдруг почувствовав себя евреями, вместе с огромной лавиной ринулись сюда, в Израиль.

Авигдор. Это был правильный выбор, и об этом моя книга «К истокам»!

Вика. Теперь не знаю, правильный ли...

Авигдор. И ты еще сомневаешься? Неужели ты ехала в Израиль за колбасой?

Вика. А ты забыл, что магазины в Питере были пусты, хоть шаром покати? Жрать было нечего, и надо было срочно спасти нашу дочку от голода.

Авигдор. Нет, не забыл. А ты не забыла, что мы были тогда еще и сионистски настроены?

Вика. Не забыла.

Авигдор (*решительно*). И я как был, так и остался убежденным сионистом – поклонником идей Жаботинского. Евреи должны жить в своей стране. И это главное и единственное условие их выживания, сохранения как нации!

Вика. В принципе, и я продолжаю так думать. Ты знаешь, с каким упорством я набросилась на иврит. Грызла язык как гранит. И одолела его!

Авигдор. Тем самым оправдав свое имя Виктория – «победа»! За что тебе честь и хвала.

Вика. А ты в Израиле взял да поменял свое имя Виктор на «Авигдор».

Авигдор. Сделал правильно! Значение имени сохранил и стал стопроцентным израильтянином.

Вика. Не сказала бы. Ментальность у тебя осталась прежней, русской.

Авигдор. Родиться и прожить в России 45 лет, и чтобы за несколько лет изменилась ментальность? Сама знаешь, это нереально. Другое дело – жизненные взгляды, мировоззрение. Главное – это почувствовать себя частицей еврейского народа.

Вика. И ты почувствовал?

Авигдор. Представь себе, да!

Вика. А я еще нет. В принципе, в Израиле, конечно, жить можно...

Авигдор. И нужно!

Вика. Но после Питера жить в этом захолустном южном городке, где ничего нет, кроме Дома культуры и библиотеки, просто ужасно. Контраст умопомрачительный. Небо и земля!

Авигдор. Что делать, если репатриантам предлагают амидаровские квартиры не в центре страны, а на периферии. Не всем жить в Иерусалиме и Тель-Авиве!

Вика. От этого не легче!

Авигдор. Ты знаешь мой девиз: уметь довольствоваться тем, что есть...

Вика. Вот с этим я никогда не соглашусь!

Звучит музыка мобильного телефона. Вика вынимает из сумки аппарат и включает его.

Вика (*говорит по телефону*). Ася, это ты? Привет. Как твои дела? (*Слушает.*) Я рада. В пятницу приезжаешь ко мне? Отлично!

Авигдор знаками показывает, чтобы Вика дала ему аппарат.

Вика (*по телефону*). Ты знаешь, с кем я сейчас встретилась? Никогда не угадаешь. С твоим отцом. Мы сидим за одним столиком в кафе. Хочешь поговорить с ним? Я не против. (*Протягивает аппарат Авигдору.*) Говори!

Авигдор (*Говорит по телефону*). Это ты, дорогая? Привет, Асенька, привет! Почти год не слышал твой голос! Если б ты знала, как я соскучился по тебе! Как идет служба в армии? Не очень тяжело? Молодец, так держать! Как хочется с тобой повидаться!.. Я тоже хочу, чтобы мы с мамой помирились... До скорой встречи! (*Возвращает аппарат Вике.*) Спасибо, что ты подарила мне радость общения с дочерью.

Вика. Дочка у нас боевая – в жизни не пропадет! (*Кладет аппарат в сумку.*)

Лариса (*подходит к столику и ставит бутылку с водой и два стакана*). Будете еще что-нибудь заказывать?

Вика. Пожалуй, нет.

Авигдор. Не будем.

Лариса. Будете рассчитываться? (*Вынимает из кармана блокнот.*)

Авигдор. Да.

Лариса. Вам сделать общий счет или отдельный каждому?

Авигдор (*одновременно с Викой*). Общий.

Вика (*одновременно с Авигдором*). Отдельный.

Лариса. Непонятно. Подумайте, а я подойду чуть позже. (*Уходит.*)

Авигдор. Я же тебе говорил, Вика, что оплачиваю обед за себя и за тебя.

Вика. Джентльменский жест?

Авигдор. Если тебе так нравится – пусть будет джентльменский жест.

Вика. Ладно, даю тебе шанс проявить себя джентльменом.

Звучит музыка мобильного телефона.

Вика (*быстро достает аппарат из сумки и прижимает его к уху*). Это ты, Илья? Наконец! Привет... У меня всё нормально. Достал билеты на «Виртуозов Москвы»? Ура! Какой молодец! Когда заедешь за мной? Отлично. Я буду в это время дома и ждать тебя.

Авигдор (*решительно*). Дай мне, пожалуйста, аппарат!

Вика. Зачем?

Авигдор. Хочу сказать этому Илье несколько ласковых слов.

Вика (*протягивает аппарат*). Если только несколько...

Авигдор (*говорит по телефону*). Алё, это Илья? Очень приятно! С вами говорит Авигдор, муж Вики. (*Вика с ужасом хватается руками за голову*.) У меня к вам убедительная просьба: больше не звонить Вике и оставить ее в покое. Я понятно говорю? Повторять не надо? Очень надеюсь на вашу разумность и понимание. (*Возвращает аппарат Вике.*) Спасибо.

Вика (*прячет аппарат в сумку, горячо*). Что ты наделал? Кто тебя просил об этом?

Авигдор. Моя любовь к тебе!

Вика. Какая там любовь? Так поступают только хамы!

Авигдор. В таких случаях я предпочитаю быть хамом, а не джентльменом. Ясно?

Вика. Нет, не ясно. Кто тебе давал право вмешиваться в мою личную жизнь?

Авигдор. Чувство мужа к тебе!

Вика. Я уже слышала об этом! Разве ты муж мне?

Авигдор. Представь себе, пока еще муж. Ведь мы с тобой официально не оформляли развод!

Вика. Оформить развод никогда не поздно. Можно и сейчас!

Авигдор. А ты знаешь, что я никогда не соглашусь на развод, а без моего согласия ты не получишь его?

Вика. Ничего себе! Это уже пахнет насилием!

Авигдор. Скажи мне честно: ты любишь его?

Вика. Кого его?

Авигдор. Этого... Илью.

Вика. Он мне действительно нравится. Вполне порядочный, интересный, привлекательный мужчина...

Авигдор. И, конечно, состоятельный.

Вика. Да, представь себе, состоятельный, в чем я не вижу ничего плохого!

Авигдор. Вопрос на засыпку. Если бы у меня сейчас появился миллион, ты бы отказалась от этого... Илья?

Вика (*задумавшись*). Во-первых, у тебя миллион никогда не появится...

Авигдор. А если вдруг появится?

Вика. Во-вторых... Моя любовь не продается и не покупается. Ее надо заслужить.

Авигдор. Достойный ответ. И я ее не заслужил?

Вика (*не сразу, тихо*). Не знаю...

Авигдор. Что же, нам надо с тобой, как говорил Михаил Сергеевич, определиться: либо восстановить семью, либо оформить развод. Третьего не дано!

Вика. Здесь и так всё ясно. Наша любовная лодка разбилась о быт.

Авигдор. Я позволю себе не согласиться с тобой. Это у Маяковского разбилось. А у нас... Хоть искорка любви не погасла в тебе?

Вика (*не сразу*). Где-то еще тлеет...

Авигдор. (*Громко*). Это здорово, что тлеет! Из искры возгорится пламя!

Вика. Это у Пушкина возгорится.

Авигдор. И у нас тоже!

Вика. (*Тихо*). Как сказать.

Авигдор и Вика молча и внимательно смотрят друг на друга. Тихо, как бы в отдалении, звучит тема любви из «Ромео и Джульетты». После окончания музыки Авигдор и Вика продолжают сидеть молча, находясь в оцепенении.

Лариса (*подходит к столу с блокнотом в руке*). Я вам подготовила два отдельных счета. Как будете платить: вместе или отдельно?

Авигдор (*вытаскивая из кармана бумажник*). За двоих. Сколько я вам должен?

Лариса (*кладя на столик счета*). Вместе 85 шекелей.

Авигдор (*достает и протягивает Ларисе купюру*). Пожалуйста. Без сдачи. Остальное вам на чаевые.

Лариса. Спасибо. (*Забирает посуду и уходит.*)

В кармане Авигдора звучит музыка мобильного телефона.

Авигдор. Мне звонят. (*Достает из кармана аппарат и прикладывает к уху.*) Але, слушаю. Да, это я. Из Союза писателей? Спасибо за радостное сообщение! Хорошо, через неделю я подъеду к вам с деньгами за членским билетом. (*Кладет аппарат в карман, вскакивает с места и в радостном возбуждении начинает кружиться вокруг стола.*) Вика, можешь поздравить меня: я принят в Союз русскоязычных писателей Израиля!

Вика. Вот как? Поздравляю...

Авигдор. Надо отметить это историческое событие! Ты не против?

Вика. А как?

Авигдор (*кричит*). Лариса, можно вас сюда?

Лариса (*подбегает к столику*). Что-нибудь случилось?

Авигдор (*радостно*). Да, случилось! Я победил! У вас есть шампанское? Хочу отметить победу с самой прекрасной женщиной на свете!

Лариса (*с удивлением*). Ничего не понимаю. Какую победу? Над кем?

Авигдор. Ну, как вам объяснить? (*С гордостью*). Меня приняли в Союз писателей!

Лариса. А-а-а... Так, значит, вы – писатель? Поздравляю! В таком случае шампанское найдется. Только прошу вас, не бегайте вокруг столика и не шумите так громко. Это всё же кафе.

Авигдор. Виноват. Не буду. (*Садится за столик и приближает голову к Вике, желая поцеловать ее.*)

Вика (*отодвигаясь от Авигдора*). Только не сейчас. Я не готова. У меня голова идет кругом.

Авигдор (*вернувшись к прежнему положению*). Слушаюсь и повинуюсь!

Лариса (*подходит к столику с бутылкой шампанского и двумя бокалами на подносе*). Пожалуйста, шампанское (*ставит поднос на столик*). Можете отмечать свою победу. Разливать?

Авигдор. Конечно. Что за вопрос!

Лариса наливает шампанское в бокалы и уходит.

Авигдор (*поднимает бокал*). За победу! (*Выпивает залпом.*)

Вика (*также поднимает бокал, тихо*). За победителя... (*Отпивает часть бокала.*)

Авигдор (*наливает в бокал еще шампанского и поднимает его*). За веру в талант! (*Выпивает залпом.*)

Вика (*поднимает бокал, тихо*). И за веру... в человека. (*Отпивает еще часть бокала.*)

Авигдор. Что же, теперь я могу вернуться в семью?

Вика. Но писательство и семья – две вещи несовместные.

Авигдор. А Лев Толстой?

Вика. Ты же не Лев Толстой.

Авигдор. Но я – Авигдор Давидович! И литература – мое призвание.

Вика. Что же, пиши. А там видно будет.

Авигдор. Ты представляешь, как будет рада Ася нашему примирению и воссоединению!

Вика (*вздыхает*). Знаю. Но всё не так просто... *Что* обо мне подумает Илья? *Что* я ему теперь скажу?

Авигдор. Ничего говорить не надо! Просто вычеркни его из своей памяти!

Вика. Легко сказать – вычеркни! А как быть сегодня вечером с концертом «Виртуозов Москвы»? Человек специально старался, доставал билеты...

Авигдор. Пусть тебя это не волнует! Или ты забыла, Вика, как я в Питере умел доставать билеты из-под земли?

Вика (*улыбаясь*). Да, Авигдор, этот талант у тебя не отнимешь.

Авигдор. Предлагаю тебе сегодня же пойти со мной на концерт «Виртуозов Москвы»! Билеты я гарантирую!

Вика. Прямо сегодня? Нет, надо подумать. Я до сих пор не могу прийти в себя... И эта наша случайная встреча...

Авигдор. Почему случайная? Раз мы встретились – значит, не случайно! И я тебе снова предлагаю свою руку и сердце!

Вика. Быть женой знаменитого писателя?

Авигдор. Нет, быть моей Музой, моим Ангелом-хранителем!

Вика. Значит, мне никогда не увидеть Париж?

Авигдор. А это очень важно – увидеть Париж?

Вика. Теперь и сама не знаю...

Авигдор. Впрочем, в Париже мы с тобой обязательно побываем!
Вика (*вздыхает*). Дай Бог! А я бы почитала твой новый роман...
Авигдор (*радостно*). За чем же дело стало? Хоть завтра!

Авигдор и Вика замолкают и пытливо смотрят в глаза друг другу. Во всю мощь звучит тема любви Чайковского.

Занавес.

Это Израиль!

*Трагикомедия из жизни репатриантов
в двух действиях*

От автора

Пьеса «Это Израиль!», давшая название всему сборнику, написана в 2011 году и также посвящена жизни репатриантов из бывшего Советского Союза в Израиле. По жанру это трагикомедия, в которой затрагиваются такие злободневные для страны проблемы, как отсутствие работы по специальности, жилье, отношение к религии, прохождение гиюра и др. В пьесе использованы стихи из сборника Игоря Губермана «Иерусалимский дневник», музыка 1-го фортепианного концерта Чайковского и песни из диска Владимира Фридмана «Странная страна».

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

САША – новый репатриант, актер комического жанра

ВЕРА – его жена, врач

АСЯ – их дочь 20 лет

АБРАМ – новый репатриант, музыкант

МАРИНА – его жена, б. директор комбината бытового обслуживания

ИГОРЬ – их сын, 22 лет

АРОН – ешиботник, б. лектор общества «Знание»

МИРЬЯМ – молодая мама- израильтянка

НИНА ВАСИЛЬЕВНА – соседка Саши по гостинице, 70 лет, б. воспитательница детского сада

Действие пьесы происходит в годы большой алии
в дни праздника Ханука в Иерусалиме

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

В качестве музыкальной заставки звучит в исполнении Владимира Фридмана песня «Странная страна» (слова М. Потах):

Странная страна есть в мире, странная,
Странная, куда ни бросишь взгляд.
Дал ее нам Бог Обетованную,
Забирая много раз назад.
Летом солнце в небесах неистово,
Зимними дождями залита.
Знает из Торы дорогу к истине,
А идет неведомо куда.

В ней и люди не совсем обычные,
Странные, да что же с них возьмешь.
Кто безумно верит во Всевышнего,
А кто его не ставит и во грош!
Юг Эйлата и Метула с севера -
Меряется время днем одним.
Странно на кусочки все поделено,
Даже тот, который неделим.

Пальмами покрыта и оливками,
Вражеским кольцом окружена,
Будет ли когда-нибудь счастливою
Маленькая странная страна?
И разноязычная и пестрая,
Плача ежедневно и смеясь,
Юная и бесконечно взрослая,
Странная, но все-таки моя!

Декабрьское утро. Канун праздника Ханука. Небольшой сквер в центре Иерусалима, к которому ведут две тихие улочки. С правой стороны появляется Саша, одетый в специфическую одежду дворника, везя перед собой тележку с орудиями труда для уборки улиц. Он обо что-то спотыкается, чуть не падает, чертыхается и садится на скамейку. Вскоре с другой стороны в сквер входит

Абрам, также одетый в специфическую одежду дворника и везущий перед собой такую же тележку. Он также спотыкается, падает возле Саши, который тут же вскакивает со скамейки и помогает Абраму подняться.

САША (поднимая Абрама с земли). Кибальта мака? Козв? (Ты ударился? Болит?)

АБРАМ (поднимаясь с земли и вздыхая). Козв, козв меод! (Болит, очень болит).

САША. Эйфо, эйфо козв? (Где, где болит?)

АБРАМ (показывая на сердце). По, по козв! (Здесь, здесь болит). Как это меня угораздило? Черт знает что!

САША (обрадовавшись). Вы говорите по-русски? Какое счастье!

АБРАМ (обрадовавшись и разогнувшись). И вы по-русски?

САША. Как видите! А мы на этом дурачком иврите стараемся! Сильно ударились?

АБРАМ. Сильно!

САША. Еще болит?

АБРАМ (отряхиваясь). Ничего, до свадьбы заживет!

САША. Смена декораций! Вижу, вы здесь новый человек!

АБРАМ. Не ошиблись. Я только сегодня вышел на работу. А ведь чуть не упал и не сломал себе шею! (Наклоняется к земле, что-то ищет и поднимает с земли камень). Вот он, проклятый камень! (С силой отбрасывает его в сторону). Чтoб ему не повадно было! Надо удалять все, что мешает нам на нашем пути!

САША. Хвалю вас за сноровку! Откуда только этот камень взялся? Вчера его еще не было!

АБРАМ. Как говорил великий философ Демокрит, все течет, все меняется!

САША. Именно так! Вот и встретились на перекрестке иерусалимских дорог два собрата по несчастью. Не мешало бы нам для начала познакомиться. (Поднимается со скамейки и протягивает Абраму руку). Александр Викторович. Или, как принято в Израиле, Саша. Артист императорских театров!

АБРАМ (пожимая руку Саше). Ого, артист, да еще императорских театров! Но ведь последнего российского императора вроде скинули в семнадцатом.

САША. Императора-то скинули, а театры остались! С кем имею честь познакомиться, милостивый государь?

АБРАМ. В России звался Абрам Моисеевич, а здесь стал попросту Абрам. Профессор музыки, пианист. Преподавал в Симферопольском музыкальном училище, был солистом Крымской филармонии.

САША. Какой значительный человек стоит передо мною! Низко кланяюсь и снимаю перед вами шляпу (снимает головной убор и встав, кланяется до самой земли, после чего снова садится на скамейку). Профессор музыки – это звучит! Вы, Абрам, великий музыкант!

АБРАМ (махнет рукой). Да ладно уж там! Звание званием, а я человек скромный. Можно и на ты.

САША. Не скромничайте, хотя согласен и на ты. Уважаю музыкантов! Считаю за честь пригласить тебя присесть рядом со мной на скамейке.

АБРАМ (сядаясь рядом с Сашей). Спасибо. От такой чести трудно отказаться! Я ведь преклоняюсь перед актерами. Все-таки коллеги по искусству! И на сцене давно играешь?

САША (вздыхая). Правильнее будет сказать «играл». Как раз в этом году мог бы отметить 25-летний юбилей своей работы в театре.

АБРАМ. Да, стаж солидный, ничего не скажешь. Поздравляю! И, наверное, звание народного имеешь?

САША. Как бы не так! Спасибо за то, что хоть заслуженного дали! И знаешь, за какую роль?

АБРАМ. Какую?

САША (смеясь). Роль Ленина! Причем, совершенно случайно! Надо было срочно заменить заболевшего артиста. Никто не хотел браться за эту роль. А мне обещали: сыграешь – получишь заслуженного. Я и сыграл, чем хорошо посмешил публику. (Подражая голосу Ленина). «Социалистическая революция, о которой так долго говорили большевики, совершилась! Поздравляю вас, товарищи! Ура-а-а!»

АБРАМ (смеясь и подхватывая). Ура-а-а!

САША. Вообще-то хорошую роль в театре получить очень трудно. Слишком велика и остра конкуренция между актерами!

АБРАМ: Это настоящая борьба за существование, как сказал великий Дарвин! И она не только в природе, но и в человеческом обществе!

САША. Именно так!

АБРАМ. Ну а в каких ролях ты еще играл?

САША. В основном в комических. Я ведь из Ростова. В областном драматическом и отыграл свои основные роли. Мое амплуа – смешить публику, приходящую в театр.

АБРАМ. И получалось?

САША: Получалось, если зал ржал, когда я был на сцене. Мой идеал – Аркадий Райкин. Вот кто умел по-настоящему смешить публику!

АБРАМ. Да, Райкина забыть невозможно. (Пародирует голос Райкина). В греческом зале, в греческом зале.

САША (Смеется, подражая голосу Райкина). А мне больше нравится про Сигизмунда: «И я сказал себе: Сигизмунд! Что ты делаешь?!»

АБРАМ. Да, там, в России, занимались своим делом, а здесь (показывает на тележку) черт знает чем. Вот так я абсорбируюсь!

САША. Недавно у меня появилась книжка гариков Игоря Губермана. Ничего, веселая книжка, поднимает настроение. Не про нас ли он написал:

Такой же, как наша, не сыщешь на свете
Ранимой и прочной душевной фактуры;
Двух родин великих мы блудные дети:
Еврейской земли и российской культуры.

АБРАМ. Молодец Губерман! Точнее не скажешь! И много ролей ты переиграл?

САША. Не менее пятидесяти – и больших и маленьких. А самой любимой была роль Счастливецва из пьесы Островского «Лес». Смотрел в театре?

АБРАМ. Название очень знакомо. Кажется, смотрел.

САША. Так вот, помнишь, там на опушке леса встречаются два старых приятеля – актеры Счастливецв и Несчастливецв?

АБРАМ. Конечно, помню.

САША. (Поднимается со скамейки и начинает изображать Счастливецва). На вопрос Несчастливецва «Ты тогда любовников играл; что же ты, братец, после делал?». Счастливецв отвечает: «После я в комики перешел-с. Да уж очень много их развелось; образованные одолели; из чиновников, из офицеров, из университетов – все на сцену лезут. Житья нет. Из комиков-то я в сфулеры –с. Каково

это для человека с возвышенной душой-то, Геннадий Демьяныч? В суфлеры!...» (Выйдя из образа). А теперь, в моем нынешнем положении, думаешь: суфлером быть в сто раз лучше, чем подметать улицы! Мне это там, в Ростове, в самом страшном сне не могло присниться! (Садится на скамейку рядом с Абрамом). Так, как и ты, я абсорбируюсь!

АБРАМ. Как же, друг, ты дошел до жизни такой?

САША. Как? Очень просто! Я ведь не очень стремился ехать в Израиль, да жена – она у меня медик и к тому же русская, - уговорила с дочкой махнуть сюда. Израиль, говорит, земля Обетованная, течет молоком и медом, там нас ждут райские кущи, твой талант оценят по достоинству...

АБРАМ. Ну и как, оценили?

САША. Как видишь, оценили...

АБРАМ. А сколько времени ты в стране?

САША (смеясь). Вот вопрос, который задают в Израиле все, кому не лень. Через два месяца год будет. Решили ехать прямо в Иерусалим, поселились в олимповской гостинице «Президент», пока получали корзину абсорбции, находились в состоянии эйфории. Сразу записались в ульпан, но если у жены и дочки иврит пошел хорошо, то мне, как я не бился, не лез в голову, вот и все! Ну, слов сорок я, конечно, освоил, и среди них два самых популярных в Израиле.

АБРАМ. Это каких?

САША. Совланут и леат-леат.

АБРАМ (смеясь). Терпение и потихоньку, что-ли? Я их тоже слышал тысячу раз!

САША. Так вот, пока ходил в ульпан, стал думать, как бы найти применение своей актерской профессии. Первым-наперво прошел аттестационную комиссию, которая присвоила мне вторую категорию, что значит «одарен».

АБРАМ. С чем тебя и поздравляю! Значит, Бог не обидел тебя талантом.

САША. Поздравлять еще рано. Во-первых, за вторую категорию не полагается одноразовое пособие. Во-вторых, она ничего не дает в плане работы. Ходи по театрам и ищи ее сам. А русскоязычных театров в Израиле можно на пальцах перечесть. Показался в одном, показался в другом, показался в третьем...

АБРАМ. Ну и как?

САША. А то, что нигде не показался. Понимаешь? Игра слов. Везде один ответ: вы нам не подходите.

АБРАМ (кивая головой). Сочувствую тебе очень.

САША. И тогда возник жизненно важный вопрос всех времен и народов: что делать?

АБРАМ. Между прочим, у Ленина есть книга с таким названием. Читал в свое время.

САША. А я не только читал, но изучал. Ну и что? Какой прок? На вопрос «Что делать?» каждый раз отвечают по-разному. В зависимости от обстоятельств места и времени.

АБРАМ. Мой ответ – ничего не делать! А твой?

САША (оглядываясь по сторонам и поднимаясь со скамейки). Подожди с ответом. Надо возобновить работу. Ведь мы с тобой находимся под постоянным контролем!

АБРАМ (также поднимаясь со скамейки). Да ну тебя! Неужели так?

САША (берясь за ручку тележки). Именно так! Как Штирлиц под колпаком!

АБРАМ (оглядываясь по сторонам). Что-то не верится.

САША. Думаешь, они будут зря платить нам за наши тары-бары? Пора и честь знать!

АБРАМ (берясь за ручку тележки). Но раз так, тогда за тачку и вперед – навстречу заре коммунизма! Я здесь человек новый. Жираф большой, ему видней!

САША. Вот что. Пройдись с тачкой по своей дорожке, я – по своей, возвращаемся и встречаемся на этом же месте.

Пока Саша и Абрам совершают обход своих дорожек, снова звучит песня в исполнении Вл. Фридмана «Странная страна».

САША (останавливаясь с тележкой рядом с Абрамом). Прямо скажу тебе, Абрам – не нравится мне такая жизнь! Пойми – я по призванию артист, хочу играть в театре, играть роли – смешные и не очень смешные. А вместо этого на склоне лет должен заниматься непонятно чем! Возить эту проклятую тачку, чтобы заработать на хлеб насущный!

АБРАМ. А что, жена у тебя не работает?

САША. Жена, Слава Богу, работает. Хотя и медик, а устроилась на никайон. Иначе с нашими финансовыми проблемами вылетели бы в трубу. Утром ходит в медицинский ульпан, а вечером моет полы. И все равно мы постоянно в минусе!

АБРАМ. А дочь?

САША. Дочка учится уже в третьем ульпане «гимель», готовится к поступлению на мэхину. Во всю зубрит иврит и занимается по

математике. Ей не до работы! В общем, крутимся, как можем! Разве это жизнь? Разве ради этого мы приехали в Израиль? Рабами мы себя здесь чувствуем, рабами!

АБРАМ. Да, ты прав, мой друг. Рабами, воистинно рабами! Кем же еще? Мне, профессору музыки, это тем более кажется обидным!

САША. Как здесь снова не вспомнить Игоря Губермана:

Был как обморок переезд,
Но душа отошла в тепле,
И теперь я свой русский крест
По еврейской несу земле.

АБРАМ. Молодец – Губерман, - как точно выразил наше состояние после репатриации в Израиль! У меня такие же проблемы, как и у тебя. Жена работала в Симферополе директором комбината бытового обслуживания, была одним из самых уважаемых людей в городе, а здесь вынуждена пойти на работу в качестве бекбисстер. И все равно еле сводим концы с концами. Как и ты, не можем выйти из минуса! Мало того, жене не заплатили за работу за прошедшую неделю!

САША (вскипая). Да это же форменное безобразие!

АБРАМ. Согласен – форменное! А что тут можно сделать? Не хотят платить, и все!

САША. В этом деле надо навести порядок! Куда это годится? А сын помогает?

АБРАМ (махает рукой). Куда там! Как и твоя дочь, готовится к поступлению на мэхину. Если не мы, то пусть наши дети почувствуют себя здесь людьми!

САША (вздыхая). Да, не повезло нам с тобой, мой друг. Не успели мы с тобой в свое время надкусить яблоко счастья, вот и обходит оно нас стороной! Видимо, не осуществить мне здесь свою давнишнюю мечту!

АБРАМ. Какую?

САША. Сыграть пьесу Горина «Счастливец-Несчастливец»!

АБРАМ. У меня с юных лет тоже есть мечта!

САША. Какая?

АБРАМ. Выучить и сыграть первый концерт Чайковского! Но есть проблема!

САША. Какая?

АБРАМ. Нам не хватает на плату за съём и жена хочет продать пианино! Знаешь, для меня это трагедия!

САША. Вся человеческая жизнь состоит из комедий и трагедий! Вот и сейчас я стою перед альтернативой: уехать снова в Россию, как Миша Козаков, или остаться и смириться с нашим рабским положением.

АБРАМ. Воистинно так! Третьего не дано!

САША. Дано!

АБРАМ. Что?

САША. Забастовка! В воскресенье не выхожу на работу и баста! Хочешь, присоединяйся!

АБРАМ. Это заманчиво... Но я только приступил к работе... Как посмотрит на это жена? Она ведь у меня командир в доме!

САША. Мы живем в демократическом государстве. Решай сам! Вот что, милостивый государь. Приходи ко мне вечером в гости. Приходи с женой и с сыном. Тогда обсудим все наши проблемы и что-нибудь придумаем. Заодно зажжем вместе первую ханукальную свечу.

АБРАМ (ударяя рукой по колену). Я и забыл, что сегодня начинается Ханука!

САША. Не волнуйся, без нас она не начнется. Познакомлю заодно с женой и дочкой. Они у меня оригинальные: замыслили пройти гиюр и стать еврейками!

АБРАМ. А что, разумное решение. Еврейского народа на два человека больше станет. Что же, благодарю за приглашение. Обязательно придем. А где ты живешь?

САША. Недалеко отсюда, - в гостинице «Президент» для олим хадашим, на улице Ахад Ааам, комната 310, третий этаж.

АБРАМ. Знаю. Проходил мимо сто раз. Сам-то я живу неподалеку, снимаю квартиру на улице Жаботинского.

САША. Жду вас к семи вечера. Посидим, выпьем, может, и подругимся семьями!

АБРАМ. Только имей в виду: моя жена сильно настроена против Израиля!

САША. Как и я! Значит, найдем общий язык. А теперь за работу! Ты – по своей дорожке, я – по своей. Бай, до вечера! С праздником! (Берется за ручку тележки и уходит вправо).

АБРАМ. С праздником! Бай, до встречи вечером! (Берется за ручку тележки и уходит влево).

Конец первой сцены

СЦЕНА ВТОРАЯ

В качестве музыкальной заставки в исполнении Владимира Фридмана звучит песня «Идут в ульпан пенсионеры» (слова М. Потах). Вечер того же дня. Комната в олимповской гостинице, совмещающая функции салона и спальни. Скромная обстановка: в центре стол, обставленный стульями из пластмассы, по углам две кровати, вдоль стен – неразобранные с дороги чемоданы и сумки. В центре полунакрытого стола стоит большая ханукия, рядом с которой – коробка с ханукальными свечами. Саша, стоя, просматривает газету, Вера суетится возле стола. Песня затихает.

САША (смотрит на часы). Время уже без пяти семь, вот-вот будут гости, а у нас еще не все готово. И все из-за твоего хора, Вера! Можно было сегодня и не ходить на репетицию.

ВЕРА. Извини меня, а репетицию хора я пропускать не буду. У нашей руководительницы Ханы каждый человек на учете. Да и должна у меня быть какая-нибудь отдушина после ульпана и нйкаона (учебы и уборки)!

САША. Как у тебя еще хватает на все силы и время?

ВЕРА. Хватает! Зато так жить интересней!

САША. И что поете сейчас?

ВЕРА. Начали разучивать ханукальные песни на иврите. Сегодня выучили две. Песни чудесные, легко запоминаются. Послушай! Вот песня про ханукию. (Берет в руки ханукию, гладит ее и поет песню «Ханукия ли еш». Затем ставит ханукию на стол и берет в руки коробку с ханукальными свечами). А это песня про свечи! (Напевает песню «Неротай»).

САША. Ну, распелась, дорогая! Тебе еще в оперном театре арии распевать!

ВЕРА. И буду распевать, если захочу! (Поет). «Сердце красавицы полно измены».

САША. Это еще какой красавицы?

ВЕРА. Не волнуйся. Эта красавица не имеет ко мне никакого отношения. Можешь спать спокойно!

САША. И за это спасибо! Вот ты, дорогая, распелась, а стол еще не готов.

ВЕРА. Как не готов? Посмотри – на столе все есть: салат, бутерброды, закуски, скоро картофельные оладьи поджарятся. (Засуетившись). Надо проверить, чтобы не сгорели. Как плохо, что кухня

с плитой в коридоре! Каждый раз приходится бегать! (Выбегает в коридор с лопаткой в руке и быстро возвращается). Вовремя прибежала. Начали гореть. Оладьи перевернула, уменьшила огонь, еще пять минут и можно приносить в комнату.

САША. Вера, за оперативность хвалю! Только оладьев надо жарить побольше! К нам сегодня придут гости!

ВЕРА. Кто же это?

САША. Абрам, мой новый собрат по несчастью. Как и я, подметает улицы. Пригласил его с женой и сыном. Между прочим, неженатым.

ВЕРА. Присяду на минутку, передохну. (Садится на стул). Мне только одно непонятно: только сегодня познакомился с Абрамом и сразу звать в гости, да еще со всей семьей. Не слишком ли быстро?

САША. Не волнуйся, жена. Не слишком. Он производит приятное впечатление вполне интеллигентного, умного и порядочного человека. Все-таки, коллега по искусству: я – артист, он – музыкант, к тому же профессор музыки. Отличный пианист! Сейчас разучивает первый концерт Чайковского!

ВЕРА. Это очень интересно. Однако, пора бежать за оладьями! (Выбегает из комнаты и возвращается с большой сковородкой, наполненной горячими оладьями). Ну вот и оладьи готовы. Хватит и для нас и для гостей! Саша, быстро подставку!

САША. (суется). Где она?

ВЕРА. Да здесь, на чемодане. Скорее. Клади на стол!

САША (радостно). Нашел! (Быстро кладет подставку на стол). Можешь ставить сюда сковородку.

ВЕРА. (ставя сковородку на подставку). Хвалю за находчивость! Теперь все готово для приема гостей. Совсем запыхалась! (Садится на стул). Живем в этой гостинице уже без двух месяцев год, а до сих пор не могу привыкнуть к тому, что кухня с плитой от нас далеко. Это так неудобно!

САША. Какая это гостиница? Название одно! На самом деле – настоящая общага! Гвалт и бардак! Сколько людей, столько проблем! Но меня больше беспокоит другое: вот-вот будут гости, а нашей дочки до сих пор нет! (Смотрит на часы). Уже пошел восьмой час. Вроде, пора ей вернуться из ульпана.

ВЕРА (поднимаясь с места и обходя стол). Никуда наша девочка не денется. Могла и в ульпане задержаться. Сейчас будет. Меня беспокоит другое. Вместе с Абрамом будут его жена и сын. Так?

САША. Так.

ВЕРА. Следовательно, нас вместе с гостями будет шестеро?

САША. Вроде, так. Шестеро.

ВЕРА. А у нас за столом четыре стула. Не хватает двух. Надо срочно раздобыть у соседей. Не на пол же сажать!

САША. Не волнуйся. Эту проблему можно решить моментально. (Выбегает из комнаты и вскоре возвращается с двумя стульями). А вот и два стульчика. У наших соседей Хейфецов занял. Теперь никому не придется сидеть на полу!

ВЕРА. (расставляя стулья вокруг стола). Хвалю за находчивость! Да, чуть не забыла! К нам сегодня должен прийти человек, который объяснит, как правильно зажигать ханукальные свечи.

САША (удивленно). Что за человек?

ВЕРА. Ешиботник по имени Арон.

САША. Ешиботник? Арон? Откуда он взялся?

ВЕРА. Очень просто. Днем, когда я во время перерыва между ульпаном и никайоном была дома, нам позвонили из Раббанута...

САША (еще больше удивляясь). Из Раббанута?

ВЕРА. Да, Раббанута.

САША. И с чего это мы им понадобились?

ВЕРА. Очень просто. Ты знаешь, мы с Асей в Раббануте записались на курс гиюра. А у них принято оказывать шефство над такими, как мы, со стороны религиозных семей.

САША. Шефство? Для чего?

ВЕРА. В плане оказания помощи людям в прохождении гиюра и приобщения к ценностям и традициям иудаизма. С этой целью к ним прикрепляют раввина или ешиботника. На иврите такая семья называется «мишпаха мелава», то есть сопровождающая семья! Так вот, шефство над нами предложили взять учащемуся ешивы.

САША. Мальчику, что ли?

ВЕРА. Почему обязательно мальчику? Есть ешивы для мальчиков и есть ешивы для взрослых. Так вот, этот Арон пришел в Раббанут и сам попросил, чтобы его прикрепили к какой-нибудь русскоязычной семье.

САША. И сколько лет этому ешиботнику?

ВЕРА. Он сам из Крыма, учится в ешиве четыре года и, судя по голосу, ему лет сорок.

САША. Так он уже звонил?

ВЕРА. Да, вскоре после звонка из Раббанута.

САША. И о чем ты с ним договорилась?

ВЕРА. Что Арон придет к нам сегодня вечером, чтобы помочь по всем религиозным правилам зажечь первую ханукальную свечу и рассказать об истории и особенностях праздника Ханука.

САША (продолжая удивляться). Как же он придет, если сегодня вечером мы ждем гостей?

ВЕРА. Но я же не знала, что ты пригласишь к нам Абрама с семьей.

САША. Что же теперь делать?

ВЕРА. Возникла неожиданная проблема! Надо подумать! Отменить приход Арона невозможно... так как у меня нет его телефона.

САША. Ну и влипли мы в историю!

ВЕРА. Попробуем найти выход. Нет безвыходных положений. (После паузы). Кажется, нашла!

САША. Молодец! С тобой, Верочка, не пропадешь! И что ты предлагаешь?

ВЕРА. Очень просто. Когда к нам придет Арон, мы спросим наших гостей, хотят ли они послушать его рассказ о Хануке. Пусть они сами решат, остаться им или уйти. Ведь у нас демократия!

САША. Хвалю за смекалку! Это идеальное решение! (Смотрит на часы). Однако, наша Ася запаздывает. Куда это она запропастилась?

Звонок в дверь.

ВЕРА (подходя к двери). А вот, кажется, и она. Легка на помине!

САША. А, может, это гости?

ВЕРА (открывая дверь, в которую влетает запыхавшаяся Ася). Ася, наконец-то! Мы только что о тебе вспоминали.

АСЯ. (целуя Веру). Привет, мамочка! (Целуя Сашу). Привет, папочка!

САША. Привет, привет, дочка. Легка на помине. Ждем тебя, не дождемся!

ВЕРА. Что-то случилось?

АСЯ. Ничего не случилось. Как всегда, застряла в ульпане. Учила дала новый текст – такой длинный и трудный – про праздник Ханука. Пока читали и разбирали, ушло много времени. Вот и задержались!

САША. Хвалю за усидчивость! В Израиле без иврита, как поется в одной песне, ни туды и ни сюды.

АСЯ. Но и тебе, папа, не мешает выучить иврит! Вот мама старается, кончает медицинский ульпан, а ты даже ульпан «Алеф» бросил! Куда это годится?

САША. Знаю, что никуда не годится. Но если иврит не лезет в голову, что я могу сделать? В этих проклятых биньянах так и не разобрался! Нет, в мои годы учить иврит уже поздно. Мой поезд ушел!

ВЕРА (решительно). А я вот с тобой не согласна! В ульпан также ходят люди, которым за шестьдесят, и то стараются овладеть ивритом! Мне, например, ужасно нравится иврит, хотя я и не еврейка! Ми коль мэламдай искальти, что значит «Я научилась от всех своих учителей»!

САША. А мне ужасно нравится русский, хотя я и не русский! Как у Маяковского? «Я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин»!

АСЯ (смеется). В общем, кому что: кому иврит, кому русский!

ВЕРА. Ася, ты вовремя пришла. Мы как раз с минуты на минуту ждем гостей.

АСЯ. Что за гости?

САША. Мой новый приятель и собрат по несчастью Абрам. Музыкант и философ. Премилый человек. Наградил же нас Бог одной судьбой – из артистов да в трубочисты!

АСЯ. А где ты с ним – на работе познакомился?

САША. А где же еще? Метлу в руки – и полный вперед – к победе коммунизма!

АСЯ. Да, папа, твоей судьбе не позавидуешь!

САША. Это еще мягко сказано! (Возбужденно) Мне, игравшему в театре 25 лет, остаться без сцены? Вы можете понять мое состояние? Сцена для актера – то же, что воздух, хлеб, вода для обычного человека, и даже больше! Моя профессия – это перевоплощаться в образы, характеры других людей, играть чужие судьбы! Это видеть зрителей и слышать их восторженные аплодисменты! Это радовать и поднимать им настроение смехом! А смех, как говорил один из героев моего любимого Райкина, бывает оптимистический и пессимистический, идейный и безыдейный. Смех оказывает благотворное, целебное воздействие на душу человека. Но человек теряет способность смеяться, если он равнодушен ко всему!

ВЕРА. Согласна! Но в чем-чем, а нас в равнодушии упрекнуть трудно, и потому мы не потеряли способность смеяться! Мы с

Асей, дорогой, очень переживаем за тебя и надеемся, что твоя судьба здесь рано или поздно изменится к лучшему!

САША. Ясно одно: мне, как артисту, в Израиле ничего не светит...

ВЕРА (решительно). А вот с этим я никогда не соглашусь! Не только ты, но и я сейчас тружусь на никайоне! Думаешь, мне легко? Но я не собираюсь так трудиться всю жизнь и твердо намерена вернуться к своей профессии врача! Так и для тебя труд дворника – временная работа! Ты, Саша, как был, так и останешься артистом!

АСЯ (хлопая в ладоши). Bravo, мама! В этом нет никакого сомнения!

САША. Вашими устами да мед пить. Что-то не верится!

ВЕРА. А я верю!

АСЯ. Недаром, мама, твое имя – Вера!

САША. Что же, верить и мечтать никогда не вредно!

ВЕРА. В крайнем случае, ты можешь поменять профессию и подыскать себе другую специальность. Так многие делают в Израиле!

САША. Чтобы я изменил своей профессии актера? Да никогда в жизни! Я родился актером и умру актером! И даже ради этого, как Миша Козаков, готов вернуться в Россию, в свой родной ростовский театр! Меня, между прочим, там до сих пор ждут!

ВЕРА. Никуда ты не поедешь!

АСЯ. Папа, мы тебя никуда не отпустим!

САША. А что, я у вас на привязи? Возьму и уеду!

ВЕРА. А как же мы?

САША. Как хотите!

ВЕРА. Ты хочешь сказать, что готов развестись со мной?

САША. Именно так! Ради любви к театру я готов на развод!

ВЕРА. А как же с любовью ко мне?

САША. Одно другому не мешает. Но театр для меня – на первом месте, а ты – извини – на втором!

ВЕРА. А если я не соглашусь на развод?

САША. Тогда решит суд!

АСЯ. Суд встанет на сторону мамы!

САША. А пока суд да дело, я на работе с завтрашнего дня объявляю забастовку.

ВЕРА. Какую забастовку?

САША. Бессрочную! В знак протеста против рабского положения олим хадашим!

ВЕРА. Это понятно, но ты теряешь зарплату, а деньги нам очень нужны!

САША. Не в деньгах счастье!

АСЯ. Это как сказать!

ВЕРА. Ладно, оставим на время спор, - надо принимать гостей! (Асе). Мы ещё ждем Арона - ешиботника.

АСЯ. Для чего?

ВЕРА. Он будет нашим шефом в процессе прохождения гиюра. Заодно нам покажет, как зажигать ханукальные свечи по всем правилам иудаизма.

САША. Будет любопытно взглянуть на этого типа! Кстати, мой новый приятель Абрам придёт не один, а с женой и сыном, между прочим, неженатым.

АСЯ. Это как раз меня меньше всего интересует. Я уже дружу с одним человечком, который учится со мной в ульпане. Между прочим, сделал мне сегодня предложение.

САША. Что? Предложение? И как ты ответила?

АСЯ. Сказала, что подумаю.

ВЕРА. Это что-то новое, Ася. Неужели ты серьезно помышляешь выйти замуж?

САША. Замуж? Ты что, с ума сошла?

АСЯ. Так сразу и сошла! Не беспокойся, папа. У меня с головой как раз все в порядке! Не забывай, сколько мне лет! Не оставайся же мне всю жизнь старой девой!

ВЕРА. Мы тоже не хотим этого, дочка. Но для начала не мешало бы познакомиться с твоим женихом.

САША. Знаем мы нынешних женихов! Одни мошенники, прохиндеи и аферисты! У меня к ним никакого доверия нет!

АСЯ. Ну, что ты говоришь, папа! Мой друг не такой! И я вас обязательно с ним познакомлю, когда для этого настанет удобный момент.

ВЕРА. Что значит – удобный момент? И когда он настанет?

АСЯ. Очень скоро, мама.

САША. А до этого мы должны пребывать в полной неизвестности? Не нравится мне это, Ася. Речь идет о чисто нравственном аспекте!

АСЯ. Вот об этом, папа, не беспокойся. Я как-нибудь позабочусь о своей нравственности сама.

ВЕРА. И все же, дочка, папа где-то прав. Пока мы не увидим твоего избранника, мы будем думать черт знает что.

САША. Он что, сам не желает с нами познакомиться или ты не хочешь показать его нам?

АСЯ (смеется). Он слон, что ли, которого людям показывают в зоопарке? Придет время, и он представится вам сам.

Звонок в дверь.

ВЕРА. Вот и гости. Наконец-то!

АСЯ. Мама, я открою! (Бежит к двери и открывает ее).

В комнату входят Абрам с бутылкой вина в пакете, Марина и их сын Игорь. При появлении Игоря лицо Аси выражает удивление, но она тут же пристлоняет к своим губам палец, давая ему знак, что они будто не знакомы. В ответ тот, поняв, быстро кивает головой.

САША. Добро пожаловать, гости дорогие (протягивает руку Абраму). Жаждались мы вас.

АБРАМ. Извиняемся за невольное опоздание. Стечение обстоятельств! (пожимая руку Саше). Добрый вечер. С праздником Ханука! (Протягивает пакет с бутылкой вина). Это солнцедар, который поможет отметить наше знакомство.

САША (принимая пакет). Спасибо, Абрам. Он будет очень кстати к нашему столу (ставит вино на стол). А теперь позвольте представить вам свое святое семейство: жена Вера, дочь Ася.

ВЕРА. Брухим абаим, как говорят на иврите. Хаг sameах! Милости просим!

МАРИНА. Марина. Добрый вечер. Будем знакомы!

АСЯ. Хаг sameах! Благословенны входящие. Рада познакомиться с вами (снова быстро показывает пальцем Игорю знак молчания).

ИГОРЬ (понимающе кивая головой и протягивая руку Асе). Хаг sameах! Добрый вечер! А мое имя – Игорь. На израильский манер Игаль.

АСЯ (улыбаясь и пожимая руку Игорю). Очень приятно. Ася. А ты случайно не тот самый князь Игорь, который поет в опере Бородина «О дайте, дайте мне свободу! Я свой позор сумею искупить!» ?

ИГОРЬ (смеясь). Тот самый, только родившийся спустя тысячу лет.

Всеобщий смех.

ВЕРА. Так что же, гости пришли и теперь самая пора пригласить всех за стол.

САША. Прошу занять места согласно купленным билетам.

АБРАМ (смеясь). А если билетов нет?

САША (смеясь). Тогда на правах дорогих гостей.

Все, шумно двигая стульями, садятся за стол, при этом Игорь и Ася оказываются рядом.

ВЕРА. Кстати, сегодня мы отметим не только нашу встречу, но и первый день праздника Ханука. Будем зажигать первую свечу, но не сейчас, а чуть попозже.

АБРАМ. Может, прямо сейчас и зажжем? Чего ждать?

ВЕРА. Мы ждем одного человека, который покажет, как зажигать ханукальные свечи по всем правилам.

МАРИНА. И кто же этот человек?

САША. Какой-то ешиботник.

ВЕРА. Не какой-то, а вполне уважаемый человек, по имени Арон, который скоро должен стать раввином.

МАРИНА. Еще не хватало нам сюда раввина!

САША. Он будет раввином, а пока еще учится в ешиве.

МАРИНА. Тем более, зачем нам еще ешиботник?

ИГОРЬ. Мама, а все-таки любопытно, что он нам скажет?

АБРАМ. Я тоже не имею ничего против. Послушаем, Марина, интересного человека?

МАРИНА. Ладно, уговорили. Только я не поддамся религиозной пропаганде! Была и останусь атеисткой!

ВЕРА. Договорились. Прекрасно. В Израиле полная демократия. А сейчас, дорогие гости, предлагаю закусить, чем Бог послал. На столе бутерброды, рыба, салаты, колбаса и по случаю праздника оладьи и пончики. Как положено, ничего молочного! Стопроцентный кашрут!

АБРАМ. Я думаю, теперь самое время открыть и выпить вино!

САША. Профессор прав. Какая песня без баяна? Какая встреча без вина?

МАРИНА. Что? Абрам, с каких пор ты профессор?

АБРАМ (смущаясь). Знаешь, дорогая... Как это сказать? Чуть-чуть прифантазировал при знакомстве с Сашей. Так сказать, для увеличения собственного веса.

ИГОРЬ. У папы это иногда бывает.

МАРИНА. Но и в фантазиях, милый мой, надо знать меру!

АБРАМ. Не сердись, дорогая. Так получилось. Совершенно случайно!

САША. Но Абрам преподавал в Симферопольском музыкальном училище и был солистом Крымской филармонии!

МАРИНА (хватаясь руками за голову). Что я слышу? Абрам никогда не преподавал в музыкальном училище, а работал в обычной музыкальной школе!

САША. Вот как!

МАРИНА. И Абрам никогда не был солистом Крымской филармонии!

САША. Абрам, неужели это так?

АБРАМ (тяжело вздыхая). Получается, так. Ну и что из того, что я не профессор и преподавал в обычной музыкальной школе? Ведь не звание украшает человека, а труд – честный и благородный!

САША. Это верно! Однако мы забыли про вино. Вера, где у нас штопор? В том бардаке, который у нас, я до сих пор не знаю, что, где лежит!

ВЕРА (поднимаясь с места и ища штопор). Пока мы живем в этой олимпийской гостинице, у нас постоянно будет бардак!

АСЯ. Мама, израильтяне в этих случаях предпочитают слово «балаган».

ВЕРА. Пусть будет балаган. Не все ли равно! А вот и штопор! Знала, что он где-то на чемоданах. Кто откроет вино?

АБРАМ. Я принес вино, мне и открывать (берет у Веры штопор и открывает бутылку). Между прочим, вино наше, израильское – «Царь Давид». Лучше него ничего не знаю! (Разливает по бокалам вино). Кто скажет первый тост?

САША (поднимается с места с наполненным бокалом в правой руке). На правах хозяина разрешите сказать первый тост мне!

ГОЛОСА. Конечно! Разрешаем! Готовы слушать! Уже пора!

САША. Спасибо за доверие. Ну что я хочу сказать вам, дамы и господа? Все мы какими-то непостижимыми судьбами оказались в Израиле. Сменив страну, мы надеялись, что здесь будет лучше, чем в стране исхода. Увы, не всегда наши надежды сбываются. Зато здесь, на Земле Обетованной мы обретаем новых друзей. Я предлагаю свой тост за наше знакомство, за нашу встречу, за то, чтобы она переросла в длительную и прочную дружбу! Тяготы абсорбции в новой стране легче переносить сообща, вместе, а не поодиночке. Итак, за нашу встречу, друзья! (Выпивает залпом бокал и садится на свое место).

ГОЛОСА: Отличный тост! За нашу встречу! За знакомство! Поддерживаем! За встречу на Земле Обетованной! (Все дружно чокаются и пьют).

МАРИНА. Саша, мне Абрам говорил, будто вы – артист. Это правда?

САША. Сушая правда! Только с маленькой поправкой: был артистом. В прошлом. А здесь, в Израиле я никто! Как и ваш муж, нашел себе более достойное занятие – поддерживать чистоту в городе. А что – тоже нужное, полезное обществу дело.

ВЕРА (решительно). Но это временное занятие, Саша. Я верю, что ты будешь снова играть на сцене!

АСЯ. Вне всякого сомнения!

САША. А я верю в то, что написал мой любимый поэт Губерман:

Приемлю, не тоскую и не плачась,
Древнейшее из наших испытаний –
Усушку и утруску наших качеств
От наших переездов и скитаний.

АБРАМ. Как метко написал Губерман! Это и ко мне относится!

МАРИНА. Ты, милый, тоже дошел до усушки и утруски? Что-то не верится!

ИГОРЬ. Нет, папа, усушка и утруска тебе не грозят.

Всеобщий смех.

ИГОРЬ. Любопытно, Саша, а какие роли вы играли в театре?

САША. Самые разные – смешные и не очень смешные. Но больше смешные. Я же актер комического жанра. (Ко всем). Хотите, я вам изображу Счастливецца из «Леса» Островского? Это была моя коронная роль в Ростовском театре, где я играл почти двадцать пять лет!

АБРАМ. Конечно, хотим!

ИГОРЬ. Очень хотим!

МАРИНА. Почему бы и нет? Театр мы любим!

ВЕРА. Вы увидите – Саша блистательный актер!

АСЯ. Еще кто-то в этом сомневается?

САША. Тогда где аплодисменты?

Все дружно аплодируют.

САША. Совсем другое дело! (Встает из-за стола и выходит на середину комнаты). Итак, перенесемся на время на опушку русского леса. По дороге в усадьбу богатой помещицы Гурмыжской встречаются два давних приятеля – актеры Счастливец и Несчастливец. Аркашка рассказывает Геннадию Демьянычу, как его однажды чуть не убили на сцене. «Кто? Как?» - спрашивает Несчастливец. «Бечевкин, - отвечает Счастливец, - он Ляпунова играл, а я Фидлера-с. Еще на репетиции он все примеривался. «Я, говорит, Аркаша, вот как в окно выкину, этой рукой выкину: этой рукой за ворот подниму, а этой поддержу, так и высажу. Так, говорит, Каратыгин делал». Уж я его молил, молил, и на коленях стоял. «Дяденька, говорю, не убейте меня!». «Не бойся, говорит, Аркаша, не бойся!». Пришел спектакль, подходит наша сцена; публика его принимает; гляжу: губы у него трясутся, глаза налились кровью. «Постелите, говорит, этому дураку под окном что-нибудь, чтобы в самом деле его не убил». Ну, вижу, конец мой приходит. Как я про-бормотал сцену – уж не помню; подходит он ко мне, лица человеческого нет, зверь зверем; взял меня левою рукой за ворот, поднял на воздух; а правой как размахнется, да кулаком меня по затылку как хватит... Света я не взвидел, Геннадий Демьяныч, сажени три от окна-то летел, в женскую уборную дверь прошиб. Хорошо трагикам-то! Его тридцать раз за эту сцену вызвали; публика чуть театр не разломала, а я на всю жизнь калекой мог быть, немножко Бог миловал...» (Кланяется и садится за стол на свое место).

Бурные аплодисменты.

ГОЛОСА. Bravo! Bravo! Замечательно! Какой талант! Настоящий комик!

АБРАМ. Саша, ты должен в театре играть, а не улицы подметать!

МАРИНА. Я в восторге!

ИГОРЬ. Какой талант зря пропадает!

ВЕРА. Мой Саша еще не то может!

АСЯ. Папа, ты – гений!

САША. Вороньина с похвал вскружилась голова...

АБРАМ (встает с бокалом в руке). Я хочу сказать тост. Заполните, пожалуйста, бокалы. (Саше). У тебя, мой друг, в этом году юбилей твоей творческой деятельности. Двадцать пять лет работы

в театре – это не шутка! Ты всех нас поразил своей игрой! Была бы моя воля, я бы тебе прямо сейчас присвоил звание народного артиста Израиля!

МАРИНА. Мы все поддерживаем это предложение!

ВЕРА. Саша давно достоин звания народного!

АСЯ. В этом нет и тени сомнения!

ИГОРЬ. Я только за!

САША. Спасибо за поддержку, за доверие, но в Израиле, в отличие от России, нет почетных званий.

АБРАМ. (продолжая стоять с бокалом в руке). Если нет, то надо ввести! Друг, пью за твой артистический талант, чтоб ты нашел свое место на сценах Израиля! (Чокается с Сашей, выпивает бокал и садится за стол).

ГОЛОСА. Прекрасный тост! Пьем за него! Чтоб ты всегда радовал нас своим артистическим талантом! (Все шумно чокаются и пьют).

САША. Спасибо, друзья, на добром слове. Но, думаю, мне пора расстаться с ролью Счастливецва и переходить на роль Несчастливецва. Теперь эта роль больше подходит мне!

АБРАМ. Надо попробовать. А вдруг в тебе скрывается не только комический, но и, так сказать, трагический талант?

Всеобщий смех.

САША. Но больше всего я мечтаю сыграть пьесу Горина «Счастливецв-Несчастливецв»! Хочу пожелать и тебе, Абрам, чтобы ты сменил метлу дворника на звуки музыки.

АБРАМ. Дай Бог, дорогой! И все же, несмотря ни на что, я не откажусь от мечты всей моей жизни.

ВЕРА. Какой мечты?

АБРАМ. Если говорить о цвете, то голубой, а если серьезно, то я мечтаю выучить и сыграть на сцене Первый концерт Чайковского!

САША. Да, ты говорил мне об этом! Сыграть первый концерт Чайковского, это не фунт изюма!

МАРИНА. Да он его всю жизнь учит и все выучить не может! Ради него даже перевезли сюда морем в контейнере пианино из Симферополя! Всю жизнь мучает меня звуками Чайковского, но скоро этому придет конец! Я решила продать пианино! Нужны деньги на оплату съемной квартиры!

АБРАМ. Дорогая, не торопись с продажей пианино. Я этого не перенесу!

ИГОРЬ. Мама, надо сохранить для папы пианино. У него такая благородная цель! Пусть он к ней идет, хотя и всю жизнь!

МАРИНА. Сынок, есть в жизни иногда более важные вещи, чем первый концерт Чайковского!

АСЯ. А я поддерживаю мнение Игоря! Нельзя лишать человека благородной цели.

ВЕРА. Саша, надо подумать, как можно помочь Абраму!

САША. Обязательно подумаем!

АБРАМ. Попробуйте представить себя сейчас на моем концерте!

Все замолкают и в наступившей тишине возникают торжественные звуки начала первого фортепианного концерта Чайковского. Абрам изображает руками на столе исполнение аккордов. Звуки затихают.

ВЕРА (в наступившей тишине). Я хотела бы сказать сейчас тост. Можно?

САША. Что за вопрос, Вера, конечно можно! Но прежде следует заполнить фужеры! (Берет бутылку и разливает по бокалам вино.) Теперь можно произносить тост!

ВЕРА (вставая с места с бокалом в руке). Я готова. У каждого из нас есть какая-то мечта и цель в жизни! Я по профессии врач, и пусть я вынуждена сейчас заниматься никайоном, но я, как работала в Ростове врачом-терапевтом, так и здесь буду трудиться по своей специальности! Ради этого я учусь в медицинском ульпане, а затем буду проходить курс стажировки для врачей-репатриантов. Кроме того, мы с Асей собираемся пройти в Израиле гиюр и стать еврейками! Так вот, мой тост за то, чтобы наши мечты сбывались!

МАРИНА. А если наши желания не соответствуют нашим возможностям?

ВЕРА. Тогда выпьем за то, чтобы наши желания совпадали с нашими возможностями! Лехаим! (Чокается со всеми, допивает бокал и садится за стол.)

САША (выпивает бокал). Все это прекрасно, но не для меня! Что-то мне не верится, что я найду себя в Израиле как актер!

ВЕРА. Саша, ни в коем случае нельзя терять в себя веру!

САША (обнимая и целуя жену). Как же я могу потерять тебя – мою единственную Веру! Но любовь к театру у меня на первом месте!

Всеобщий смех.

АСЯ. А сейчас я предлагаю для разнообразия послушать одну из песен в исполнении Владимира Фридмана (встает из-за стола и подходит к тумбочке, на которой стоит маленький магнитофон). Мама, а где диск Фридмана?

ВЕРА. Внутри, дочка. Мы сегодня с папой кое-что уже слушали.

ИГОРЬ. А какую песню ты хочешь поставить?

АСЯ. Про Израиль. Мне особенно нравится «Цифра на глобусе». (Читает). Слова и музыка Михаила Фельдмана. Цифра тринадцать (включает диск).

Звучит песня М. Фельдмана «Цифра на глобусе».

Эта страна обозначена цифрой на глобусе,
В этой стране чудесам не дивятся давно.
В эту страну приезжают и варятся в соусе,
Привкус которого всем оценить не дано.

В этой стране ни весны не бывает, ни осени,
В этой стране что ни мир, то сплошная война.
Силы небесные нас еще, видно, не бросили,
Значит, колодец еще не исчерпан до дна!

В этой стране до вершины холма доползу ли я,
Или на склоне крутом закроет воронье,
Я бы, наверно, влюбился в нее до безумия,
Если бы не обезумел уже от нее!

АСЯ. (выключая диск). Классная песня! Мы живем в странной стране!

САША. В этой стране привкус соуса я оценил сполна!

ВЕРА. А мне эта страна, хотя я и не еврейка, решительно нравится! И мы приехали в Израиль, чтобы обосноваться тут навсегда! И до вершины холма я обязательно доползу!

ИГОРЬ. А я пока привкус соуса здесь не очень почувствовал.

МАРИНА. Считай, Игорек, что тебе повезло!

АБРАМ. А мне в этой песне больше всего понравилась строчка «А в этой стране чудесам не дивятся давно». Я их столько успел повидать! Так сказать, страна чудес!

АСЯ. И какие чудеса вам удалось здесь увидеть?

АБРАМ. Да вот, например, во время недавней экскурсии по ста-

рому городу в Иерусалиме. К сожалению, дорогая, ты не пошла на нее.

МАРИНА. Не пошла, потому что была нездорова!

АБРАМ. (Встает из-за стола и рассказывает, находясь постоянно в движении). Так вот, стоим мы на площади перед Стеною плача, экскурсовод нам рассказывает о царе Ироде, как он перестраивал Второй храм, и вдруг недалеко от группы я вижу одиноко стоящего человека, чем-то удивительно похожего на царя Ирода. Он был в золотой царской короне и в одежде, в которой ходили иудейские цари того времени. Я решил подойти к нему, поздоровался и протянул руку с вопросом «Имею честь говорить с царем Иродом?». И тут его глаза засверкали страшным огнем, он яростно погрозил мне рукой, сжатой в кулак, отошел от меня и вскоре скрылся в толпе. Я вернулся к своей группе, мы подошли к Стене плача помолиться, но я постоянно чувствовал на себе чей-то обжигающий взгляд. Несомненно, где-то рядом находился царь Ирод, так сказать, шедший за мной по пятам.

Всеобщий смех.

САША (смеясь). Вот это действительно чудо! Мне пока царь Ирод еще не встречался!

ВЕРА (смеясь). Скажите спасибо, что после такой встречи, Абрам, вы остались живы!

АСЯ (смеясь). Неужели с вами такое было? Встретиться с самим царем Иродом?

ИГОРЬ. Мой папа большой фантазер!

МАРИНА (смеясь со всеми). Да, насмешил ты нас, Абрам. Твоей фантазии нет предела!

АБРАМ. Вполне возможно, что это мне, так сказать, померещилось.

ВЕРА (смеясь). Все может быть!

МАРИНА. А если говорить серьезно, то не знаю, чего хорошего, Вера, тышла в Израиле. Как поется в Интернационале, там мы были всем, а здесь стали никем. Представьте, в Симферополе, где мы жили, у нас было все: прекрасная работа, шикарная трехкомнатная квартира в центре города, своя дача, машина, между прочим, «Москвич». Я была директором комбината бытового обслуживания, за выполнение и перевыполнение плана имела премиальные и тринадцатую зарплату. Абрам преподавал фортепьяно в музыкальной школе, имел частные уроки. В общем, жили, как у

Бога за пазухой. Наш Игорек ни в чем отказа не имел, все, что ни просил, покупали.

ИГОРЬ. Спасибо, мама, за счастливое детство! Где оно? Растаяло вдали!

МАРИНА. И, главное, не только в достатке жили, но и имели всеобщее уважение и почет. К нам обращались почтительно по имени и отчеству. Добрый день, Мария Викторовна! Добрый вечер, Абрам Моисеевич!

ВЕРА. Почему же вы поехали в Израиль, если там вам было так хорошо?

МАРИНА (тяжело вздыхая). Никогда бы не поехала, если бы не украинский антисемитизм и проблема со здоровьем. Замучил проклятый диабет! Откуда только взялся в организме сахар? Стала советоваться с разными врачами и все в один голос: поезжайте в Израиль, там сильная медицина, там вам помогут. Тут и мой Абрам стал им подпевать и агитировать ехать в Израиль. Я и сдалась. Продали машину, дачу, мебель, телевизор, сдали квартиру государству. Только пианино по просьбе Абрама взяли с собой и всякое барахло. Решили поселиться в Иерусалиме, сняли квартиру, записались в лучшую больничную кассу Маккаби. И что же?

ВЕРА. Помогли тебе?

МАРИНА (махает рукой). Куда там! Обманулась в своих лучших ожиданиях! Ничего, кроме того же инсулина не придумали! И вообще, в Израиле я разочаровалась полностью! Что это за страна? Сплошной бардак!

ИГОРЬ. Мама, в Израиле говорят «балаган».

МАРИНА. Бардак, балаган – один хрен! Взять тот же Битуах леуми. В его обязанности входит помогать людям больным, инвалидам, неспособным работать. Иду туда узнать насчет оформления инвалидности, а они закрыты. У них, видите ли, забастовка. А до этого бастовали банки – деньги невозможно было взять!

САША. Я заметил: в Израиле любят бастовать.

МАРИНА. А я о чем говорю? Они бастуют, а из-за них должны страдать простые граждане! Наконец, отбастовали, открыли Битуах леуми, пошли с сыном, чтобы он помог мне перевести с иврита на русский. Высиживаю в огромной очереди, и там мне заявляют, что я имею право пройти комиссию по инвалидности только через два года после прибытия в страну! Я говорю этой чиновнице...

ИГОРЬ. На иврите «пкида», мама.

МАРИНА. Пусть будет «пкида», один хрен! Так вот, говорю этой

пкиде, что за эти два года можно несколько раз протянуть ноги, а ей хоть бы что! Такой закон, говорит...

ИГОРЬ. На иврите, мама, «хок».

МАРИНА. Хок, схок – один хрен! И этот закон, говорит, для всех одинаковый. Ей наплевать на страдания бедных олим хадашим! Ну, разве не дураки сидят в Битуах леуми? Разве не в страну идиотов мы с вами попали? Понаехали сюда евреи со всего света, а порядок обеспечить в стране не могут! Мне здесь ничто не нравится! Абсолютно ничто!

ВЕРА. Неужели ничто? И даже продукты?

МАРИНА. К продуктам это, правда, не относится. Я с удовольствием, например, ем израильские йогурты.

ИГОРЬ. И я обожаю израильские йогурты! Такие вкусные я даже в детстве не ел.

Всеобщий смех.

ВЕРА (возмущаясь). Мне только одно непонятно, Марина. Как можно есть израильские йогурты и в то же время ругать Израиль?

МАРИНА (повышая голос). А за что его любить? За то, что мы здесь потеряли свое отчество и к нам обращаются только по имени? Доброе утро, Марина. Добрый вечер, Абрам! Никакого тебе уважения, никакого почтения! О том, какая здесь «сильная» в кавычках медицина, я уже говорила.

ВЕРА. Между прочим, диабет такая тяжелая болезнь, что ее не только в Израиле, но и в других странах победить не могут. Но я, как врач, поинтересуюсь, - может, в последнее время произошел крутой прогресс в этой области. (Вдруг вскакивает с места). Ой, друзья, настолько мы заболтались, что забыли про чай! Не откажитесь, гости дорогие?

АБРАМ. Не откажемся. Чай прекрасный тонизирующий напиток!

МАРИНА. Вот что я любила делать на работе, когда была директором комбината бытового обслуживания, так это пить чай. У меня в кабинете стоял большой самовар, и я выпивала, бывало, двадцать чашек чая в день.

Всеобщий смех.

САША (смеясь). Этот рекорд следовало бы зафиксировать в книге рекордов Гинесса.

ВЕРА (включая электрочайник, стоящий на тумбочке рядом с

магнитофоном). Пока я готовлю стол для чая, Ася включит для вас еще одну из песен в исполнении Владимира Фридмана.

АСЯ (подходит к магнитофону и просматривает содержание диска). Вот. Предлагаю послушать мою любимую. «Не тратьте жизнь впустую» на слова Сумарокова и музыку Шварца. (Включает диск). Мама, давай я тебе помогу.

ВЕРА (убирая стол). Это будет кстати. Быстрее сядем пить чай.

Вера и Ася готовят стол для чая, в то время, как Саша, Абрам, Марина и Игорь прохаживаются по комнате, слушая песню в исполнении В. Фридмана.

ВЕРА (громко). Все готово для чая. Приглашаю вас за стол.

Все, шумя стульями, садятся за стол, придвигают к себе чашки и приступают к чаю.

ВЕРА (разливая из чайника кипяток по чашкам). На столе пакетики с разными сортами чая. Каждый кладет себе в чашку по вкусу. Здесь же сахар и суфганийот – по-русски пончики по случаю Хануки. По желанию можно положить ломтики лимона (садится за стол и пьет чай со всеми).

ГОЛОСА. Спасибо, Вера, за чай... Очень вовремя... Страшно хочется пить!... А пончики превосходные! Так и тают во рту!

МАРИНА (отпивая из чашки горячий чай). Увы, ушли блаженные времена, когда я, будучи директором комбината бытового обслуживания, могла пить чай, сколько душе угодно!

ВЕРА. А разве в Израиле вы не можете пить чай сколько хотите?

МАРИНА. Сколько хотите! Дома, но не на работе! А вы знаете, какая работа у меня в Израиле?

ВЕРА. Наверное, такая же, как у всех нас?

МАРИНА. На никайон я не пошла и никогда не пойду. Решила устроиться по объявлению как бибисистер – выгуливать ребенка в коляске. Эта работа мне подходит, хотя и в израильской семье. Минимальный иврит, каждый день три часа прогулки с коляской на воздухе, смена пеленок, когда надо и гуд-бай!

ВЕРА. Читайте, что вам в Израиле повезло с работой.

МАРИНА. Повезло! Если бы было так! Вначале за работу платили аккуратно: в конце каждой недели наличными из расчета 20 шекелей за час. Но на прошлой неделе я не получила за работу ни шекеля! Куда это годится?

АБРАМ. Это никуда не годится! За работу надо платить!

ВЕРА. Может, в этой семье возникли финансовые проблемы и они вам заплатят немного попозже?

МАРИНА. А мне плевать на их финансовые проблемы! Договор есть договор, и его надо выполнять! Это я, как директор, хорошо знаю! Сегодня я спросила хозяйку на своем ломаном иврите, заплатят ли они мне завтра за две недели работы, а та в ответ улыбается так любезно и говорит: «Улай нешалем, улай нешалем». Что значит «улай»?

ИГОРЬ. Может быть, мама.

МАРИНА (кричит). Как понимать: может быть?!

АБРАМ. Так понимать, что могут заплатить, а могут и не заплатить.

МАРИНА (возмущенно). Вот это меня как раз не устраивает! Они обязаны платить за работу без всяких «может быть!». Это форменное свинство!

ВЕРА. Здесь нужен совланут. Рано или поздно вы получите свои деньги.

АСЯ. Мама права. Без совланута здесь не обойтись.

МАРИНА (кричит). Терпения, что ли? Слышала про этот хваленый израильский совланут тысячу раз! Я не хочу ждать и терпеть! Оставьте этот совланут себе! А я не успокоюсь, пока не получу заработанное мной до последнего шекеля! А потом гуд бай, Израиль! Здесь мне больше нечего делать!

САША (вскакивает из-за стола и начинает нервно ходить по комнате). Марина, правда на твоей стороне! Здесь никакой совланут не поможет! Обнаглели до предела. Надо с них потребовать деньги любой ценой!

АБРАМ. Мы не будем ждать милостей от природы. Взять их у нее – вот наша задача!

САША (возбужденно). Именно так! Совсем совесть потеряли! У меня возникла блестящая идея! Я готов помочь вам, Марина!

МАРИНА. Помочь? Каким образом?

САША. Вы, наверное, все видели фильм «Волшебная сила» с участием моего любимого Аркадия Райкина?

ГОЛОСА. Конечно, видели! Кто же его не видел? Там Райкин бесподобен! Такой фильм забыть невозможно!

САША. Так вот, помните, там герой Райкина изображает из себя хама, чтобы помочь своей бывшей учительнице? Вот что значит волшебная сила искусства! А что, Марина, если я приду и скажу вашей хозяйке пару ласковых слов?

АБРАМ. Воистину: блестящая идея!

МАРИНА. Идея-то замечательная, я не против. Но вы сможете говорить с нею на иврите?

САША. Если надо, смогу! Здесь особенно большой запас ивритских слов не требуется. Возьму с собой русско-ивритский словарь грубияна и использую из него ряд крепких выражений!

ВЕРА. Думаю, что надо попробовать этот вариант. Но только без излишней грубости!

АСЯ. В этом нет сомнения! В качестве кого, папа, ты хочешь явиться к той хозяйке?

САША. В роли полицейского было бы лучше всего. Они полицию, как огня боятся. Но для этого нужен соответствующий костюм, то есть форма полицейского, а ее у меня нет.

ИГОРЬ. Неужели вы смогли бы сыграть роль израильского полицейского?

САША. А почему бы и нет? В моем представлении это комический персонаж. Но без формы не будет нужного впечатления!

АБРАМ. Есть, так сказать свежая идея. А если, Саша, ты придешь к хозяйке в роли представителя Гистадрута? В качестве, так сказать, реакции на жалобу трудящихся?

МАРИНА. Одобряю, Абрам. Хорошая идея. Профсоюз отвечает за благополучие граждан Израиля!

САША. Принимаю эту идею. Постараюсь сыграть роль представителя Гистадрута на самом высоком уровне. (Копается в стопке книг рядом с чемоданом и достает Словарик грубияна). А вот и Словарик грубияна! (Перелистывает его). Не понимают похорошему, будет по-плохому! (Читает, входя в роль). Аль тевальбель ли эт амоах! Эйфо хунахта? Ба рэфет? Мэзумтемет ахат!

АСЯ (смеясь). Перевожу. Не пудри мне мозги! Тебя где воспитывали? В конюшне? Дура стоеросовая!

Всеобщий смех.

АБРАМ (смеясь). Весьма хлестко!

ИГОРЬ (смеясь). Это должно подействовать!

МАРИНА. Надеюсь, что поможет!

АСЯ. Не сомневаюсь! Папа, я тебе еще подготовлю шпаргалку на иврите с русскими буквами!

ВЕРА. Только, Саша, не путай мужской и женский род. Женщине надо сказать: эйфо хунахт? Аль тевальбэли.

САША. (закрывая Словарик грубияна и кладя его на стопку

книг). Запомним! (Марине). Теперь скажите, куда и во сколько мне прийти?

МАРИНА. Завтра, в 12 часов, когда я обычно возвращаюсь с прогулки с ребенком. Адрес хозяйки: улица Ахат Аам, дом 20, квартира три, 2 подъезд, 1-й этаж.

САША. Отлично, запомним! Это близко от нашей гостиницы. Завтра ровно в двенадцать заявлюсь к вашей хозяйке!

ВЕРА. Только прошу тебя, Саша, воздержись от слишком грубых и непристойных выражений. Все-таки с женщиной говорить будешь. А то Бог весть, что о нас – олим хадашим ми Русия могут подумать израильтяне!

МАРИНА. Они и так о нас думают плохо! Читаете наши русскоязычные газеты?

САША. Почитываем иногда.

МАРИНА. Так вот из них можно узнать, как к нам относятся израильтяне. В их глазах мы все пьяницы, воры, проститутки и мафиози!

ВЕРА. Но не все израильтяне о нас так думают!

АБРАМ. Пусть и не все, все равно это оскорбительно!

ИГОРЬ. Верно, папа. Ничего хорошего! Сплошная черная краска!

АСЯ. Нет, не сплошная!

САША (возмущенно). Ясно одно: нас обливают грязью, нас обманывают, не платят за труд деньги, заставляют работать не по специальности, а мы должны терпеть все это? Не можем постоять за себя? Нет, я покажу этой хозяйке, чего мы стоим, покажу, что мы имеем право защищать себя, что у нас есть своя гордость и честь!

Все дружно аплодируют.

МАРИНА (Вере). Интересно, а как вы оказались в Израиле? И откуда?

ВЕРА. Из Ростова! А оказались тут очень просто – как и все.

САША. Не говори, Вера. Не очень просто. Я, например, не стремился в Израиль. Мне и в Ростове было хорошо! А попал я в Израиль благодаря своей женушке и дочке! Хотя я еврей, именно они настояли ехать сюда!

АСЯ (смеясь). На эту тему имеется анекдот. Хамович пришел в ОВИР и жалуется, что жена требует отъезда в Израиль, теща требует отъезда, тесть требует, а он, Хаймович, не хочет.

- Товарищ Хаймович, пусть они уезжают, а вы оставайтесь!
- Но дело-то в том, что я – единственный в семье еврей!

Всеобщий смех.

ВЕРА (смеясь). Есть еще один анекдот на ту же тему. Решается вопрос о свободном выезде евреев из СССР. Михаил Горбачев просит подготовить соответствующий отдел ЦК КПСС данные о том, сколько проживает евреев в стране и сколько желает уехать. Ответ был следующим: евреев два миллиона, желающих выехать 17 миллионов.

Всеобщий смех.

АБРАМ. А я слышал еще более крутой анекдот на эту тему.

ВЕРА. Какой?

АБРАМ. Жена говорит мужу еврею:

- Плохо ты исполняешь свои супружеские обязанности!
- Почему?
- До сих пор не подал заявление о выезде.

Всеобщий смех.

САША (смеясь). Вот и пришлось подавать.

ВЕРА (смеясь). Молодец! Не подвел жену и дочь. А родители мои не захотели. Так мы с Асей оказались на Земле Обетованной!

МАРИНА. И не жалеете об этом?

ВЕРА (решительно). Нисколько. Мы с Асей записались на курсы гиюра, чтобы приобщиться, как знаменитая Рут, к иудаизму. Девять месяцев учебы и после успешного экзамена – собеседования в раббануте мы станем еврейками!

МАРИНА. Хорошо, что я еврейка, и мне не надо проходить гиюр!

Всеобщий смех.

САША. Вера – наш домашний врач. С ней все болезни отступают!

ВЕРА. Не только домашний! Я в Израиле снова буду работать врачом! У меня будет ришайон, вот увидите!

МАРИНА. Что за ришайон?

ВЕРА. Разрешение на работу врачом в Израиле.

МАРИНА. Вот как...

АСЯ. Нет сомнений, что мама добьется своей цели!

САША. Моя Вера сумеет пробить себе дорогу в Израиле, не то, что я!

ВЕРА. И ты пробьешь, если очень захочешь! Как поется в одной известной песне Дунаевского (Напевает):

Кто весел, тот смеется,
Кто хочет, тот добьется,
Кто ищет, тот всегда найдет!

ИГОРЬ. Это песня из фильма «Дети капитана Гранта», папа?

АБРАМ. Молодец, не забыл.

ИГОРЬ. Одно из моих самых сильных детских впечатлений!

ВЕРА (смотря на часы). Что-то задерживается наш Арон из Ешшвы, обещавший зажечь с нами первую ханукальную свечу.

АСЯ. Пора уже!

САША. А, может, он не придет?

ВЕРА. Как не придет? Он обещал прийти!

АСЯ. Это так важно для нас!

САША. Что касается меня, то я, как был, так и остался далек от религии. Готов выдержать любую атаку религиозных!

АСЯ. Почему атаку, папа? Он придет с добрыми намерениями.

АБРАМ. Знаем мы эти намерения! Благими намерениями устлана дорога в ад.

Всеобщий смех.

ВЕРА. Но это уже слишком, Абрам!

МАРИНА. Не слишком! Там коммунистическая пропаганда кормила нас обещаниями светлого будущего, а здесь религиозная пропаганда кормит обещаниями царства Божьего. Тьфу! (Сплевывает слюну в сторону).

САША. А все-таки будет любопытно взглянуть на этого религиозного деятеля. Что за тип? У меня к нему будет множество вопросов. Пусть только попробует не ответить!

ИГОРЬ. Ответит. Куда ему деться?

Звонок в дверь.

САША. Вот, кажется, и он. Вера, открывай. Явился ваш шеф!
ВЕРА (бежит открывать дверь). Конечно, он! А кто же еще?
В открывающуюся дверь входит Арон, одетый, как подобает хасидским евреям ХАБАДА, в черный костюм, белую рубашку и черную шляпу. В руке у него небольшая черная сумка.

АРОН (останавливается возле двери, ища глазами мезузу). Добрый вечер. Я – Арон. Эрев тов. Хаг sameах Ханука! А где у вас мезуза? Я почему-то не вижу ее.

САША (пожимая руку Арону). Саша. Глава святого семейства и актер комического жанра по совместительству. Хаг sameах! Рад приветствовать служителя культа! Что касается мезузы..., то, как бы вам сказать, до мезузы мы еще не доросли.

АРОН. Это, прямо скажу вам, не дело! Без мезузы дом считается некошерным.

САША. Что значит некошерным?

АРОН. Значит неготовым для проживания в нем евреев. Впрочем, поскольку вам еще предстоит пройти гиюр, отсутствие мезузы простительно.

САША. Мне как раз не надо проходить гиюр.

АРОН. Почему?

САША. Потому что я потомственный еврей аж в десятом поколении.

Всеобщий смех.

САША. Зато готовятся перейти в еврейство моя прекрасная половина Вера, кстати наш домашний врач по совместительству (представляет рукой) и любимая дочь Ася (представляет той же рукой).

АРОН. Хаг sameах! Шалом! Вы избрали верную дорогу, что полностью соответствует вашему имени Вера.

ВЕРА. Спасибо за комплимент, Арон. Постараемся оправдать ваше доверие. Хаг sameах!

АСЯ. Хаг sameах, Арон. Мы немного заждались вас.

АРОН. Приношу свои извинения за некоторую задержку и что заставил поволноваться вас. Задержался в хабадской синагоге на праздничной молитве и торжественной церемонии зажигания первой ханукальной свечи. Сегодня такая же свеча впервые зажжется в вашем доме! Пусть легендарная Рут будет служить для вас вдохновляющим примером в деле приобщения к никогда не стареющим религиозным ценностям еврейского народа! (Ставит сумку рядом с дверью на пол).

ВЕРА. У нас есть гости, которые, если вы не возражаете, хотели бы участвовать в церемонии зажигания первой ханукальной свечки.

АРОН. Конечно! Что за вопрос! Чем больше евреев участвует в зажигании ханукальных свечей, тем лучше!

САША. Тогда представлю вам наших гостей. (Показывает рукой). Это Абрам. Мой собрат по несчастью. Только сегодня утром познакомились.

АРОН (протягивая Абраму руку). Хаг sameах, Абрам. А почему собрат по несчастью?

АБРАМ (пожимая руку Арону). С праздником Ханука! Потому что подметание улиц нельзя назвать счастьем...

Всеобщий смех.

АРОН. Понятно...

АБРАМ (приглядываясь к Арону). Что-то ваше лицо мне кажется очень знакомым.

АРОН. Интересно, где вы могли бы меня видеть?

АБРАМ. Вы случайно не из Симферополя?

АРОН. Да, из Симферополя.

АБРАМ. И вас случайно не звали Аркадий Львович?

АРОН. Точно так. Аркадий Львович. А здесь в Израиле поменял имя и стал снова Ароном, как меня звали в раннем детстве.

АБРАМ. И вы случайно не читали у нас в музыкальной школе лекции по атеизму?

АРОН. (не сразу, смущенно). Да, было такое дело. Читал лекции по линии общества «Знание».

АБРАМ. Не вы ли нам говорили, что без Бога шире дорога и что религия – это опиум для народа?

АРОН (еще более смущаясь). Да, говорил. Но выражение «Религия – это опиум для народа», принадлежит не мне, а Карлу Марксу.

АБРАМ. А теперь вы хотите нас убедить, что Бог все-таки есть? Воистину, все в этом мире течет, все меняется!

АРОН. Да, это так. Ведь мы с вами прибыли из страны воинственного материализма! В то время, будучи членом партии, я придерживался атеистических позиций. Но времена меняются, коммунизм рушится, и наши взгляды эволюционируют! Мы отказываемся от прежних неверных убеждений и приходим к пони-

манию истинного положения вещей! Теперь для меня несомненно, что Бог есть!

АБРАМ. И вы в этом глубоко уверены?

АРОН (осмелев). Да, уверен, потому что кто, если не он является создателем этого мира, в котором мы живем!

МАРИНА. Ну вот, началась религиозная пропаганда!

САША. Извините, Арон, что еще не всех представил наших гостей. Это Марина, жена Абрама.

АРОН. Хаг sameах, Марина. Ваш антирелигиозный пыл мне очень понятен. Поэтому вам было бы очень полезно послушать меня!

МАРИНА (возбужденно). Там вы говорили, что Бога нет, здесь вы говорите, что Бог есть. Там вы обещали светлое будущее, здесь обещаете царство Божие! Да я вам ни на йоту не верю!

АРОН. Успокойтесь, пожалуйста. Мы еще вернемся к этому разговору.

АБРАМ. Прошу простить мою жену. Вполне естественный всплеск эмоций (показывая рукой на Игоря). А это наш отпрыск Игорь. Тоже атеист до мозга костей!

АРОН. Хаг sameах, Игорь. Это действительно так?

ИГОРЬ. Хаг sameах. (С иронией) Да, папа прав. Жизнь в бывшем Союзе сделала свое черное дело и наложила неизгладимый отпечаток на мою ранимую душу. Но я открыт всем ветрам. Если вы сможете убедить меня, что Бог есть, я готов поменять свое мировоззрение.

АРОН. Это уже хорошо!

БЕРА. Арон, приглашаю вас за стол попить с нами чай и отведать приготовленных мной оладий и пончиков к празднику.

АРОН. Спасибо за приглашение, но не сейчас. Прежде всего мы должны выполнить главную заповедь праздника Ханука – зажигание ханукальных свечей!

АСЯ. У нас уже все приготовлено для этого.

АРОН. Да, я вижу на столе ханукию, коробку с ханукальными свечами. Это похвально. А где спички?

БЕРА (засуетившись в поисках спичек). Саша, не знаешь, где у нас спички? В праздничной суете совсем забыли о них!

САША. Ты лучше меня знаешь, где у нас спички!

БЕРА. Обычно на чемодане, но почему-то здесь нет. А, вспомнила! Оставила у газовой плиты в коридоре! Я мигом! (Вылетает из комнаты и через несколько секунд возвращается со спичками).

Вот они! К счастью, никто не взял. Это чудо! (Передает спички Арону).

АРОН. С чудесами вы будете сталкиваться в Израиле постоянно! Наша неожиданная встреча с Абрамом здесь, на земле Обетованной, тоже чудо, причем ханукальное! Впрочем, чудеса сопровождают всю жизнь еврейского народа в течение всей его истории, начиная с египетского рабства. Попрошу вас встать вокруг стола, мужчинам надеть кипы, а женщинам платки.

САША. Пока еще не успели обзавестись этими головными уборами!

АБРАМ. Вы говорите о тубетейке, что ли? Дома есть, а с собой не взял. Не догадался.

АРОН (горячась). Речь идет не о тубетейке, а о кипе! Это не одно и то же!

Всеобщий смех.

АБРАМ. Учту на будущее.

ИГОРЬ. А мне даже в голову не пришла мысль о кипе.

АРОН (горячо). Теперь я вижу, как вы далеки от религии! Но это дело поправимо! Было бы желание!

САША. Желания как раз и нет.

АРОН (доставая из принесенной сумки несколько кип и женских платков). Если нет, то будет! Я предвидел эту ситуацию и потому взял с собою кипы и женские платки. Это мой подарок всем по случаю праздника Ханука! (Протягивает кипы Саше, Абраму, Игорю и платки Вере, Асе и Марине).

САША (надев кипу на голову). Как, Вера, идет мне?

ВЕРА. Еще как! Ты, Саша, рожден для кипы! А я с удовольствием надену платок! (Надевает на голову платок). Большое спасибо, Арон!

Всеобщий смех.

АСЯ (смеясь). Папа, тебе кипа так идет, как будто ты всю жизнь носил ее! (Надев платок на голову). Мама, как я выгляжу в платке?

ВЕРА. Как барышня-крестьянка из повести Пушкина!

АБРАМ (надев на голову кипу). А как на мне кипа? По-моему, ничем не отличается от тубетейки!

МАРИНА. Не смейся народ! В тубетейке ты выглядишь намного лучше!

АРОН. Забудьте навсегда про тубетейку! Отныне, Абрам, вы должны ходить только в кипе!

ИГОРЬ (надев кипу). А как я смотрюсь в кипе? Мне даже в самом страшном сне не могло присниться, что я когда-нибудь надену кипу!

МАРИНА. Кипа, сынок, тебе абсолютно не идет! Лучше бы надел шляпу!

ИГОРЬ. Папа, а ты что думаешь?

АБРАМ. Что я думаю? Не одежда украшает человека, а человек одежду!

АСЯ (Игорю, смеясь). Вот ты и украсил собой кипу!

Всеобщий смех.

АРОН. В этом какая-то доля истины есть. И все-таки кипа – это обязательный атрибут любого уважающего себя еврея! Ибо это символ его богобоязненности.

МАРИНА (Отбросив платок в сторону). А я платок не надену. Зачем это мне нужно? Арон, а вы случайно не ортодокс?

АРОН. Могу вас успокоить: нет. В иудаизме много течений, и я выбрал хасидское течение Любавического ребе.

ВЕРА. А почему это течение?

АРОН. Потому что хасиды служат Богу с радостью и весельем! (Поет песню на иврите «Давид мэлезх Исраэль»).

Все дружно хлопают, кроме Марины.

МАРИНА. А я в служении Богу ничего веселого не вижу!

АБРАМ. Арон, не обращайтесь внимания на слова Марины. Она у нас ярая спорщица!

АРОН. Я тоже любитель поспорить и готов до конца отстаивать свою позицию! Однако пора уже перейти к главному – зажиганию ханукальных свечей! По правилам иудаизма свечи зажигаются главной семьей. (Протягивает спички Саше). Держите!

САША (принимая спички). Никогда не думал, что мне выпадет такое почетное право зажигать ханукальные свечи!

Всеобщий смех.

ВЕРА. Саша, я горжусь тобой!

АСЯ. Папа, я тоже, вне сомнения!

АРОН. Но прежде, чем вы зажжете свечи, я коснусь самой сущности праздника Ханука. (Все более и более воодушевляясь). Как я вам уже говорил, история еврейского народа полна чудесами, и в праздник Ханука мы отмечаем величайшее чудо – чудо с кувшинчиком масла. Вместо одного дня менора в нашем Храме горела целых восемь дней! Празднуя сегодня Хануку, мы вспоминаем наших отважных предков, которые пришли к победе...

АБРАМ. Коммунизма в отдельно взятой стране!

Всеобщий смех.

АРОН. Причем тут коммунизм? Он давно отправлен на свалку истории! Нет, сегодня мы вспоминаем героизм наших отважных предков, которые в едином порыве любви к нашему Богу одержали историческую победу над нашими врагами с их сумасбродным императором и яростным антисемитом Антиохом четвертым Епифаном. А теперь, если у вас нет ко мне вопросов, мы приступим к зажиганию ханукальных свечей.

АБРАМ (поднимает руку). У меня есть вопрос!

АРОН. Знакомая ситуация. Пожалуйста, задавайте!

АБРАМ. Неужели тогда кувшинчика масла хватило не на один, а на все восемь дней?

АРОН. Хватило! И это чудо совершил для евреев Всевышний, да благословен он!

АБРАМ. Скажите, Арон, а в наше время возможно повторение этого чуда?

ВЕРА. Я также хотела спросить об этом.

САША. И я.

АСЯ. И я!

АРОН (задумавшись). Сложный вопрос...

САША. Вопрос на засыпку!

АРОН. Меня засыпать трудно. Отвечу так: в нашей стране все возможно! Это Израиль! (Торжественно) Сегодня, в канун 25 дня месяца Кислев по еврейскому календарю, когда наш полководец Иегуда Маккаби зажег в заново освященном Храме менору, мы зажигаем первую ханукальную свечу! (Достает из коробки две свечи и одну вставляет в ханукию). Первую мы вставляем справа, а другую - потом в центре. (Показывает всем свечу). Это «шамаш»,

который служит для зажигания ханукальных свечей. (Достает из сумки проспект, посвященный Хануке, и кладет его на стол). Это праздничный проспект с ханукальными благословениями!

(Саше) Сначала зажгите шамаш, а затем прочитайте три благословения. После каждого благословения все дружно говорят «Амен»!

САША (зажигает "шамаш", который держит в руке Арон). Какой волнующий момент! (Берет в руки проспект и с артистической иронией читает благословения).

Благословен Ты, Господь, Бог наш, Владыка Вселенной, освятивший нас заповедями своими и повелевший нам зажигать ханукальные свечи!

ВСЕ. Амен!

САША. Благословен Ты, Господь, Бог наш, Владыка Вселенной, совершивший чудеса для предков наших в те дни, в это время года!

ВСЕ. Амен!

САША. Благословен Ты, Господь, Бог наш, Владыка Вселенной, который даровал нам жизнь и поддерживал ее в нас, и дал нам дожить до этого времени!

ВСЕ. Амен!

АРОН (Передавая Саше «шамаш»). Теперь можете зажигать с помощью «шамаша» первую ханукальную свечу.

САША (зажигая свечу в ханукие). Еще один волнующий момент! Да будет свет, исчезнет тьма! (вставляет «шамаш» в ханукию).

Все, кроме Марины, дружно аплодируют.

АРОН (С пафосом). А теперь произносятся такие слова: «Свечи эти мы зажигаем в память о спасении и о знамениях, и о чудесах, которые Ты руками святых священников Твоих совершил для предков наших в те дни, в это время года. И на протяжении всех восьми дней Хануки свечи эти святы, и мы не имеем права пользоваться их светом, но вправе лишь смотреть на них, чтобы возносить благодарность и хвалу великому имени твоему – за знамения Твои и за чудеса твои, и за спасение, которое послал Ты». А затем, друзья, принято петь ханукальный гимн «Маоз цур Йешуаги», что в переводе с иврита означает «Твердыня, оплот спасения моего». (Поет с воодушевлением первый куплет гимна). Так завершается церемония зажигания ханукальных свечей.

АВРАМ. Вот я слушал, как вы пели ханукальный гимн, и пора-

жался произошедшей с вами метаморфозе – раньше вы пели совсем другие гимны.

АРОН. Да, что было, то было. Пел.

САША. Признайтесь: партийный гимн «Интернационал» тоже пели? (Напевает): Это есть наш последний и решительный бой! С Интернационалом воспрянет род людской!

МАРИНА (Арону). Вот вы и воспряли в своей ешиве!

АРОН (смущаясь). Будучи членом партии и лектором общества «Знание», я должен был петь партийный гимн.

САША (возмущаясь). Там вы промывали нам мозги атеистической пропагандой, а здесь обрабатываете наши мозги религиозной пропагандой! Ну и жизнь! Куда бежать бедному человеку от этой пропаганды!

МАРИНА (хлопая в ладоши). Браво, Саша! Мы не поддадимся никакой пропаганде!

ИГОРЬ. Какое счастье, что меня не коснулась эта пропаганда!

ВЕРА. Ну что вы все напали на человека! Рав Арон, не обращайтесь на это внимание.

АСЯ. Мы с мамой на вашей стороне.

АРОН. Спасибо вам за поддержку. Увы, сегодня мы пожинаем горькие плоды ассимиляции советских евреев. Но я еще не рав. Через несколько месяцев у меня в ешиве будет ответственный экзамен, и тогда, надеюсь, с Божьей помощью я стану равом.

ВЕРА. Следовательно, вы без пяти минут рав!

АСЯ. Вне всякого сомнения!

ВЕРА. А теперь, Арон, я предлагаю вам попить с нами чай и поесть оладьев и пончиков. (Вдруг спохватившись). Бог ты мой! У нас не хватает стула!

САША. Как это мы с тобой проморгали?

АСЯ (Вскакивая с места). Что за проблема? Я сбегая за стулом к соседям!

АРОН (смотрит на часы). Не надо! Я должен скоро уходить, чтобы дома в кругу семьи зажечь ханукальные свечи!

ВЕРА. Ну, хоть один оладий отведайте! Я так старалась!

АРОН (Беря вилкой оладий). Один оладий я, конечно, поем. Традиция праздника нам это повелевает! (кладет в рот оладий и съедает его). Очень вкусно! Спасибо хозяйке! А где салфетка?

ВЕРА (подает Арону салфетку). Пожалуйста.

АРОН (вытирая салфеткой губы и руки). Спасибо. Перед тем, как уйти, друзья, я должен вам сказать еще несколько важных слов

(Торжественно). Оладьи и пончики мы едим в праздник Ханука в память о великом чуде с кувшинчиком масла, изготовленного из олив. Так вот, есть одно свойство, которое уподобляет еврейский народ маслинам: чтобы получить из маслин масло, их надо давить. Так и народ Израиля – раскаивается в своих грехах и возвращается на путь истины. И еще говорят мудрецы: оливковое масло не смешивается с водой, оно всегда всплывает наверх, и невозможно его потопить. Так и народ Израиля – как ни стараются подавить и потопить его, он всегда всплывает наверх.

САША (громко). Да здравствует непотопляемый Израиль! Ура, товарищи!

АБРАМ (громко). Ура! Мы никогда не потонем!

Все громко аплодируют, кроме Марины.

МАРИНА. Там была слава КПСС, здесь – да здравствует Израиль! Черт знает что!

АРОН. Не черт знает что! (Горячась). Перед вами человек, который спустя полгода после прибытия в Страну, раскаялся в своих грехах, совершил тшуву и вернулся в лоно иудаизма! И теперь я вижу свою миссию в том, чтобы помочь всем желающим пройти гиюр, а евреям, прибывшим из России, как когда-то точно сказал Михаил Сергеевич Горбачев, помочь определиться! Вновь обратимся к нашей далекой истории. (Значительно). Рабами были мы в Египте!

САША (взрываясь). Были? А разве мы и сейчас не рабы?

ВЕРА. Мы не рабы. Рабы не мы.

АБРАМ. Рабы и есть.

АРОН (растерянно). Я вас не понимаю. Разве в Израиле есть рабы?

САША (горячо). Представьте себе, есть!

АРОН. Почему вы так утверждаете?

САША. Потому что в Израиле мы с Аврамом выполняем рабский труд, вместо того, чтобы заниматься своим делом!

АРОН. И что за труд вы называете рабским, если не секрет?

АБРАМ. Здесь секрета нет. Работу дворника по уборке улиц!

АРОН (улыбаясь). И это вы называете рабским трудом? В Египте евреи занимались более тяжелым трудом – изготовлением кирпичей из глины!

САША. Мы с Аврамом вкалываем здесь дворниками, имея профессию, весьма далекую от уборки улиц!

АРОН. Помню: вы мне представились как артист комического жанра.

САША (горячо). Да, представьте себе, я – артист! Мое дело играть на сцене, а не подметать улицы!

АРОН. Между прочим, труд дворника на Западе высоко ценится и даже считается почетным.

САША (горячо). Пусть тысячу раз на Западе считается почетным, но я хочу в Израиле заниматься своим делом – играть в театре!

АРОН. Да, сложная ситуация. Я в ней также оказался, когда прибыл из Симферополя в Израиль. Пришлось ради заработка позабыть о лекторской работе в обществе «Знание» и заняться физическим трудом на цитрусовых плантациях. Что делать, если страна не может обеспечить всех прибывших работой по специальности! Это Израиль!

МАРИНА (кричит). И вы считаете это нормальным? Я, работавшая директором комбината бытового обслуживания, вынуждена здесь подрабатывать в качестве бекисистер! Это нормально? А если тебе к тому же не платят за работу – это нормально? А если тебе не могут вылечить диабет – это нормально? Как можно жить в такой стране?

АРОН. То, что вам не платят за работу, это ненормально. Здесь надо навести порядок!

САША. Вот мы и договорились с Мариной, что завтра наведем этот порядок! Разыграем сцену под кодовым названием «Волшебная сила искусства»! А с рабством тоже надо кончать!

АРОН. А вы знаете, почему евреи в Египте были обращены в рабство?

АБРАМ. Почему?

АРОН. Потому что в Египте они нарушили заповедь Творца делать обрезание. (Саше). Вот вы, например, обрезаны?

САША. Нет.

АРОН (Абраму). А вы?

АБРАМ. Нет, а что, это так важно?

АРОН. Еще как важно! (Игорю). И вы не обрезаны?

ИГОРЬ. Конечно, нет. Зачем это мне нужно?

АРОН (горячо). Что значит «зачем»? Господь повелел делать нам обрезание, на иврите «бримила», в знак вечного союза между ним и еврейским народом!

САША. Да стары мы уже для этого!

АРОН (еще более горячась). Что значит «стары»? Для обрезания

не существует понятия возраста! Наш патриарх Авраам совершил обрезание, когда ему было уже 99 лет! Но он пошел на это, чтобы выполнить приказ Господа. На этот счет у хасидов есть притча. «Когда рабби Шолом-Довберу, пятому лидеру хасидов ХАБАД, было четыре или пять лет, он вошел в кабинет своего деда, Ребе Цемах Цедека, и, плача, спросил:

- Почему Всевышний открылся Аврааму-авину, а нам не открывается?!

Ответил Ребе:

- Когда старый еврей, праведник, на девяносто девятом году жизни решил, что он сам должен сделать себе обрезание, - он достоин, чтобы Творец открылся перед ним!...». Так и вы должны последовать его примеру и срочно сделать обрезание! Иначе вы не можете считаться полноценными евреями!

САША. Быть неполноценным евреем не очень хорошо. Предположим, мы согласимся сделать обрезание. Какие действия мы должны предпринять для этого?

АБРАМ. Обрезание в Израиле делается автоматически?

АРОН. Здесь автоматический принцип исключается полностью! Прежде всего вы должны предстать перед раввинатским судом в Раббануте и доказать, что вы еврей!

САША. Вот как! То есть, на обычном житейском языке это означает, что мы должны доказать, что мы не верблюды?!

АРОН. Если вы докажете суду, что вы еврей, вас допустят к обрезанию.

АБРАМ. А каким образом мы сможем это доказать?

АРОН. Надеюсь, что у вас не будет с этим проблем. Позаботьтесь о документах, свидетелях. Очень может помочь знание идиша.

САША. Я только русскоговорящий. Так что на идиш рассчитывать не приходится.

АБРАМ. А я когда-то в детстве болтал на идиш, потом начисто забыл. Может, восемь-десять слов еще вспомню.

ИГОРЬ. А мне идиш вряд ли понадобится. Мне и без обрезания хорошо!

АРОН (горячо). Игорь, вы сделаете большую непростительную ошибку, если откажетесь от обрезания! Я могу помочь вам всем ускорить этот процесс! У меня в раввинатском суде есть приятель, с которым я договорюсь, чтобы он пропустил вас вне очереди. (Вытаскивает из кармана и вручает Саше, Абраму и Игорю визитные

карточки). Позвоните мне по телефону, указанному на визитке, в йом ришон...

АСЯ. Это воскресенье.

АРОН. И я вам скажу, какого числа приходиться в суд. Было бы идеально сделать бритмилу в течение ханукальной недели. Это была бы мицва...

АСЯ. Доброе дело.

АРОН. Для Господа Бога.

АБРАМ. Процесс пошел, как сказал Михаил Сергеевич Горбачев.

САША. И вы, Арон, думаете, что как только мы сделаем обрезание, мы сразу решим все свои проблемы в Израиле и перестанем чувствовать себя рабами?

АРОН (Решительно). Вне всякого сомнения! А с вами, Вера и Ася, мы поговорим о гиуре в другой раз. Созвонимся по телефону. (Направляется к двери, останавливается и обращается ко всем). А в заключение я хочу вам сказать следующее (С воодушевлением). **Еврей** – это звучит гордо! Что выделяет его среди всех народов мира? **Еврейский образ жизни! Вы должны жить по-еврейски, думать по-еврейски, поступать по-еврейски, одеваться и есть по еврейски, любить по-еврейски и строжайше соблюдать нашу святыню царицу Субботу! Да свидания!** (Открывает дверь, собираясь уходить, более страстно). И еще, самое главное! Вы должны постоянно ждать прихода Машиаха и верить, что он обязательно придет! Хаг sameах! (Быстро выходит из комнаты).

ВСЕ (вдогонку). Спасибо! До свидания! Бай! Хаг sameах!

Несколько секунд все сидят в тишине, находясь в оцепенении.

АБРАМ. Ну что, положил нас на лопатки без пяти минут рав?

САША. Положил? Это мы еще посмотрим, кто кого!

ВЕРА. А мне Арон напомнил древних еврейских пророков! Какая страсть! Какая вера! Какая убежденность в необходимости бритмилы! Саша, ты обязательно должен сделать обрезание, если хочешь стать полноценным евреем!

САША. Какая разница – полноценным или неполноценным, если в Израиле я не могу реализовать себя как актер? Видимо, здесь не осуществится моя мечта сыграть в пьесе Горина «Счастливец-Несчастливец»! Нет, последую примеру Миши Козакова и махну обратно в Россию! Вера, наш развод неминуем!

ВЕРА. О чем ты говоришь? Я из Израиля никуда и никогда не уеду! Пройду с Асей гиюр, покончу с никайоном и вернусь к профессии врача! А о разводе даже не мечтай!

АСЯ. Да, папа, нам с мамой и в Израиле хорошо, и ты останешься здесь с нами навсегда!

АБРАМ. А мне как быть с обрезанием, Марина?

МАРИНА. На что оно тебе нужно? Не сдавайся, Абрам!

АБРАМ. Не очень хочется быть неполноценным евреем.

МАРИНА. Ты и без бритвилы прекрасно сыграешь первый концерт Чайковского! Держись до конца! Может, мы тоже отчалим отсюда!

АБРАМ. И все же надо подумать. Последнее слово я оставляю за собой!

ИГОРЬ. Я тоже подумую, мама.

МАРИНА (кричит). Что? И ты, Игорек, думать собрался? Или забыл про поговорку: индюк тоже думал, да в щи попал? Не позволю, чтобы тебя даже миллиграмма плоти лишили! Не позволю! Только через мой труп!

ИГОРЬ. Мама, как всегда, права. Значит, не судьба мне быть обрезанным...

АСЯ (вскакивая из-за стола). Не судьба? А что ты говорил мне вчера? Что любишь меня, что ради нашей любви на все готов для меня!

САША. Так вы знакомы?

ВЕРА. Вот так сюрприз!

АСЯ. Да, знакомы по ульпану «Гимель»! И он сделал мне сегодня предложение! (Игорю). Так знай: если ты не сделаешь обрезание, я никогда не выйду за тебя замуж! Еврей ты или не еврей? Бай! (Быстро и решительно выбегает из комнаты).

ИГОРЬ (кричит). Ася, подожди! Куда ты?! Мы должны поговорить! (Выбегает из комнаты вслед за Асей).

АБРАМ (пожимая плечами). Какая неожиданность! Ничего не понимаю!

МАРИНА (в крайнем возбуждении). Оказывается, они знакомы! Сплошные страсти-мордасти! Теперь ясно, кто здесь воду мутит! Чувствовало мое материнское сердце что-то недоброе! Абрам, идем отсюда! Дома разберемся! (Саше). Завтра жду вас у моей хозяйки в 12 часов!

Марина шумно уходит, не попрощавшись и уводя с собой Абрама. Саиа и Вера остаются одни и, разводя руками, с удивлением смотрят друг на друга.

Занавес.

Конец первого действия.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

В качестве музыкальной заставки в исполнении Владимира Фридмана звучит песня «Странная страна». Полдень, первый день праздника Ханука. Красиво убранная квартира средней израильской семьи в центре Иерусалима. В стороне на отдельном столике стоит ханукия, рядом с ней – коробка с ханукальными свечами и спичками.

Мирьям занимается уборкой квартиры. Музыка постепенно затихает. Звучит звонок. Мирьям бежит к двери и открывает ее. В квартиру входит Марина, везя перед собой коляску с ребенком.

МИРЬЯМ (показывая место, где поставить коляску). Агала, бевакаша лепо, Марина. Эйх айя тиюль? (Коляску, пожалуйста, сюда, Марина. Как прошла прогулка?).

МАРИНА (ставит коляску и подходит к столу). Бесэдэр! (В порядке!).

МИРЬЯМ. Эйх маргиш тинок? (Наклоняется к ребенку и целует его). Хамуд шели! (Как чувствует себя ребенок? Милый мой!).

МАРИНА. Бесэдэр! (В порядке!)

МИРЬЯМ. У иторер? (Он просыпался?).

МАРИНА. Ло! Аколь бесэдэр! (Нет! Все в порядке!)

МИРЬЯМ. Им аколь бесэдэр, зэ тов мэод! (Если все в порядке, это очень хорошо!)

МАРИНА. Ани роца лекабель кесеф! (Я хочу получить деньги!)

МИРЬЯМ (вежливо улыбаясь). Ани мицтаэрет, аваль айом ло йе-хола лешалем кесеф. (Я сожалею, но сегодня я не могу заплатить деньги).

МАРИНА (повышая голос). Лама? Ани роца кэсэф! (Почему? Я хочу деньги!).

МИРЬЯМ. Ани мицтазрет мэод. Еш ли бэайя. Аваль бэшавау аба ани ашале мэа ахуз! (Я очень сожалею. У меня есть проблема. Но на следующей неделе я заплачу на сто процентов!).

МАРИНА. Зе ло бесэдэр! (Это непорядок!)

Звонок в дверь.

МИРЬЯМ (подходит к двери и открывает ее). Ми зэ? (Кто это?).

В квартиру входит, слегка шатаясь, Саша под видом пьяного. В правой руке он держит словарь грубияна, в левой – листочек с текстом на иврите, написанным Асей.

САША (изображая подвыпившего человека). Зе дира шель Мирьям? (Это квартира Мирьям?)

МИРЬЯМ. Кэн, дира шель Мирьям. (Да, квартира Мирьям)

САША. Ат Мирьям? (Ты Мирьям?).

МИРЬЯМ. Кэн, Мирьям. Ми ата? (Да, Мирьям. Кто ты?).

САША. Ани – Меир, ми Гистадрут! Бокер тов. Хаг sameax! (Я – Меир, из Объединения профсоюзов. Доброе утро! С праздником!).

МИРЬЯМ. Йом тов. Хаг sameax! Ма ата роце? (Добрый день. С праздником! Что вы хотите?)

САША (слегка шатаясь). Ба Гистадрут кибальну тлуна ми Мари-на (показывает рукой на Марину), ше ат ло мешалемет ла кэсэф. Зе ло бесэдэр! (Мы получили жалобу от Марины, что ты не платишь ей деньги. Это непорядок!).

МИРЬЯМ. Ани мицтазрет мэод. Ахшав анахну бэмацав кашэ. (Я очень сожалею. Сейчас мы в тяжелом положении).

САША (повышая голос). Зе ло ихпат ли! И овэдет по бэтафкид бэбисистер? (Это меня не касается! Она работает здесь в качестве бэбисистер?).

МИРЬЯМ. Кэн, овэдет. (Да, работает).

САША. Аз и цриха лекабель кэсэф аль аавода! (Тогда она должна получить деньги за работу!).

МИРЬЯМ. Ани маскима, аваль... (Я согласна, однако...).

САША (почти кричит). Зе ло ихпат ли! Зе ло бэсэдэр! (Это меня не касается! Это непорядок!). (Марине). Сколько она должна заплатить тебе за работу?

МАРИНА. За ту неделю 360 и за эту 360, итого 720 шекелей!

САША. Как на иврите 720?

МАРИНА. На иврите я считать умею! Шва мэот вээсрим!

САША (Мирьям) Шамат?! Шва мэот вээсрим шкалим! (Кричит).
Деньги на кон! Кэсэф аль кон! (Ты слышала?! Деньги на кон!).

МИРЬЯМ. Эфшар бли цаака? Ата медабэр бэрусит? (Можно без крика? Ты говоришь по-русски?).

САША (грозно, показывая на Мирьям указательным пальцем).
Кама зман ата баарэц? (Сколько времени ты в стране?).

МАРИНА (Саше в ухо, еле сдерживая смех). Нужно не ата, а ат.

САША (тем же грозным голосом). Кама зман ат ба арэц? (Сколько времени ты в стране?)

МИРЬЯМ. Зэ ло мешане. Амарти ше ани бэ мацав каше. (Это не важно. Сказала, что я в трудном положении).

САША. Зэ ло ихпат ли! Тафсики лесахэк бекаки! (Это меня не касается! Брось ерундой заниматься!).

МИРЬЯМ. Ма? (Что?).

САША (продолжая тем же голосом). Эйфо хунахт? Барэфэт? (Где тебя воспитали? В конюшне?)

МИРЬЯМ. Зэ хуцпа! (Это наглость!)

САША (шатаясь). Метумтэмет ахат! (Дура ты стоеросовая!).

МИРЬЯМ (Возмущаясь). Ло аафшер лиц'ок алай! (Не позволю кричать на меня!).

САША (на повышенных тонах, заглядывая в словарик грубияна).
Карпада! Лехи леазазель! (Жаба! Иди к черту!)

МИРЬЯМ. Ани бэшок! Стом квар! (Я в шоке! Заткнись уже!).

Просыпается и начинает плакать ребенок. Марина, еле сдерживая ладонью смех, другой рукой раскачивает коляску, чтобы успокоить дитя.

САША (все более шатаясь и показывая рукой на стол). Деньги на кон! Кэсэф аль шульхан! (Деньги на стол!).

МИРЬЯМ. Эйн ли кэсэф! Тийе ли бари! (У меня нет денег. Поговорили и хватит!).

САША (Делая вид, что пьян вдребезги, падает и расплывается спиной на полу, продолжая заглядывать в словарик грубияна).
Слиха! (Простите!). Ани роцэ водка! Коль кэлэв, яво йомо! (Придет время, за все заплатишь! Я хочу водку!).

МИРЬЯМ (суетится возле Саши, пытается поднять его). Меир, ата шикор! Зе водка! Ата хуцпан! Ата ло ми Гистадрут! (Меир, ты пьяный! Это водка! Ты не из Гистадрута!).

САША. Ани ми Гистадрут! Кэсэф! Тафсики лезаен ли эт амоах! (Я из Гистадрута! Деньги! Перестань морочить мне голову!).

МИРЬЯМ (пытается поднять с пола Сашу). Ата шакран. Ата ло бен адам! Кум! Кум! Марина! Азри ли леарим эт Меир! (Вы лжец! Вы не человек! Вставай, вставай! Марина! Помоги мне поднять Меира!)

МАРИНА (с трудом сдерживая смех). Так ей! Так ей! Рэга! Рэга! (Сию секунду!)

Марина подбегает к Саше, и вместе с Мирьям с огромным трудом поднимают его с пола и усаживают на кресло, на которое он лег, раскинув руки.

МИРЬЯМ (кричит Саше). Эйх ата маргиш? Улай, латет леха маим? (Как вы себя чувствуете? Может, дать вам воды?).

САША (тем же грозным голосом). Ани роцэ водка! Ани ло роцэ маим! Ани роцэ кэсэф! Шва мэот вээрим шкалим на кон! Аль шульхан! (Я хочу водку! Я не хочу воды! Я хочу деньги! Семьсот двадцать шекелей на кон! На стол!).

МИРЬЯМ (кричит). Эйзе азут мэцах! Ани асапэр аколь лабаль! Ани ахшав экра лемиштара! (Какая наглость! Я все расскажу мужу! Сейчас вызову полицию!) (Поднимает трубку телефона, собираясь звонить).

САША (продолжая лежать на кресле). Ани ло похед! Ани мецаф-цэв алав! (Я не боюсь! Плевать мне на него). (Вскакивает с кресла, отнимает трубку у Мирьям, кладет ее на аппарат и снова падает на пол). Асур! Ани ло похэд мимиштара! Агид лемиштара, шэ лоши-ламт кэсэф! (Нельзя! Я не боюсь полиции! Скажу полиции, что ты не заплатила денег!).

МИРЬЯМ (суется возле лежащего Саши). Эйзе хуцпан! Наваль! Масриах! Ата эфес! Пустэма! Мэнувал! Марина! Азри ли леарим ото! (Какой наглец! Подлец! Ты нуль! Ничтожество! Сволочь! Марина! Помоги мне поднять его!)

МАРИНА. Так ей, так ей! (С трудом подавляя смех, помогает Мирьям поднять Сашу и снова посадить его на кресло).

САША (кричит). Кальба ахат! Кальба мэюхэмт! Аль тэсахэки ли рош катан! Кэсэф на кон! Кэсэф аль шульхан! (Стерва! Не строй из себя: моя хата с краю! Деньги на кон! Деньги на стол!)

МИРЬЯМ (охватывая голову руками). Мефагэр! Шэрэц! Нэмуша! Тафсик! (Подходит к тумбочке, вытаскивает кошелек, достает, отсчитывает и протягивает Саше деньги). Ках! По шва мэот вээрим шкалим! Зэ кэсэф ахарон шели! (Кричит). Аваль, тит'офэф!

Уф ми по! (Недоумок! Гад ползучий! Ничтожество! Хватит! Бери! Здесь семьсот двадцать шекелей! Это мои последние деньги! Но катись ты куда подальше! Убирайся отсюда!).

САША (приняв деньги, тут же вскакивает с места и принимает вид нормального человека). Тода раба, Мирьям! (С улыбкой и кланяясь). Тода раба! (Большое спасибо, Мирьям!). Волшебная сила искусства! (Передает деньги Марине и направляется к двери). Леитраот! Хаг sameах!

МАРИНА (с хохотом принимая от Саши деньги). Ну и насмешили вы меня! Большое спасибо вам! Леитраот, Мирьям! (Собирается уходить).

МИРЬЯМ (кричит Саше). Ата сахкан гадоль! (Вы большой артист!). (Марине). Ани мехака лах бэйом ришон бэ тэйша! Хаг sameах! (Я жду тебя в воскресенье к 9 часам. С праздником!).

МАРИНА. Бэсэдер! Хаг самэах! (Хорошо! С праздником!).

САША (Махая рукой, улыбаясь). Хаг sameах! (Чеканя каждое слово). Волшебная сила искусства!

Саша и Марина уходят.

МИРЬЯМ (хватается за волосы руками). Эйзе хуцпан! (Какой наглец!). (Повторяет с акцентом). Волшебная сила искусства! Ма зэ? Царих лишоль эт а-сахканит ми русия бетеатрон. (Качая головой). Аваль, у сахкан гадоль! (тяжело вздыхает). Зе Исраэль! (Что это? Надо выяснить в театре у актрисы из России. Однако он большой артист... Это Израиль!)

Конец первой сцены.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Третий день Хануки. Утро. Скромная обстановка двухкомнатной съемной квартиры в Иерусалиме. В углу салона стоит пианино, за которым сидит Абрам. Звучат начальные аккорды первого фортепианного концерта Чайковского в сопровождении оркестра (в записи). Звонок в дверь. Звуки концерта стихают.

АБРАМ (встает и открывает дверь, в которой появляется Саша с пакетом в правой руке).

АБРАМ (протягивая руку Саше). Привет, дорогой! Я тебя жду не дождусь!

САША (пожимая руку Абраму и обнимая его). Привет! Рад тебя видеть! С праздником!

АБРАМ. Хаг sameах! Заходи, будь, как дома. Я один: жена пошла с чужим ребенком гулять, сын в ульпане. Нам никто не помешает.

САША (подходит к ханукие). Удивительно: уже утро, а ханукальные свечи у тебя до сих пор горят! Каким это образом?

АБРАМ. Я сам поражаюсь! Первую свечу я зажег три дня назад, вторую – два дня назад, а третью – вчера, и все три вместе с шамашем до сих пор горят!

САША. Иначе, как чудом, это не назовешь!

АБРАМ. Воистину чудо! Как это напоминает кувшинчик с маслом, горевший в Храме восемь дней!

САША (разводя руками). Это не поддается никакому объяснению!

АБРАМ. Это Израиль! Здесь все возможно! (Показывает на диван). Приглашаю садиться. Может, чай, кофе?

САША (Садится с Абрамом на диван). Спасибо, чуть позже. Сначала обговорим кое-какие вопросы. (Осматривается вокруг). Да, квартира недурная, просторная. Сколько комнат?

АБРАМ. Две плюс кухня отдельная. Жить можно!

САША. Завидую! Не то, что моя каморка в общаге, которую почему-то называли гостиницей для олим (репатриантов).

АБРАМ. Не спеши завидовать. Если бы ты знал, сколько мы платим за съем квартиры – у них это называется схар-дира, тебе бы плохо стало!

САША. И сколько?

АБРАМ. Полторы тысячи. И это еще по-божески! За трехкомнатную плата еще больше!

САША. Ничего себе! Так можно вылететь в трубу!

АБРАМ. Вот мы и вылетаем. Но так решила Марина! Она у нас командир в семье. Как скажет, так и будет! Нам ведь предлагали комнату в той же гостинице, но она наотрез отказалась: «Чтобы после нашей роскошной симферопольской квартиры я жила в какой-то общаге? Да никогда в жизни! А я человек непритязательный. Мог бы с сыном пожить и в олимовской гостинице.

САША (показывая на пианино). Зато у тебя пианино стоит. В нашей гостиничной комнатухе оно бы не поместилось!

АБРАМ. Это единственное преимущество съемной квартиры. Пианино не ахти какое – наша советская «Красная заря», но зато я могу заниматься и учить первый концерт Чайковского. Увы, ско-

ро я останусь без пианино. Это для меня настоящий удар. Хочешь послушать начало концерта? Может, я буду играть для тебя в последний раз!

САША. С удовольствием, тем более в твоём исполнении.

АБРАМ (встает и направляется к пианино). Только не суди слишком строго. (Садится за пианино и играет начало первого концерта Чайковского с добавлением оркестра в записи).

САША (хлопая в ладоши). Bravo, Абрам! Превосходно! А мы с Верой подумаем, как помочь тебе отстоять пианино!

АБРАМ (кланяясь невидимой публике). Спасибо за добрые слова! (Встает и садится на диван рядом с Сашей).

САША. Если бы ты знал, Абрам, какое блаженство я сейчас испытываю, что мы начали сегодня бастовать и не пошли подметать улицы!

АБРАМ. Твоя идея забастовки мне очень понравилась, и я нахожу ее своевременной и плодотворной!

САША (Горячо). В конце концов, мы себя уважаем или нет? Для чего мы приехали в Израиль? Чтобы заниматься уборкой улиц? Ты хоть один день вкалывал, а я целый месяц пахал! Хватит с меня! Мы с тобой артисты или дворники? Покончим с нашим рабством раз и навсегда!

АБРАМ (кивая в знак согласия головой). Мы не рабы, рабы не мы!

САША (раскидывая руки). Как приятно дышать воздухом свободы!

АБРАМ. Приятно, но, боюсь, денег нам уже не видать!

САША (горячо). Да пусть они подавятся этими шекелями!

АБРАМ. Но нас могут уволить за прогул, и мы потеряем работу!

САША. Да мне такая работа и даром не нужна! Нашел, Абрам, за что цепляться!

АБРАМ. А я и не цепляюсь! Как видишь, бастую вместе с тобой. А вот как к этому отнесутся наши жены?

САША. Моя Вера, естественно, была недовольна. Мол, деньги теряем. А, может, работая дворниками, мы теряем нечто большее? А как твоя?

АБРАМ. Марина пока не знает. Не решился ей сказать. Иначе она такую бурю в доме поднимет – настоящий девятый вал! Недаром Марина – это морская! Упаси Боже попасть в ее шторм!

САША (смеется). Представляю! Кстати, она тебе рассказала, ка-

кую сцену я устроил в доме ее хозяйки под кодовым названием «Волшебная сила искусства»?

АБРАМ (смеется). Конечно! Когда рассказывала, умирала со смеху! Ты, говорит, гениально изобразил этакого хама!

САША (продолжая смеяться). Да и мне кажется, что с этой ролью справился. Главное, добился результата: не сразу, но, в конце концов, она дала деньги Марине за работу!

АБРАМ (смеясь) С нас причитается!

САША (смеясь). Да ну тебя! Я же сыграл эту роль ради нашей дружбы! Значит, еще есть порох в пороховницах! Значит, я еще на что-то способен! Спасибо моему любимому Аркадию Райкину: вот у кого я учился волшебной силе искусства!

АБРАМ. А не будет для тебя каких-либо последствий?

САША. Очень я боюсь этих последствий! Иногда приходится прибегать к помощи хамства, если они другого языка, кроме иврита, не понимают! Как здесь не вспомнить один из Гариков Игоря Губермана:

Тем людям, что с рожденья здесь растут, -
Им чужды наши качества и свойства,
Похоже, не рассеется и тут
Витающий над нами дух изгойства.

АБРАМ (хлопая в ладоши). Ай да Губерман! Не в бровь, а в глаз! Кстати, дорогой, я зря время не тратил и сегодня, набросал письмо с нашими требованиями в связи с начавшейся забастовкой (Встает с дивана). Пересядем к столу, там обсудим и согласуем это письмо, прежде, чем послать его наверх. (Садится за стол и показывает бумагу).

САША. Письмо с требованиями? Хорошая идея! Но, боюсь, что оно поможет нам, как мертвому припарки! (Встает и садится рядом с Абрамом). И кому же мы его pošлем?

АБРАМ. Предлагаю послать президенту – высшей инстанции в стране. А там уже разберутся, кто должен конкретно заниматься нашими требованиями. У меня большой опыт написания подобных бумаг. Я ведь долгие годы был председателем профкома в музыкальной школе и поднаторел в этом деле. По ходу чтения будем сразу делать правки (читает с карандашом в руках). «Президенту Израиля, товарищу...»

САША (со смешком). Постой! При чем тут товарищ? Товарищи

остались там, в бывшем Союзе. А здесь надо писать «господину». Все-таки капстрана!

АБРАМ (смеясь). Согласен. Это я по инерции. Пишем вместо «товарищу» - «господину».

АБРАМ (читает). «Пишут вам двое олим хадашим из бывшего Союза – артист и музыкант, которые, не найдя в Израиле работу по специальности, были вынуждены устроиться через биржу труда на работу дворниками. Нас это не только абсолютно не устраивает, но и глубоко возмущает, ибо, получая мизерную зарплату, мы вынуждены заниматься не своим делом и лишены возможности развивать дальше свои таланты». Как?

САША (встав со стула, начинает нервно ходить вокруг стола). По-моему, хорошо! Особенно мне понравилось насчет развития наших талантов. Дальше!

АБРАМ. Продолжаю. (Читает). «В знак протеста мы объявляем бессрочную забастовку и выдвигаем следующие требования:

Первое. Повышение заработной платы как минимум в два раза».

САША. Можно и в три! Попросишь в три – увеличат в два, попросишь в два – получишь ноль!

АБРАМ (делая поправку в тексте). Поправку принимаю. Так, вместо в два напишем в три. «Второе. Улучшение условий труда. Обеспечение бесплатным легким завтраком и питьевой водой».

САША. Одобряю!

АБРАМ. «Третье. Обеспечение работой по специальности в течение года всех олим хадашим, прибывших в страну в последние три года».

САША (останавливаясь). Этот пункт, как сказал бы Владимир Ильич, архиважный! Только замени предлог «в» на «за», а то звучит как-то не по-русски!

АБРАМ (делая поправку в тексте). Согласен. «За последние три года». «И четвертое, последнее. В течение года обеспечить семьи олим хадашим, нуждающихся в жилье, государственными квартирами «Аמידар».

САША. Также архиважный пункт! Не всю же жизнь нам маяться в олимовской гостинице, а тебе на съемной квартире!

АБРАМ. Ограничимся четырьмя требованиями. Или добавить еще?

САША. Хватит! Дай Бог, чтобы они эти выполнили!

АБРАМ. И дальше окончание: (читает) «Считаем существенным сказать, что свои экономические требования выдвигаем не только

от своего имени, но и от имени миллионной армии репатриантов, прибывших из бывшего Союза в Израиль. Мы не обращаемся к вам с политическими требованиями, так как демократическое устройство Израиля нас вполне устраивает. С глубоким уважением и надеждой». Далее идут наши подписи.

САША (хлопая в ладоши). Bravo! Молодец, Абрам! Написал все точно и по существу! Особенно мне понравилась фраза «от имени миллионной армии репатриантов»! Это производит впечатление! Как будем посылать письмо: на русском или в переводе на иврит?

АБРАМ. Можно и на русском. Что, там не найдется, кому перевести на иврит? Отпечатаю письмо на пишущей машинке, которую привез из Симферополя, и даже посылать не надо. Дом президента на той же улице, на которой мы живем, передам письмо в конверте полицейскому у входа с просьбой вручить его президенту лично в руки!

САША. Полностью одобряю твой план действий! Правда, все это пахнет маниловщиной, но, как говорится, попытка не пытка. И если президент нам ответит, это будет похоже на чудо!

АБРАМ. Ханукальное чудо!

САША (доставая из пакета книгу). А теперь, Абрам, и с моей стороны к тебе есть огромная просьба! По принципу: ты мне, я тебе.

АБРАМ. Какая? Я готов выполнить ее в любую минуту!

САША. Ты знаешь, друг, я так скучаю без театра, без сцены, что ты даже представить себе не можешь! Я так давно не играл ролей, если не считать роль хама в доме хозяйки твоей жены. А мне так хочется сыграть что-то особенно, возвышенное. (Показывает Абраму книгу). Посмотри, какую книгу я принес: Григорий Горин, «Прощай конферансье!». В ней собраны пьесы Горина, и среди них – «Счастливых-Несчастливых». В ней снова появляются известные персонажи из пьесы Островского «Лес», но, так сказать в современном обличье. Еще в России я мечтал в ней сыграть, но, видно, не судьба!

АБРАМ. А причем тут Горин, и причем тут я?

САША. А притом, что мне страстно хочется сейчас сыграть хотя бы небольшой отрывок из его пьесы, и мне потребуется твое участие, как моего партнера.

АБРАМ. Мое участие как твоего партнера?! Что ты хочешь этим сказать?

САША. А то, чтобы ты попробовал подыграть мне в роли Несчастливцева, ну а я, естественно, буду Счастливым!

АБРАМ. Ну, Саша, ты меня несколько озадачил этим предложением...

САША. А ты разве не мечтал стать артистом?

АБРАМ. Мечтал, еще как мечтал! В детстве ходил в театральный кружок, и если бы не музыка, то обязательно стал бы актером!

САША. Прекрасно! Абрам, и у тебя, мой друг, сейчас есть возможность реализовать это желание!

АБРАМ (вставая из-за стола). Что же, я готов исполнить роль Несчастливцева! Где текст?

САША (достает из пакета и протягивает Абраму листочек с текстом). Держи! Специально сделал для тебя ксерокопию сцены, которую мы будем с тобой разыгрывать. Действие происходит в современном театре, во время репетиции пьесы «Лес» Островского. Представь себе лесную чащу, где на развилке дорог встречаются два старых приятеля, актеры – Счастливец и Несчастливцев. Постарайся войти в образ Несчастливцева, который характеризуется его фамилией. Готов?

АБРАМ. (Держа листочек с текстом в правой руке). Готов!

САША. Тогда начинаю. (Читает роль Счастливого по книге). Авторская ремарка: неожиданно их беседа прерывается писком телефонного звонка. Счастливец делает жест, мол, извини, достает из-за пояса сотовый телефон (Счастливец). Алло!.. Да, я... Нет, еще не говорил... У нас репетиция. Перерыв? Не скоро. Я же сказал: я сам вам перезвоню... ремарка: выключает телефон, недовольно пожимает плечами, мол, извини, не виноват.

АБРАМ-Несчастливцев (читает по листочку, строго). Хамство, однако!

САША-Счастливец. Извини... достал звонками... один поклонник.

АБРАМ-Несчастливцев. Чей?

САША-Счастливец. Мой! В смысле... нет! Общий!..

АБРАМ-Несчастливцев. Ну, это ты брось! Мои поклонники во время репетиций не звонят. Мои поклонники знают, что репетиция для меня – святое время погружения в образ!..

САША-Счастливец. Для меня тоже погружение... Дело срочное...

АБРАМ. Я здесь на секунду выйду из образа. У нас с тобой тоже есть срочное дело!

САША. Какое?

АБРАМ. Как мы решим насчет обрезания?

САША. Придется делать. Жена настаивает. Если она хочет быть еврейкой, то сам Бог велит, чтобы я, сделав бритмилу, стал полноценным евреем.

АБРАМ. А моя жена, наоборот, всячески отговаривала. Я поразмышлял и все-таки решил, что надо! На всякий случай. Вдруг в жизни пригодится!

САША. А как же сын Игорь? А какой сюрприз он преподнес нам с моей дочкой Асей! Оказывается, они знакомы, влюблены и собираются пожениться! Как ты на это смотришь?

АБРАМ. Снисходительно. Известно: дело молодое, кровь горячая. Ничего зазорного тут не вижу!

САША. Так они еще на ноги не встали, профессию не приобрели!

АБРАМ. Ничего страшного! Женятся и будут вместе пробиваться в жизни!

САША. А согласится ли твоя Марина?

АБРАМ. Вот здесь есть проблема! Марина категорически против обрезания Игоря, тогда как твоя Ася...

САША. Решительно настаивает, чтобы он сделал обрезание, и даже поставила его согласие условием женитьбы. Ну и как Игорь?

АБРАМ. Жалко парня. Мечется между Мариной и Асей, как между Сциллой и Харибдой!

САША. Может, нам вмешаться?

АБРАМ. Нет, не стоит! Только хуже будет. Не маленькие, сами разберутся!

САША. Тогда пока вдвоем пойдем на обрезание?

АБРАМ. Вдвоем. Но начала еще надо доказать наше еврейство в раввинатском суде. То есть то, что мы не верблюды!

САША. Нужны свидетели, а где их взять?

АБРАМ. Вот что! У меня блестящая идея! Давай будем свидетелями друг друга! Ты будешь свидетельствовать, что я еврей, а я буду свидетельствовать, что ты еврей!

САША. Идея действительно блестящая! Принимается! Остается позвонить этому ешиботнику, без пяти минут раву Арону и договориться о дате прихода в раввинатский суд.

АБРАМ (кладет листок на стол, берет визитку Арона и подходит к телефону). Что мы сейчас и продумаем! (Поднимает трубку

и набирает номер). Попросите, пожалуйста, Арона. А, это Арон. Очень приятно. Вам звонит Абрам, друг Саши, у которого вы были в гостях три дня назад. Спасибо. Хаг sameax. Так вот, мы с Сашей приняли твердое решение делать обрезание и хотели бы знать, когда мы можем явиться в раввинатский суд подтвердить свое еврейство... Молодой человек? Вы имеете в виду моего сына Игоря? Тут еще есть проблема, он пока думает. Обязательно передам. Мой телефон 02-635-7741. (Кладет трубку, Саше). Он сказал, что его сильно обрадовало наше решение, и просил передать сыну, чтобы он думал как можно скорей. Что касается нашей явки в раввинатский суд, то он перезвонит в течение 10-15 минут и сообщит нам точную дату и время.

САША. Превосходно. Продолжим чтение отрывка из пьесы Горина. Остановились на фразе Счастливецва: Для меня тоже погружение... Дело срочное...

АБРАМ-Несчастливцев (взяв со стола листок с текстом, читает). Халтура?

САША-Счастливец. Ну, почему сразу - «Халтура»?

АБРАМ-Несчастливцев. Потому что халтура у нас – всегда срочно. А серьезная работа подождет... чего он хочет, поклонник твой... реклама какая-нибудь дурацкая «От Парижа до Находки наши тянутся колготки»?

САША-Счастливец. Стихи отменные, но не угадали-с.

АБРАМ-Несчастливцев. Тогда концерт предлагает в каком-нибудь Нижнегорске...

САША-Счастливец. Ей-богу, первый раз слышу...

АБРАМ-Несчастливцев. Врешь! Между прочим, из этого Нижнегорска мне тоже звонили... Не знаю, что ты им наобещал, но я не поеду!

САША-Счастливец. И я не поеду! Какие могут быть концерты, когда спектакль выпускаем?

АБРАМ-Несчастливцев. Ты не иронизируй!

САША-Счастливец. А я и не иронизирую...

АБРАМ-Несчастливцев. Нет, иронизируешь! Но плохо! Не смешно! В кои-то веки театр создал нам условия почти бенефисные... дал сцену для репетиций. Построил такие декорации – деревья лучше натуральных! Вон бабочки летают... Репарка: тронул бабочку на дереве, та свалилась. Черт возьми! Все на соплях! Сережа! Я же просил прицепить бабочек правильно, на пружинках!

САША. Голос сверху. Так вроде сделали...

АБРАМ-Несчастливцев. Вроде... все «Вроде»... Я же всем объяснял: «Лес» Островского... Пьеса особая. Здесь именно лес как образ очень важен!

САША. Голос сверху. Да знаем мы...

АБРАМ-Несчастливцев. Ни черта вы не знаете... Ты-то хоть понимаешь, что это вообще за пьеса такая – «Лес»?!

САША-Счастливцев. Да понимаю...

АБРАМ-Несчастливцев. Ни черта ты не понимаешь, раз такую рожу скорчил!

Телефонный звонок

АБРАМ (подбегает к телефону). Это, наверное, Арон! (Берет трубку). Але, слушаю. Да, я, Абрам. Мы ждали вашего звонка... Спасибо за приятное сообщение. Обязательно будем... без опоздания... Я ему передам... О свидетелях мы уже позаботились... С документами все в порядке... Бай! (Кладет трубку, Саше). Ну вот, наш вопрос решен положительно. Послезавтра, во вторник нас ждут в 4 часа в раввинатском суде и, если мы докажем свое еврейство, то в четверг, в предпоследний день праздника Ханука, нам сделают бритмилу.

САША. Что же, раз надо, выполним свой еврейский долг! Аж голова закружилась от предвкушения чего-то необычного! Но вернемся к пьесе Горина. Не представляешь, какое счастье испытываешь, когда погружаешься в свою родную стихию. Ты знаешь, мне в целом нравится, как ты ведешь роль Несчастливцева, в тебе, несомненно, скрывается артистический дар!

АБРАМ. Соответствует системе Станиславского?

САША. Системе Станиславского - на все сто процентов! Однако, мы еще не закончили отрывок из пьесы. Прервали на реплике Несчастливцева «Ни черта ты не понимаешь...».

АБРАМ-Несчастливцев. Ни черта ты не понимаешь, раз такую рожу скорчил!.. Счастливцев-Несчастливцев! Подумай, кто до нас эти роли играл?.. Рыбаков... Ильинский!

САША-Счастливцев. Да кто ж спорит?

АБРАМ-Несчастливцев. Ты! Внутренне все время споришь. Я же чувствую! Сколько лет тебя знаю... Любую причину придумываешь, лишь бы не репетировать. Послушай меня, я зла тебе не пожелаю: пропащий человек, Аркашка, будешь, если такую роль не сыграешь! Совсем пропащий!

САША-Счастливцев. Да, понимаю, Геннадий Демьяныч!

АБРАМ-Несчастливцев. Ремарка: глянул Аркашке в глаза, обнял.

САША. Так чего ты стоишь? Обнимай меня!

АБРАМ-Несчастливцев. (Обнимая Сашу и глядя ему в глаза). Врешь! Но я тебе верю. Давай все сначала.

Слышен шум ключа в замочной скважине. Резко открывается дверь, в которую решительно входит Марина.

МАРИНА. Доброе утро, Саша. А ты, Абрам, почему здесь, а не на работе?

АБРАМ. Мы не ожидали тебя так рано...

МАРИНА. Ребенок заболел, и хозяйка отпустила меня пораньше. Но ты не ответил на мой вопрос: почему ты дома, а не на работе?

АБРАМ (смотрит на Сашу, ища у него поддержки). Как сказать? Мы с Сашей решили объявить забастовку...

МАРИНА (гневно). Забастовку?! Какую забастовку?! В честь чего забастовку?!

АБРАМ. В знак протеста против низкой оплаты труда и работы не по специальности!

МАРИНА (Саше). В знак протеста? Как это понимать?

САША (смушенно). Так и понимать... Мы больше не хотим быть здесь рабами...

МАРИНА (Абраму, взрываясь). Вы не хотите быть рабами? А ты забыл о том, что через неделю мы должны платить хозяину за съем квартиры? Из каких средств, милый, мы будем платить, если ты перестанешь работать? А мне, бывшему директору комбината бытового обслуживания, думаешь, было легко пойти на работу бибисистер? Но я пошла, потому что надо, потому что у нас семья, сын!

АБРАМ. Родина тебя не забудет!

МАРИНА. И тебя пусть тоже не забудет! Разве тебя не волнует, что ты можешь остаться без работы? Свято место пусто не бывает! Имеются тысячи желающих занять твоё место!

САША. Ну, Марина, вы скажите! С каких это пор работа дворника стала считаться святым местом?

МАРИНА. Вы забыли, что нам говорили в бывшем Союзе: любой труд почетен, если он приносит пользу обществу! Абрам, чтобы ты завтра же утром вышел на работу! (махает руками). Никаких возражений не принимаю!

АБРАМ (смотря виновато на Сашу и пожимая плечами). Придется.

МАРИНА. Интересно, чем ты с Сашей занимался до моего прихода? (Берет со стола листок с ролью Несчастливцева). Что это?

АБРАМ. Это... роль Несчастливцева из пьесы Горина. Мы сейчас с Сашей попробовали ее разыграть...

МАРИНА (грозно). Тебе мало быть музыкантом и дворником, так ты еще артистом решил заделаться? Саша – понятно – это его профессия. Если бы не его блестящая игра у хозяйки, я бы никогда не получила честно заработанных мной денег. Но а ты – какой артист?

САША. Успокойтесь, Марина. Абрам тут не при чем. Это была моя идея!

МАРИНА. Но если только ваша... (Берет со стола другой испитый листок). А это что?

АБРАМ. Письмо президенту, которое мы состряпали с Сашей...

МАРИНА. Письмо президенту? О чем? (Читает про себя). Все правильно. Я всецело поддерживаю все четыре требования, особенно в отношении повышения оплаты труда и получения амида-ровских квартир. Я обеими руками за это, и также хочу поставить свою подпись, если можно, дважды!

АБРАМ. Можно и трижды, но только после того, как я отпечатаю письмо на машинке.

МАРИНА. И пусть только попробуют не выполнить наши требования! Тогда больше ноги моей не будет в Израиле!

САША. Ладно, я пойду. Дел по горло. Кстати, мы с Верой приглашаем вас, Абрам и Марина, вместе с Игорем к нам на встречу Нового года вечером 31 декабря.

МАРИНА. Спасибо за приглашение! Обязательно придем! Это мой самый любимый праздник. Не то, что Ханука!

АБРАМ. Марина, ты не против, если я немного провожу Сашу?

МАРИНА. Не возражаю. Только, Абрам, не задерживайся! Есть, о чем поговорить.

САША (Выход вместе с Абрамом из квартиры). Бай, Марина! Хаг sameax! До встречи Нового года!

МАРИНА (кричит). До встречи! С Наступающим! (Снова берет в левую руку листок с письмом к президенту и, сжимая в правой руке кулак, громко читает). «В знак протеста мы объявляем бес-срочную забастовку и выдвигаем следующие требования:

Первое. Повышение заработной платы как минимум в три раза...

Второе. Улучшение условий труда. Так... Третье. Обеспечение работой по специальности в течение года всех олим хадашим, прибывших в страну за последние три года. Увы, здесь мне должность директора комбината бытового обслуживания не светит. Четвертое. В течение года обеспечить семьи олим хадашим, нуждающихся в жилье, государственными квартирами «Аמידар». (Потрясая кулаком). Пусть только попробуют не выполнить наши требования!

Конец второй сцены

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

В качестве музыкальной заставки в исполнении Владимира Фридмана звучит песня "Странная страна." Полдень того же дня. Небольшой сквер возле олимовской гостиницы "Президент." На сцену выбегает Ася, и за ней следом - Игорь. Песня затихает.

ИГОРЬ (кричит). Остановись!

АСЯ (продолжая бежать). Не останавлиюсь!

ИГОРЬ (догнав Асю и хватая ее за плечи). А вот и догнал!

АСЯ (остановившись и повернувшись лицом к Игорю). Догнал, а что дальше?

ИГОРЬ (приближая свое лицо к лицу Аси). А дальше я тебя поцелую!

АСЯ (вырываясь из рук Игоря). А если я не хочу целоваться? (снова убегает от Игоря).

ИГОРЬ (бежит за Асей, кричит). А я догоню и поцелую!

АСЯ (внезапно остановившись, дает пощечину Игорю). Получил? Это тебе вместо поцелуя!

ИГОРЬ (вытирая лицо рукой). За что?

АСЯ. Тебе надо говорить, за что? Догадайся!

ИГОРЬ. А я недогадливый!

АСЯ. Очень плохо! Тогда я помогу тебе. Скажи: ты еврей или не еврей?

ИГОРЬ (усмехаясь). Если родители - евреи, значит, и я - еврей!

АСЯ. Значит, ты не отказываешься от своего еврейства?

ИГОРЬ. Если честно, то оно мне и не очень нужно.

АСЯ. Вот как! И почему?

ИГОРЬ. Потому что в школе меня воспитывали в духе пролетарского интернационализма и нетерпимости к религии!

АСЯ. Все мы в бывшем Союзе воспитывались в духе интернационализма и атеизма! Но еще в Ростове мы с мамой заинтересовались Библией и историей еврейского народа, стали читать книги по иудаизму, древних еврейских пророков, и нам открылся удивительный мир еврейской духовности. И больше всего нас поразило то, что евреи, несмотря на изгнания, преследования, страдания, сохраняли веру своих отцов, свои идеалы, обычаи и праздники!

ИГОРЬ. Ну, и к чему ты мне это говоришь?

АСЯ. А к тому, что мы с мамой решили последовать примеру Рут и принять иудаизм!

ИГОРЬ. Ты об этом говорила мне и раньше, и что из этого?

АСЯ (горячо). А то, что если ты хочешь, чтобы я дала согласие на твоё предложение, ты должен выполнить одну из главных еврейских заповедей!

ИГОРЬ. Какую?

АСЯ. Сделать обрезание!

ИГОРЬ. Но ты ведь знаешь, как к этому относится мама!

АСЯ. Так ты кто: тряпка или мужчина?

ИГОРЬ. Ты хочешь поссорить меня с мамой? И вообще, почему ты раскрыла при родителях нашу тайну, что мы знакомы и что я сделал тебе предложение?

АСЯ. Потому что ты меня очень разозлил!

ИГОРЬ. Чем?

АСЯ. Своим отказом сделать обрезание!

ИГОРЬ. Не хочу обижать маму!

АСЯ. В конце концов, прояви свой мужской характер!

ИГОРЬ. Проявлю и испорчу отношения с мамой навсегда!

АСЯ. А что, если мы сделаем по-другому?

ИГОРЬ. Как? Неужели можно еще что-то придумать?

АСЯ. Можно! Не спрашивай у мамы разрешения, сделай бритмилу без ее ведома и потом поставь ее перед свершившимся фактом!

ИГОРЬ. А что, идея хорошая! Надо попробовать!

АСЯ. Ты еще сомневаешься? Здесь и пробовать нечего! Договорись с отцом пойти вместе в Раввинатский суд, доказывай свое еврейство и делай обрезание!

ИГОРЬ. Знаешь, Ася, мне хочется запеть! (Напевает несколько нот). Кажется, голос прорезался! (Поет начало песни "Бессаме мучо").

АСЯ. Действительно, прорезался! Не чудо ли это?

ИГОРЬ. Похоже на чудо!

АСЯ. Однако я спешу домой. Бай! Хаг sameах! Ждем тебя с родителями к нам вечером 31 декабря на встречу Нового года! Это как раз исход праздника Ханука! Бай! (Убегает в сторону олимовской гостиницы).

ИГОРЬ (кричит Асе вдогонку). Бай, хаг sameах! (Улыбаясь). Мы еще до Нового года встретимся в ульпане!

Конец третьей сцены

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

В качестве музыкальной заставки в исполнении Владимира Фридмана звучит песня "Странная страна." Вечер 31 декабря. Знакомая нам комната в олимовской гостинице "Президент," заставленная чемоданами и узлами и украшенная лентами и надувными шарами. В углу комнаты – небольшая новогодняя елка, под которой стоит маленький Дед Мороз. Возле стола суетятся Вера и Ася, готовясь к приему гостей. Песня затихает.

АСЯ. Мама, в какое время должен прийти Арон?

ВЕРА. Он обещал быть в 7 часов, и разговор пойдет о нашем гиуре. Надеюсь, дочка, ты не передумала?

АСЯ (обнимает и целует Веру). Мама, конечно, нет! Раз мы решили ехать в Израиль, то здесь я могу себя чувствовать по-настоящему только еврейкой! А в какое время у нас будут гости?

ВЕРА. Я просила Сашу передать приглашение Абраму, Марине и Игорю к нам на встречу Нового года на 8 часов. Кстати, не могу забыть, какой сюрприз ты нам преподнесла три дня назад, когда объявила, что знакома с Игорем, и что он сделал тебе предложение! Ты буквально огорошила меня и папу!

АСЯ. А что ты имеешь против него?

ВЕРА. Парень ничего, приятный, воспитанный, но очень зависит от матери! И вообще, так, как вы, не делают!

АСЯ. Просто мы не хотели сразу открывать карты!

ВЕРА. Ну и что получилось в итоге? Скандал! А вот Саша удачно сыграл роль хама у хозяйки Марины и помог получить ей деньги за работу.

АСЯ (смеясь). Когда папа рассказывал мне эту историю, я падала со смеху! Будет очень жаль, если он не найдет применение своему актерскому таланту в Израиле!

ВЕРА. Да, артисту без иврита найти работу в Израиле очень непросто! Я на всякий случай зондирую почву, расспрашиваю людей – знакомых, незнакомых, в учреждениях, на улице, чтобы как-то помочь ему в поиске работы. Мы ни в коем случае не должны допустить, чтобы он уехал из Израиля!

АСЯ. Но он грозил тебе разводом!

ВЕРА. Ничего он сделать не сможет! Я припрятала все его документы! Главное, что нам удалось склонить его сделать обрезание! Никуда он теперь не денется!

АСЯ. Мама! Какая ты у меня умница! А когда папа будет дома?

ВЕРА. Ему вечером делают операцию бритмила. Если ничего неожиданного не случится, то скоро! (Подходит к двери и притрагивается рукой к мезузе). Как хорошо, что мы купили и прибили к двери мезузу! Наш будущий раб Арон будет доволен!

АСЯ. Вне всякого сомнения! (Оглядывает стол). Мама, на столе, кажется, у нас уже все есть!

ВЕРА. Поставь еще вино и бутылки с кока-колой на стол, а я сполсну и поставлю фужеры.

На столе появляются бутылки с вином, кока-колой и бокалы.

АСЯ. Мама, а про стулья мы опять забыли! Я пойду к соседям за двумя.

ВЕРА. Двух и наших четырех будет недостаточно!

АСЯ. Почему?

ВЕРА. Ты забыла про Арона! С ним будет семеро! Так что пойдем вдвоем за стульями!

Вера и Ася выходят из комнаты и вскоре возвращаются со стульями, которые тут же ставят около стола.

ВЕРА (оглядывая стол и комнату). Ну, теперь, кажется, ничего не забыли! Ася, как тебе нравится наша елочка? (Подходит к елочке и гладит ее).

АСЯ (также подходит к елочке и тербит ее ветки). Мама, елочка чудесная! Ты умеешь выбирать! Интересно, а как к ней отнесется Арон – без пяти минут раб? Ведь у евреев не принято встречать европейский Новый год, да еще с елкой! У них свой Новый год – Рош-Ашана, к тому же осенью!

ВЕРА. Да, я знаю. Что же нам делать?.. Придумала! Закроем елочку с дедом Морозом покрывалом, и во время беседы с Ароном о гиюрe попробуем его убедить, что мы недавно из России и привыкли

встречать Новый год зимой с елкой. А после беседы пригласим его остаться и вместе с нами и гостями встретить Новый год! Как?

АСЯ. Мама, ты у меня умница! Какие могут быть сомнения? Дай Бог, чтобы он согласился!

ВЕРА (достает из шкафа цветное покрывало и накидывает его на елку). Вот так! Кстати, мы с папой приготовили для Абрама и Марины новогодний подарок.

АСЯ. Какой, мама?

ВЕРА. Дело в том, что мы решили спасти для Абрама пианино, которое собиралась продать Марина.

АСЯ. Каким образом?

ВЕРА. Папа предложил мне сделать им денежный подарок в сумме 1000 шекелей, которой им не хватает для оплаты съемной квартиры.

АСЯ. Но это большие деньги! Где вы их взяли?

ВЕРА. Во-первых, мы привезли с собой кое-какие сбережения, во-вторых, мы с папой все-таки работаем!

АСЯ. Но он же объявил забастовку!

ВЕРА. Тогда я ему сказала, что если он будет бастовать, его предложение сделать денежный подарок будет невыполнимо. И ради Абрама папа выполнил мое условие и на следующий день прекратил забастовку и вышел на работу!

АСЯ. Я не сомневалась, что папа окажется такой молодец!

Звонок в дверь.

АСЯ. А вот и Арон (Подбегает к двери и открывает ее).

В дверях появляется Арон в той же одежде хабадского хасида, держа в левой руке сумку, тяжело дыша после быстрой ходьбы и ища глазами мезузу. Дотрагивается до нее правой рукой, после чего целует пальцы и входит в комнату.

ВЕРА. Добро пожаловать, Арон, добрый вечер, хаг sameах!

АСЯ. Барух аба! Хаг sameах! Мы ждем вас! (Добро пожаловать! С праздником!)

АРОН. Добрый вечер! Хаг sameах! Прежде всего поздравляю вас с появлением мезузы на косяке двери вашего дома. Надеюсь, вы купали ее там, где я вам советовал?

ВЕРА. Да, в магазине на улице Яффо.

АРОН. Это похвально! Теперь я вхожу в кошерный дом! Приношу извинение, что немного запоздал и заставил вас побеспокоиться. Снова задержался в синагоге!

АСЯ. Ничего страшного!

ВЕРА (показывая рукой на стол). Может, вы сначала закусите и попьете что-нибудь?

АРОН. Нет, спасибо! Сразу приступим к беседе о гиуре.

ВЕРА. Мы сегодня снова ждем гостей, тех же, кого вы видели у нас неделю назад.

АРОН. Помню, помню. Кроме Саши, согласились еще сделать бритмилу Абрам и Игорь. Во вторник они были в Раввинатском суде и успешно защитили свое еврейство. Как раз на сегодня им назначена операция! И вот, пока их нет, мы с вами поговорим о гиуре. Прошу вас садиться за стол, а мне будет удобнее беседовать с вами стоя.

Вера и Ася, гремя стульями, садятся за стол. Арон, положив сумку рядом с собой и стоя у края стола, принимает позу лектора.

АРОН (тоном лектора). Дорогие женщины! Еще раз приветствую ваше решение пройти гиур и стать полноправными еврейками! Вы живете в еврейской стране, и сам Бог велит вам принять иудаизм! Вдохновляющим живым примером для вас может служить легендарная моавитянка, историю яркой жизни которой вы наверняка читали в свитке Рут во время праздника Шавуот.

АСЯ. Читали и не один раз!

ВЕРА. Скажу больше: именно свиток Рут вызвал у нас желание стать еврейками!

АСЯ. Вот почему мы с мамой записались на курсы гиура!

АРОН. Это похвально! А вас пытались перед поступлением на курсы отговорить принять веру наших отцов?

ВЕРА. Да, пытались!

АРОН. И сколько раз?

АСЯ. Два раза, но мы с мамой остались при своем убеждении, что должны пройти гиур!

АРОН (решительно). Однако, два раза – это недостаточно! Положено отговаривать три раза!

ВЕРА (переглядываясь с Асей). А зачем?

АСЯ (переглядываясь с Верой). Вроде, ни к чему...

АРОН (еще более решительно). В том-то и дело, что к чему! Е

свитке Рут написано, что ее свекровь Наоми трижды отговаривала Рут перейти в иудаизм!

ВЕРА. Но Рут каждый раз отвечала: "Твой народ будет моим народом, а твой Бог – моим Богом!"

АРОН. Да, это так! И все-таки мой долг попытаться отговорить вас от прохождения гиюра в третий раз! (Страстно). Дорогие женщины, я призываю вас, пока не поздно, отказаться от перехода в иудаизм! Это очень ответственный шаг в вашей жизни, который потребует от вас напряжения всех духовных и физических сил в исполнении взятых на себя перед Богом обязательств! Это вериги, которые вы добровольно надеваете на себя, чтобы идти к Богу единственно правильной дорогой! Вы должны быть готовы к тому, что ваш выбор могут не понять и даже осудить ваши родные, близкие, друзья, знакомые и даже соседи. Принимая нашу веру, вы как бы даете клятву верности еврейскому народу, его идеалам, заповедям, религиозным и нравственным ценностям! Иудаизм предполагает свободу воли и отсутствие какого-либо насилия в готовности взвалить на себя тяжелое бремя еврейства! Вы не боитесь этого?

ВЕРА, АСЯ (вместе). Нет, не боимся!

АРОН. И никогда не будете жалеть о сделанном вами выборе?

ВЕРА, АСЯ (вместе). Никогда!

АРОН. Ну, что же, поскольку вы уже в третий раз настаиваете на своем, то ваш гиюр можно считать истинным и искренним, с чем вас и поздравляю!

ВЕРА, АСЯ (вместе) Спасибо!

АРОН. Вы, дорогие женщины, относитесь к той категории георов, которые вступили или собираются вступить в брак с евреями и сделали свой выбор как по идеологическим, так и по личным мотивам. Вам предстоит пройти десятимесячный курс гиюра, а течение которого вас ожидают два собеседования, а в конце – ответственный экзамен в Раббануте!

ВЕРА. Мы уже приступили к занятиям и внесли по 150 шекелей за учебу.

АРОН (страстно). Это похвально! По окончании курса гиюра вы осуществите связь Бога со своей душой через искреннее желание и веру. Однако в тело входит лишь часть вашей святой души, а другая часть ждет другого времени, чтобы завершить свое странствие по миру и добиться совершенства!

ВЕРА (переглядываясь с Асей). Вот как!

АСЯ (переглядываясь с Верой). Довольно премудро!

АРОН. Наша Тора и книги наших пророков и мудрецов – это кладь еврейской мудрости!

БЕРА. Но у нас к вам, Арон, есть вопросы. Можно задать?

АРОН. Сколько угодно! И мой долг – ответить на любой ваш вопрос!

БЕРА. Нас с Асей вот что волнует. Мы много слышали о том, что при прохождении гиюра люди сталкивались с бюрократическими и прочими препятствиями, что затрудняло их переход в еврейство.

АСЯ. А то и вовсе закрывало к нему путь! Как с этим быть?

АРОН (страстно). Следует признать, что откровенно презрительное и хамское отношение к репатриантам, желавшим пройти гиюр, которое наблюдалось в течение 10-15 лет, не прошло бесследно. Оно оставило травму в русскоязычной общине. И если мы действительно хотим решить великую национальную задачу приобщения нееврейских членов семей к нашему народу, то нам следует развернуть мощную разъяснительную кампанию. Надо объяснить людям, что ситуация изменилась, и прежние неоправданные проволочки остались позади! Я лично прослежу за тем, чтобы на своем пути к еврейству вы не встретили никаких препятствий!

БЕРА. Мы можем быть спокойны?..

АСЯ. И уверены на этот счет?

АРОН (страстно). Вне всякого сомнения! Обещаю вам свою личную гарантию!

АСЯ. Еще вопрос. Мы должны исполнять все 613 заповедей, записанных в Торе?

АРОН. Это было бы идеально! Но мы не требуем от проходящих гиюр немедленного соблюдения всех мицвот. Между прочим, мицва означает доброе дело, и надо следить не за количеством, а за качеством их исполнения! Особо следует обратить внимание на кашрут в вопросах еды и одежды!

БЕРА. От свинины мы отказались еще до выезда в Израиль!

АСЯ. А здесь мы перестали смешивать молочное и мясное!

АРОН. Это похвально! А как в отношении одежды? На Асе я вижу открытую блузку и брюки! Между тем, Тора запрещает женщинам надевать мужскую одежду и призывает их одеваться скромно, прикрывая голову, локти и колени!

АСЯ. Отчего такая строгость?

АРОН (страстно). Причина – в слабости мужчин к прекрасному полу! Нельзя переходить грань между красивой и соблазнитель-

ной девушкой! Признаюсь, глядя на вас, Ася, я испытываю сильное смущение!

АСЯ. Вот как? А как же молодежная мода?

АРОН. У религиозной женщины свои законы моды! Она должна быть уникальной и выглядеть, как королева! Вера! Вы можете быть живым примером для своей дочери!

ВЕРА. Спасибо за комплимент! Но у меня имеется к вам еще один вопрос. На засыпку!

АРОН. Пожалуйста! Меня засыпать трудно. Какой?

ВЕРА. Сегодня вечером наступает исход праздника Ханука и одновременно приходит Новый год. Мы в России так привыкли встречать его зимой с елкой и Дедом Морозом! Арон, вы не будете против, если у нас сегодня будет зеленая елка с дедом Морозом под ней?

АРОН (задумавшись и почесывая голову рукой). Да, действительно, вопрос сложный. На засыпку. Вы знаете, как относится ко всем этим зеленым елкам еврейская традиция?

АСЯ. Знаем. Отрицательно. Но, может, вы сегодня сделаете для нас исключение и разрешите встретить Новый год с зеленой елкой в последний раз?

ВЕРА. Вспомните, что вы сами, живя в России, и в детском саду, и в школе, и на работе торжественно отмечали Новый год вместе с елкой и Дедом Морозом!

АРОН. Не отрицаю! Было такое! Но что было, то прошло и быльем поросло! Поймите, что зеленая елка – это пережиток прошлого, пережиток древних языческих времен, который каким-то чудом сохранился в коммунистической России! Разве евреи могут поклоняться какой-то зеленой елке и Деду Морозу? Мы поклоняемся только нашему единому Богу, да благословен он!

Звонок в дверь.

АРОН. Я слышу звонок. Кто это?

ВЕРА. Это, наверное, наши мужчины.

АСЯ (вскакивая из-за стола). Конечно, мужчины! Кто же еще? (Бежит открывать дверь).

В комнату входят Саша, Абрам и Игорь. Все они в хорошем настроении, держат в руках цветы и в кипах на голове.

САША. Добрый вечер, Арон! Хаг самаех! (Вручает Вере цветы и целует ее). С Новым годом, Верочка!

АБРАМ. Добрый вечер! С праздником! С Новым годом!

АРОН. Хаг sameах!

ВЕРА. А где Марина?

АБРАМ. Сразу после операции мы позвонили ей, сообщили о бритмиле и попросили не ждать нас, а сразу иди к вам. Эти цветы для нее!

ИГОРЬ. Хаг sameах! (Протягивает Асе цветы). А эти цветы для тебя! С Новым годом! Можно поцеловать?

АСЯ (принимая цветы и целуя Игоря). Теперь можно!

АРОН (тожественно). Дорогие Саша, Абрам и Игорь! Поздравляю вас со знаменательным днем в вашей жизни! Сделав сегодня бритмилу, вы выполнили одну из самых главных заповедей нашего патриарха Авраама и заключили непосредственный союз с самим Богом! Теперь...

Звонок в дверь.

АРОН. Еще кто-то пришел!

ВЕРА. Быстрее всего, Марина!

АСЯ (бежит открывать дверь). Конечно, она! Кто же еще!

В комнату влетает, запыхавшись от бега и держа в правой руке торт, Марина.

МАРИНА (ставя на стол торт, Игорю, гневно) Как ты смел без моего ведома сделать обрезание?! Разве я тебе давала разрешение?! (Хватаясь руками за голову). Поставить родную мать перед свершившимся фактом! Как это можно? Какой ужас! Какая трагедия!

АРОН (Марине). Во-первых, добрый вечер! Хаг sameах!

МАРИНА (кричит). Для меня никакой не добрый вечер! Это самый черный день в моей жизни!

АРОН. Во-вторых, никакой трагедии не произошло! Ваш сын, сделав бритмилу, стал полноценным евреем и заключил Союз непосредственно с Господом Богом!

МАРИНА (кричит). Зачем ему этот союз? Он и без союза с Богом мог бы прекрасно прожить! (Игорю). Сыночек, скажи, как ты себя чувствуешь после операции? Ведь тебя лишили края плоти, чего я больше всего боялась! (Асе). Это ты во всем виновата! Ты!

ИГОРЬ. Мама, ты напрасно волнуешься и обвиняешь Асю. Она

тут не причем! Это мое собственное решение, согласованное с папой! А чувствую я себя превосходно!

МАРИНА. Не верю! (Абраму). Это ты склонил нашего сына к обрезанию (падает на стул). Мне плохо! Воды! Воды!

АБРАМ. Марина, что с тобой? Я же тебе цветы принес!

ВЕРА (подбегает к Марине и пробует ее пульс). Ася, срочно стакан холодной минеральной воды! (Арону). Я, как врач-терапевт знаю, что делать!. Думаю, что это обморок. Марина, успокойтесь! (Протягивает принесенный Асей стакан). Прежде всего, попейте воды! Теперь, Ася, срочно Марине подушку под голову, стул для ног и холодное полотенце на лоб! (Ася быстро придвигает стул, приносит подушку и мокрое полотенце). Вот так! (Кладет подушку под голову Марины, мокрое полотенце на лоб и ноги на стул). А теперь измерим количество сахара в крови и давление. Так, сахар как у страдающей диабетом и давление в пределах нормы. Значит, это не инфаркт, а обыкновенный обморок от повышенного волнения. Сейчас пройдет!

МАРИНА (слабым голосом) Кажется, лучше.

АБРАМ (суетясь возле Марины). Марина, дорогая, как это могло случиться? Как ты? Я хочу вручить тебе цветы!

ИГОРЬ (также суетясь возле Марины). Мама! Мамочка! Как твое самочувствие? Ты напрасно переволновалась! Ничего страшного не произошло!

САША. Надо же, чтобы случилось такое несчастье! Вера, вся надежда на тебя!

АРОН. И на Бога!

МАРИНА (открыв глаза и слегка приподымаясь). Что со мной? Где я?

Все громко зааплодировали.

ВЕРА. Марине становится лучше!

АБРАМ (подходит к Марине и кладет ей на руки цветы). С выздоровлением, дорогая! С наступающим Новым годом!

МАРИНА (более уверенным голосом, прижимая цветы к груди). А что со мной было? Мне намного лучше. Я хочу подняться! Помогите!

Абрам и Игорь с обеих сторон помогают Марине встать на ноги. Она делает несколько шагов по комнате, держа в руках цветы.

ИГОРЬ (поддерживая Марину за руку). Мама, как я рад, что ты вновь можешь ходить!

МАРИНА (Игорю). Как ты мог обмануть родную мать!

ИГОРЬ. Так получилось! Я не хотел!

МАРИНА. И как ты теперь будешь жить без края плоти?

ИГОРЬ. Не волнуйся! Еще лучше! Мне мозль сказал, что обрезание благотворно сказывается на здоровье мужчины!

АБРАМ. А мне он сказал, что женщины останутся довольны!

Всеобщий смех.

МАРИНА. Это мы еще посмотрим!

АРОН. Мозль, мой добрый приятель, знает, что говорит! Кстати, Марина, вы напрасно так переволновались. Обрезание не совсем точное название того, что делает мозль. На самом деле он не обрезает крайнюю плоть, как арабы, а только надрезает ее, полностью сохраняя.

МАРИНА (более сильным голосом). Значит, крайнюю плоть Игорю не удалили, а только надрезали?

ИГОРЬ. Именно так, мама. Мою крайнюю плоть оставили в полной сохранности!

Всеобщий смех.

МАРИНА. Какое счастье! Значит, я действительно зря волновалась! Дай я тебя обниму и поцелую, сынок! (Обнимает и целует Игоря).

АБРАМ. Ну вот, дорогая, теперь видишь, что ничего страшного не произошло! Да и тебе сейчас значительно лучше!

САША. Арон, спасибо вам, что помогли нам в Раввинатском суде доказать свое еврейство!

АРОН. Я считал это своим святым и прямым долгом!

АСЯ. Папа, ты нам до сих пор так и не рассказал толком, как это происходило!

САША (смеясь). Как происходило? Довольно смешно. Наступает моя очередь и, я не чуя под собой ног, вхожу в зал судебных заседаний вместе с Абрамом, как свидетелем, и Ароном, как переводчиком, а Игорь остался ждать своей очереди в коридоре. Ну, я, естественно, представляюсь, Арон переводит на иврит, отвечаю на дежурные вопросы: где родился, когда, кто родители, что кончал, какая профессия, когда прибыл в Израиль, семейное положение и прочее. А за столом сидят три долговязых еврея-рава с длинны-

ми бородами, в черных шляпах, переглядываются, перешептываются между собой, просматривают мои документы – метрики мои и моих родителей. Тут один из них спрашивает меня: "Идиш знаете?". "Конечно, знаю!". И сразу произношу заранее приготовленную с помощью Абрама идишскую фразу. Другой вдруг спрашивает: "Читали ли вы Тору?" – "Конечно, читал! – отвечаю и тут же наизусть читаю на иврите самое начало Берешит: "В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была пуста и хаотична, и тьма над бездною, и дух Божий витал над водою". "Тов!" (Хорошо!), - говорит третий рав-судья и спрашивает: "Есть ли у вас свидетели, которые могли бы подтвердить, что вы еврей?". "Конечно, есть", - отвечаю, показывая на Абрама, - вот Абрам, сидит перед вами. И тут же вопросы к Абраму...

АБРАМ (подключаясь к рассказу). Обычные вопросы-ответы, касающиеся моей биографии. Потом спрашивают: "А как давно вы его знаете?". "Очень давно, - отвечаю, - с пеленок. И в его младенческом взгляде уже читалось неосознанное стремление к Богу". Все три рава одобрительно закивали бородами и попросили подождать в коридоре. (Всеобщий смех). Наступает моя очередь, и я снова вхожу в зал суда в сопровождении Саши и Арона. У равов глаза на лоб полезли: "Вы только что были!". Да, был, но в качестве свидетеля, а теперь буду в качестве ответчика. Вопросов-ответов было, понятно, поменьше, и свидетелем, кроме Саши, согласился быть наш многоуважаемый будущий рав Арон.

АРОН. Да, сам Бог велел мне быть свидетелем по делу Абрама, поскольку мы с ним немного знакомы по Симферополю, и он слушал мои лекции в музыкальной школе. Правда, один из судей неожиданно задал мне вопрос, о чем были эти лекции, чем поставил меня в весьма щекотливое положение. Я шепнул Абраму, что мне ответить?..

АБРАМ (улыбаясь). И я тут же придумал, а Арон перевел на иврит, что его лекции помогли мне уверовать в существование Бога. Равам этот ответ очень понравился, они одобрительно закивали бородами и пригласили в зал суда Игоря.

Всеобщий смех.

ИГОРЬ. Да, было такое дело. Но меня после папы долго не муржили, только задали два вопроса.

МАРИНА. Какие, сыночек?

ИГОРЬ. Почему на раввинатский суд не пришла мама?

МАРИНА. И как ты ответил?

ИГОРЬ. Сказал, что ты на работе.

МАРИНА. Правильно сказал, молодец!

ИГОРЬ. И еще спросили, готов ли я выполнить заповедь об обрезании?

МАРИНА. И как ты ответил?

ИГОРЬ. Как учили юных пионеров: будьте готовы – всегда готовы!

МАРИНА (в отчаянии). Я этого не перенесу! И как ты добрался после этой бритмилы сюда, в гостиницу? Вы с папой взяли такси?

АБРАМ. Зачем? Мы с Игорем и Сашей прекрасно добрались сюда пешком! Это отсюда не так далеко!

МАРИНА (кричит). Пешком? Вы что, с ума сошли! После операции пешком? Вы же рисковали жизнью!

ИГОРЬ. Мама, опять ты напрасно волнуешься! Как видишь, остались живы!

ВЕРА. Наши мужчины – молодцы!

АСЯ. В этом нет никакого сомнения!

АРОН. Да, они настоящие герои, и я предлагаю за их бритмилу поднять тост!

ВЕРА. Тогда я приглашаю всех к столу, а Саша откроет бутылку и разольет вино!

Все, шумно двигая стульями, садятся за стол.

АРОН (вставая с места). Прежде, чем сказать тост, я хочу вам напомнить, что сегодня вечером исход чудесного праздника Ханука, в честь которого мы зажигали поочередно восемь дней ханукальные свечи. Это был наш праздник чуда, которого удостоил Господь еврейский народ в дни Маккавеев!

АБРАМ. Арон, не только тогда, но и сейчас происходят чудеса! Например, у нас дома до сих пор горят и не затухают ханукальные свечи, которые я зажигал в течении Хануки. Скажите, разве это не чудо?

АРОН. Не может быть! Хотя и похоже на чудо! Кто-то еще может подтвердить это?

МАРИНА. Да, я обратила внимание, что свечи горят днем и ночью, но мне было не до них!

САША. Будучи в воскресенье в гостях у Абрама, я видел соб-

ственными глазами, как горели свечи, зажженные им в три предыдущих вечера!

ИГОРЬ. И я могу подтвердить, что это действительно так!

АРОН (не скрывая изумления). Хотя в это верится с трудом, остается допустить, что и в наше время продолжают происходить чудеса! Но праздник Ханука, праздник огня и света, увы, подходит к концу, и я рад отметить, что он не прошел для наших мужчин бесследно. Что именно в эти дни они выполнили одну из важнейших заповедей иудаизма, сделав бритмилу, и тем самым исполнили мицву – заключили вечный и нерушимый союз с Господом Богом! Они совершили настоящий духовный подвиг, своим героическим поступком подтвердив богоизбранность еврейского народа. Подчинив себе низкий материальный мир, они вступили в высший духовный мир ритуальной чистоты и непоколебимой веры! Я от души поздравляю вас, дорогие Саша, Абрам и Игорь с бритмилой и желаю, чтобы вы не останавливались на достигнутом, а как полноценные евреи шли дальше дорогой к нашему Богу. (Чокается и одним махом опрокидывает бокал вина и садится за стол).

Все дружно чокаются и выпивают бокалы.

БЕРА. Прошу належь на еду, особенно на оладьи и пончики, так как сегодня праздник кончается!

АРОН (поднимается с места и наливает в бокал вино). Разрешите мне еще поднять и выпить тост вообще за еврея! В одной из пьес Горького есть знаменитая фраза: «Человек – это звучит гордо!»

САША. Да, в пьесе «На дне». Я ее не один раз произносил, когда играл Сатина.

АРОН (торжественно). Вслед за Горьким я ее повторю иначе: «Еврей – это звучит гордо!». Почему? Потому что еврей – это светоч всего прогрессивного человечества! Пожалуй, никто так глубоко и замечательно не сказал о еврее, как великий русский писатель Лев Толстой! (Вынимает из кармана листочек). Послушайте (страстно): «Еврей – это святое существо, которое добыло с неба вечный огонь и просветило им землю и живущих на ней. Он – родник и источник, из которого все остальные народы почерпнули свои религии и веры. Еврей – первооткрыватель культуры... Еврей – первооткрыватель свободы. Даже в те времена, когда народ делился на два класса, на господ и рабов, Моисеево учение запрещало держать человека в рабстве более шести лет. Еврей – символ гражданской

и религиозной терпимости. Еврей – символ вечности... Я пью за великий, многострадальный и богоизбранный еврейский народ! (Чокается и залпом выпивает бокал).

Все дружно аплодируют, чокаются и выпивают бокалы. Арон садится за стол.

САША. Получается, что надо ждать еще шесть лет, чтобы нас освободили от рабства? Я с этим категорически не согласен!

Всеобщий смех.

МАРИНА. А как насчет антисемитизма? Именно из-за него мы уехали из родного Симферополя!

АРОН. Антисемитизм был, есть и будет! Он существует для того, чтобы мы не забывали, что мы евреи! Недаром великий Альберт Эйнштейн сказал, что антисемитизм – это тень еврея! Вот почему великий Теодор Герцль еще в конце 19 века пророчески предсказал возрождение еврейского государства, - чтобы спасти еврейский народ от антисемитизма и окончательного исчезновения! И, начиная с 1948 года, под бело-голубые знамена сионизма в Израиль стали стекаться тысячи евреев со всех концов света!

АБРАМ. Да, где только нет нашего брата! Даже в Африке нашли, в Китае, Индии, Гималаях, Бирме. Я уж не говорю о России, Америке, Европе! Слышал, что даже где-то на Канарских островах откопали одного еврея-аборигена!

Всеобщий смех.

АРОН. В этом ничего удивительного нету! Ведь евреи после разрушения двух наших храмов были рассеяны по всему свету! То тут, то там находят остатки десяти пропавших колен израилевых!

САША. А что тут хорошего, когда на маленьком клочке земли собирается такое громадное количество евреев! А у каждого Абрама своя программа! Так, Абрам?

АБРАМ. Так! У меня, например, имеется обширная программа по абсорбции евреев из бывшего Советского Союза! Я ее уже отправил в наш Кнессет на утверждение.

Всеобщий смех.

САША. У меня эта абсорбция (показывает на шею) вот где висит! Никто лучше по этому поводу не сказал, как наш великий поэт Игорь Губерман:

В отъезды кинувшись поспешно,
Евреи вдруг соображают,
Что обрусели так успешно,
Что их евреи раздражают.

Всеобщий смех.

ИГОРЬ. Можно подать реплику тезке Игоря Губермана?

АРОН. Подавайте! Мы живем в демократической стране!

ИГОРЬ. Такой вопрос. Нас, евреев, собрали, как вы правильно сказали, со всех концов света здесь, на земле Обетованной, чтобы сварить в едином культурном котле. Скажите, пожалуйста, Арон, а что общего между мной – евреем из бывшего Советского Союза и, предположим, евреем из Эфиопии?

АРОН. Да, вопрос сложный... Что может быть общего?.. (Радостно). Но есть то, что нас объединяет! Это вера в нашего единого Бога и еженедельная встреча царицы Субботы!

ВЕРА. Верно! Очень логично!

АСЯ. Так оно и есть!

АРОН. Живя в стране Израиля, мы тем самым выполняем одну из главных Божественных заповедей, если хотите, мицву – доброе дело! Ведь земля Израиля – это как бы дворец Всевышнего, где с ним осуществляется наиболее тесная, близкая связь!

САША. Все это прекрасно, и все-таки я не хотел бы жить в стране, где я не могу заниматься своим профессиональным делом – актерским искусством. Так что, Вера, и ты, Ася, как хотите, а я после Нового года думаю взять билет и махнуть обратно в Ростов. Когда перед отъездом в Израиль я прощался с коллективом своего театра, мне и директор, и актеры сказали, что, если я надумаю вернуться обратно, они снова возьмут меня в театр.

МАРИНА. Я тоже подумываю отчалить отсюда!

ВЕРА (поднимаясь с места). Что это ты надумал, Саша? Куда это ты собрался? А вот мы с Асей тебя никуда не пустим! Нам и в Израиле хорошо! Мы тебе перегордим дорогу!

АСЯ (Также поднимаясь с места). Папа, ты никуда не поедешь! (Взявшись с Верой за руки, встает с нею у двери).

ВЕРА. А если нет работы в театре, можно поменять профессию! Так многие делают в Израиле. Хочешь – страховым агентом, хочешь – рекламным агентом, хочешь – агентом по продаже и съему квартир! Выбор большой!

САША. Что ты говоришь, Вера! Какой из меня агент? Да и после Тихонова в роли Штирлица агента будет играть весьма трудно!

Всеобщий смех.

МАРИНА (кричит). Совсем забыла, Саша! Тебе просила передать записку моя хозяйка Мирьям! (Вынимает из кармана и протягивает Саше записку).

САША (не скрывая удивления, принимает и рассматривает записку). Записку? От самой Мирьям? С какой это стати? Да она на иврите! (Давая записку Асе). Ася, переведи, милая, в этом иврите я ни черта не смыслю!

АСЯ (взяв записку, просматривает ее). Ага, понятно! Очень любопытно! Слушайте! (Переводит вслух). Уважаемый Меир!

АРОН. Какой Меир?

МАРИНА. Это долгая история! Саша пришел к моей хозяйке под именем Меира и под видом пьяного хама из Гистадрута, чтобы потребовать заплатить мне долг за работу бекисистер! Он так смешно изобразил нахала-пьяницу, что я еле сдерживала себя от смеха!

САША (смеясь). Было дело! Сцена под кодовым названием «Волшебная сила искусства». Ася, извини, что перебили, читай!

АСЯ (переводит вслух). Уважаемый Меир! Я глубоко сожалею, что вовремя не заплатила Марине за две недели работы бекисистер. Я действительно была в очень затруднительном положении, так как мы с мужем собирались сделать срочные покупки для ребенка. Будучи сама по профессии актрисой, я потом поняла, что вы большой артист и прекрасно сыграли роль пьяного представителя Гистадрута. Зная, как трудно попасть в израильский театр без знания иврита, я хотела бы помочь вам с трудоустройством по специальности. В одном из городов Северного Негева директором матнаса работает мой брат Йосеф, и я спросила, не мог ли он открыть при матнасе театральный кружок и принять вас на работу в качестве его руководителя. Там вы могли бы учить театральному искусству русскоязычных детей и подростков и ставить несложные спектакли. Он сказал, что это вполне реально. Заодно я попросила брата помочь устроиться на работу преподавателем в местную консерва-

торию мужа Марины Абрама. Сообщаю вам сотовый телефон брата, и напишите мне в записке, согласны ли вы с Абрамом принять эти предложения? С глубоким уважением – Мирьям!» (Громко). Папа, ура! Тебе предлагают работу по специальности!

САША (вскакивает с места и целует Веру и Асю). Конечно, согласен! О таком предложении можно было только мечтать! Но я чувствую себя ужасно неловко перед ней! Я ей говорил, не в конюшне ли она воспитывалась, называл ее дурой стоеросовой, змеей, жабой, стервой, сучкой, посылал к черту! Мне так неудобно!

ВЕРА. Саша, а о чем я тебя просила?

САША. Виноват! Переусердствовал! Ася, напиши Мирьям в записке, что я прежде всего приношу ей самые глубокие извинения за грубые, неприличные выражения. Что я ей чрезвычайно благодарен за лестное предложение и принимаю его. Абрам, как ты?

АБРАМ. Конечно, принимаю! Преподавать в консерватории – это верх моих желаний. Марина, дай я тебя расцелую на радостях! (Обнимает и целует Марину).

МАРИНА (целует Абрама). Поздравляю! Наконец ты почувствуешь себя человеком!

ИГОРЬ. Папа, а ты знаешь, что консерватория в Израиле – совсем другое, чем в России? Здесь так называются музыкальные школы.

Всеобщий смех

АБРАМ. Вот как? И все равно – преподавать в музыкальной школе немного приятнее, чем подметать улицы! Пусть Ася напишет Мирьям, что я также принимаю ее предложение и благодарю за него!

АСЯ. Хорошо!

САША (Асе). И в конце обязательно сделай приписку, что Меир – это придуманное имя, а мое настоящее – Саша.

АСЯ. Обязательно напишу!

ВЕРА (Саше). Надеюсь, Саша, ты теперь оставишь мысль развестись со мной и покинуть Израиль!

АСЯ (хлопая в ладоши). Bravo! Папа останется с нами!

САША (радостно). Какой может быть развод, дорогая! Зачем мне Ростов, если в Израиле я смогу создать свой театр? Может, мне удастся реализовать здесь свою давнюю мечту поставить и сыграть пьесу Горина «Счастливых и Несчастливых»!

АБРАМ. Ту самую, в которой я тебе подыгрывал в роли Несчастливцева?

САША. Ту самую! И мы продолжим наши репетиции в Негеве! Неужели я на самом деле стану Счастливым?

АБРАМ. А мне, видимо, на роду написано быть Несчастливым!

Всеобщий смех.

АРОН. Я так радуюсь за вас, Саша и Абрам. Такое ощущение, что присутствую при рождении чуда! Ханукального чуда!

ВЕРА. Саша, а теперь я хотела бы кое-что уточнить. Любовь к театру у тебя по-прежнему на первом месте, а любовь ко мне на втором?

САША (задумавшись). Не ожидал этого вопроса... Вера, я одинаково сильно люблю и театр, и тебя!

ВЕРА. А я ведь теперь не возражаю против развода и готова развестись с тобой хоть сейчас!

САША (подбегает к Вере и встает перед ней на одно колено). Верочка, дорогая, не делай этого. Отныне ты для меня на первом месте, а театр на втором!

ВЕРА. Почему?

САША. Потому что любовь к тебе питает мою любовь к театру!

ВЕРА (улыбаясь и глядя на Асю). Что же, тогда я свое решение о разводе отменяю!

АСЯ. И я без сомнения поддерживаю решение мамы!

АРОН. Еще одно чудо: спасена от разрушения семья!

Все дружно аплодируют.

ВЕРА. А где мы будем жить в Негеве? Как там с жильем?

МАРИНА (доставая письмо из другого кармана). Подождите, у меня есть еще одно письмо. Я его достала из почтового ящика, когда выходила из дома, и еще не успела посмотреть, от кого!

АБРАМ (с удивлением). Письмо? Нам? Может, из Симферополя?

МАРИНА (разглядывая письмо). Нет, на конверте ивритские, а не русские буквы!

ИГОРЬ. Мама, дай мне взглянуть на письмо. Это интересно! (Получает из рук Марины письмо и просматривает конверт, громко). Да вы знаете, от кого это письмо?

МАРИНА. От кого же, сынок, скорей!

ИГОРЬ. От президента страны! Из его канцелярии на улице Жаботинского!

МАРИНА. От самого президента?!

САША. Трудно поверить!

ВЕРА. Значит, есть в этом мире Бог!

АСЯ. Вне сомнения, мама! Есть!

АРОН. Кажется, мы присутствуем при рождении еще одного ханукального чуда!

АБРАМ. Я хочу раскрыть вам маленький секрет. Дело в том, что мы с Сашей решили объявить бессрочную забастовку и послать письмо президенту страны с нашими требованиями. Честно говоря, мы не ожидали, что ответ придет так быстро! Переведи, Игорек, что же нам ответил президент?

ИГОРЬ (слегка запинаясь, читает письмо, переводя его с иврита на русский). «Профессору музыки Абраму... заслуженному артисту России Саше...»

Всеобщий смех.

МАРИНА (Абраму). Опять ты профессором сделался! Когда же ты перестанешь смешить людей?!

АБРАМ. Не сердись, дорогая! Звание нужно для придания веса, для солидности!.. Продолжай, Игорек, дальше!

ИГОРЬ (снова читает письмо). Профессору музыки Абраму... заслуженному артисту России Саше... Канцелярия президента Израиля сообщает вам, что нами получено ваше письмо и по поручению президента мы посылаем вам следующий ответ. Президенту известно, что многие олим хадашим из бывшего Советского Союза вынуждены временно работать не по специальности. Мы не ожидали такого огромного потока алии и признаем, что страна не была вполне готова к ее приему. Мы находим ваши требования, касающиеся повышения заработной платы, улучшения условий труда, обеспечения всех прибывших в Израиль работой по специальности и государственным жильем вполне справедливыми, но требуется еще время и терпение, чтобы постепенно решить эти проблемы. (От себя, смеясь). Вот они – знаменитые израильские совланут и леат-леат!

Всеобщий смех.

ИГОРЬ (продолжает читать письмо). Однако уже сейчас имеется возможность получить амидаровские квартиры в городах Северного Негева, где ведется большое жилищное строительство. Обратитесь с этим письмом в городской отдел абсорбции Иерусалима, где вам подскажут, как оформить документы на получение жилья. Хаг Ханука sameах! С глубоким уважением». И далее подпись начальника канцелярии президента.

Все дружно аплодируют.

ВЕРА. Саша, ура! Так мы заодно решим и жилищную проблему! В ближайшие дни идем в городской отдел абсорбции и оформляем документы на получение жилья в том городе Негева, где ты будешь вести театральный кружок!

АСЯ. Мама, что же, нам придется уехать из Иерусалима? Как это грустно!

ВЕРА. Конечно, грустно. Зато мы будем жить в дешевой и просторной амидаровской квартире, а ты, Саша, будешь работать по специальности!

САША. Мечта поэта!

АБРАМ (Марине). Видишь, дорогая, не зря мы написали письмо президенту. Сразу решили две проблемы: работы по специальности и государственного жилья. Ведь оно намного дешевле, чем съемная квартира в Иерусалиме!

АРОН Bravo! Еще одно ханукальное чудо!

МАРИНА. Воистину, чудо! Теперь я вижу, что Бог все-таки есть на свете! Я так рада! А то мы платили бешеные деньги за съем и потонули в долгах. И все же, Абрам, нам придется продать пианино, чтобы заплатить за съем в этом месяце!

АБРАМ (хватаясь за голову, в отчаянии). Марина, дорогая, может, подождем? Я просто не представляю, как буду жить без пианино! Ведь мне еще надо доучить первый концерт Чайковского! Это мечта всей моей жизни!

САША (Марине). Пианино не понадобится продавать. Мечта на то и дается человеку, чтобы ее осуществлять! Мы вот посоветовались с Верой, изыскали свободные деньги в нашем семейном бюджете и (протягивает Марине чек) хотим вам вручить в качестве ханукального и новогоднего подарка чек на тысячу шекелей. Эта сумма как раз соответствует продажной цене вашего пианино.

Все дружно аплодируют.

МАРИНА (принимая чек). Я и не знаю, как вас благодарить! До конца жизни будем вам обязаны!

САША (машет рукой). Не за что!

АРОН. Еще одно ханукальное чудо!

АБРАМ (обнимая Сашу). Спасибо, дружище! Родина тебя не забудет! Ты спас от продажи мое любимое пианино, которое я уже не чаял видеть! В Негеве я доучу концерт Чайковского и приглашу всех вас на свой концерт в местной консерватории! А сейчас представьте себе, как я играю начало первого фортепианного концерта Чайковского! (Садится за стол и изображает игру на пианино).

На время все погружаются в торжественные звуки начала первого концерта Чайковского.

МАРИНА (по окончании музыки обнимая и целуя Абрама). Я никогда не сомневалась, дорогой, что ты великий музыкант! И ты действительно заслуживаешь профессорского звания!

ИГОРЬ. Папа, ты музыкальный гений!

АСЯ. В этом нет никакого сомнения!

Все дружно аплодируют.

ВЕРА. Будем с нетерпением ждать вашего концерта в Негеве!

МАРИНА (тяжело вздыхая). Не знаю, доживу ли я с моим диабетом до концерта. Замучил окончательно! Неужели медицина до сих пор ничего не придумала, как помочь бедным больным?!

ВЕРА (радостно). У меня для вас есть приятная новость!

МАРИНА. Какая?

ВЕРА. Я на днях, как обычно, просматривала приложение «Здоровье» к газете «Новости недели» и прочитала очень важное сообщение, что для лечения больных диабетом совсем недавно стали использовать инсулиновую помпу, которая вшивается в тело человека и посредством специальной компьютерной программы фиксирует количество сахара в организме, автоматически регулируя поступление инсулина в кровь.

МАРИНА. Вера, как ты меня обрадовала этим сообщением! Это как раз то, что мне надо! А куда я должна обратиться? Это сложно - получить такую помпу?

ВЕРА. Очень просто. Вы идете в свою больничную кассу к своему лечащему врачу, берете у него направление в больницу, и там вам вшивают помпу. При этом вам это ничего не будет стоить! Все расходы на себя берет больничная касса!

МАРИНА (обнимая и целуя Веру). Спасибо вам, Верочка, за такую чудесную новость! Теперь этот проклятый диабет перестанет мучить меня!

АРОН. Еще одно ханукальное чудо!

АБРАМ (обнимая и целуя Марину). Теперь, дорогая, ты не будешь агитировать нас уехать из Израиля?

МАРИНА (радостно). Да, теперь Израиль меня вполне устраивает! А вам, Вера, я желаю как можно скорее устроиться на работу врачом!

ВЕРА. Спасибо, Марина, за добрые пожелания! Но скоро сказка сказывается и не скоро дело делается! Однако вы все можете поздравить меня с окончанием трехмесячного медицинского университета!

Все дружно аплодируют.

АРОН. Еще одно ханукальное чудо!

САША (обнимая и целуя Веру). Я и не знал этого! От души поздравляю!

ВЕРА. Это мой новогодний сюрприз!

АСЯ (обнимая и целуя Веру). Mamочka, поздравляю! Молодец!

ВЕРА. Но это только начало! Еще предстоит учеба на курсах подготовки врачей-репатриантов со стажем не менее 14 лет, полугодовая стажировка под руководством врача-специалиста в больнице, устный экзамен по всем медицинским вопросам, и только через год-полтора после него, в случае успешной сдачи, министерство здравоохранения дает «ришайон-авода», то есть, разрешение на работу врачом в Израиле!

АРОН. В таком случае мы желаем вам успешно пройти через все этапы до заветной цели, и да поможет вам Бог!

ИГОРЬ (взяв за руку Асю и выйдя с ней на середину комнаты). А вы нас с Асей тоже можете поздравить!

МАРИНА. С чем, сынок?

АСЯ. На днях после успешной сдачи экзаменов по ивриту и математике нас приняли на курс мехины!

Все дружно аплодируют.

МАРИНА (обнимая и целуя Игоря). Сыночек дорогой, поздравляю!

АБРАМ (обнимая Игоря). От души поздравляю! Молодец! Не подкачал!

АРОН (радостно). Еще одно ханукальное чудо!

ИГОРЬ. Еще десять месяцев мехины – подготовки к поступлению в ВУЗ, и после экзаменов перед нами открыта дорога в любой университет страны!

ВЕРА (обнимая и целуя Асю). Поздравляю, дорогая! В добрый путь!

САША (обнимая Асю). Поздравляю! Я никогда не сомневался в тебе!

АРОН. А в выборе профессии вы уже определились?

ИГОРЬ. Вполне! Я, например, пойду по компьютерной части! Спрос на компьютерщиков сейчас велик!

АСЯ. А мне больше нравится дизайн. Люблю создавать красоту дома и в пространстве!

АРОН. Одобряю. Профессии очень нужные!

ИГОРЬ. Это еще не все! (Смотрит на Асю). Мы приготовили для вас сюрприз!

МАРИНА. Какой же, сынок?

ИГОРЬ (торжественно). Я официально при всех делаю Асе предложение выйти за меня замуж!

Всеобщее оцепенение.

МАРИНА. Ну и сюрприз ты мне предподнес!

АБРАМ. А что? Я ничего не имею против Аси! Вполне достойная, умная и красивая девушка!

АСЯ (Марине). Вы на меня до сих пор сердитесь?

МАРИНА. Моему сыночку сделали обрезание! Я знаю, чья это работа!

АРОН. Вы должны быть благодарны ей за эту работу!

АСЯ. Я буду любить вас не меньше, чем вашего сына!

МАРИНА. Ну, это уже совсем другое дело! Если так, то я не буду возражать против выбора моего сына.

ВЕРА. Если молодые сами выбрали друг друга, что еще можно сказать? Только благословение на брак! Ведь им жить вместе, а не нам! (Целует Асю и Игоря).

ИГОРЬ. А теперь я хочу спеть в честь Аси знаменитую песню «Бессаме мучо» (поет).

АСЯ. Bravo, Игорь!

Все дружно аплодируют.

МАРИНА. Смотри, у моего сына прорезался голос!

АРОН. Еще одно ханукальное чудо!

САША. Не скрою, у меня были сомнения в отношении будущего жениха Аси. Слишком много развелось всяких аферистов, мошенников и проходимцев. Но я вижу, что Игорь не из их числа. Парень вполне достойный, надежный, кующий свое будущее. Даю свое благословение (целует Асю и Игоря). Но со свадьбой, думаю, не стоит торопиться!

АРОН (радостно). Мы присутствуем при рождении еще одного ханукального чуда – чуда любви! И я готов вам сделать свадьбу с хупой по самому высшему разряду! Но не раньше, чем Вера и Ася пройдут гиюр!

АСЯ. Мама, а что, если ты с папой снова оформите свой брак через хупу?

АРОН. Это было бы замечательно!

ВЕРА. А почему бы и нет?!

САША. Надо будет подумать...

АБРАМ. В принципе, я тоже готов, Марина, встать с тобой под хупу!

МАРИНА. Ты готов, а я не готова! Должна подумать!

Всеобщий смех.

АРОН. Сегодня, друзья, мы стали свидетелями множества необыкновенных чудес! И у нас есть повод выпить за это!

МАРИНА. Даже трудно в это поверить!

АРОН. Что вы хотите? Мы живем в стране чудес! Это Израиль! Выпьем за то, чтобы чудеса на этой земле никогда не кончались! Лехаим!

Все дружно чокаются и выпивают бокалы.

ВЕРА. Налегайте, друзья, на еду!

Звонок в дверь.

ВЕРА. К нам звонок. Кто это может быть?
(Ася вскакивает с места и бежит к двери). Мама, сиди, я открою!

*Ася открывает дверь, в которой появляется соседка по этажу
Нина Васильевна, держа в руках пустую кастрюлю.*

АСЯ. Нина Васильевна? Хаг sameax! Заходите, пожалуйста. (Закрывает дверь).

НИНА ВАСИЛЬЕВНА (кланяясь, ласково). Добрый вечер! С наступающим Новым годом! Извините за беспокойство! Верочка, я пришла попросить у вас немного картошки. Только сейчас спохватилась, а в магазин идти уже поздно.

ВЕРА. Добрый вечер! О чем речь, Нина Васильевна! Берите, сколько угодно!

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. А мне много не надо. Вот в эту кастрюльку.

ВЕРА. Ася, положи картошку Нине Васильевне.

АСЯ (берет кастрюлю). Сию минуту, мама! (Забирает кастрюлю, вытаскивает из холодильника картошку, заполняет ею кастрюлю и протягивает ее Нине Васильевне). Пожалуйста! Вот и картошка!

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Большое спасибо! (Собирается уходить). С наступающим!

ВЕРА. А, может, вы останетесь, Нина Васильевна? Посидите с нашими гостями, покушайте, и вместе встретим Новый год!

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Спасибо за приглашение! Что мне одной старухе делать? С удовольствием посижу с вами!

ВЕРА. Только принесите свой стульчик, а то у нас дефицит со стульями. Ася вам поможет.

АСЯ. Вне всякого сомнения! (Выходит с Ниной Васильевной из комнаты).

МАРИНА. А кто это к вам приходил?

ВЕРА. Это наша соседка по этажу Нина Васильевна. Увы, одинокая женщина. Муж умер, а взрослый сын с семьей в Америке.

АРОН. Что-то мне ее лицо кажется знакомым... откуда она?

ВЕРА. Как и вы, из Симферополя. Всю жизнь проработала воспитательницей в детском саду.

АРОН. Боже мой!.. Неужели эта та самая Нина Васильевна?

В комнату возвращаются Ася со стульчиком и Нина Васильевна.

АСЯ. А вот и мы! Где бы вы хотели сесть, Нина Васильевна?

НИНА ВАСИЛЬЕВНА (показывая рукой на место рядом с елкой, укрытой покрывалом). Да хотя бы здесь (садится на стульчик, поставленный Асей). Спасибо, дорогая. (Всем). Еще раз добрый вечер! С наступающим!

ВЕРА. Познакомьтесь с нашими гостями. Абрам – пианист, профессор музыки из Симферополя. (Не может сдержать улыбки). Марина – его жена, бывший директор комбината бытового обслуживания.

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Сколько моих земляков! А в ваш комбинат я не раз приносила в химчистку свои вещи.

ВЕРА. Игорь – их сын. Поступил на мехину для подготовки в институт. А это Арон – учащийся ешивы, будущий рав! Тоже из Симферополя.

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Еще один земляк! Будем знакомы!

АРОН. А мне кажется, что мы уже знакомы...

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Каким образом?

АРОН. До школы маленьким я ходил в детский садик, в котором вы были воспитательницей!

НИНА ВАСИЛЬЕВНА (сильно обрадовавшись). Так вы тот самый Арончик, который два года ходил в мою группу в детском саду! Какая радость! Как ты повзрослел с тех пор! Дай я тебя поцелую!

НИНА ВАСИЛЬЕВНА, отодвинув стул, вскакивает из-за стола, подбегает к Арону и целует его. В этот момент с елки спадает задетое стулом покрывало.

НИНА ВАСИЛЬЕВНА (кричит). Ой, что я вижу – новогоднюю елку! Какая радость! Да еще так красиво украшена и с Дедом Морозом!

АРОН (вскакивает из-за стола и подбегает к елке). Какая елка? (В отчаянии) Откуда елка?

ВЕРА. Арон... Нам крайне неловко... Простите...

АСЯ. Но мы не можем встречать Новый год без елки... Простите нас...

АРОН (возмущенно). Немедленно убрать елку! Это кощунство! Язычество! Идолопоклонство! Пережиток прошлого!

НИНА ВАСИЛЬЕВНА (кричит). Ни в коем случае не убирать! Елку с Дедом Морозом поставить в центре комнаты!

САША (переставляя елку к центру комнаты). Это можно! Елке подобает быть в центре внимания. И Деда Мороза рядом!

АРОН (почти плача). Нина Васильевна! Разве так можно?

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Да, можно! Или ты забыл, как в садике в новогодний праздник у тебя кто-то из детей отнял Деда Мороза, как ты плакал и как обрадовался, когда я тебе вернула его?

АРОН. Не помню!

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. А еще я помню, какой у тебя был звонкий голосок, когда ты пел с воодушевлением со всеми детьми песню о елке. Предлагаю сейчас всем вместе спеть песню о елочке!

АРОН (в отчаянии). Только без меня!

Все, кроме Арона, взявшись за руки и кружась вокруг елки, поют:

Елочке, елочке холодно зимой.
Из лесу елочку взяли мы домой,
Из лесу елочку взяли мы домой!

АРОН (кричит). Вы прекратите это безобразие? Это настоящее кощунство!

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Не прекратим! Потому что это не кощунство, а встреча Нового года!

АРОН (в отчаянии). Но это язычество, идолопоклонство, пережиток прошлого!

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Можно я буду звать тебя по старой памяти Арончиком? Может, ты присоединишься к нам? Ты так голористо пел в детском саду песню о елочке! Присоединяйся!

АРОН. Никогда!

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Арончик, милый! Прошу тебя! Доставь старухе радость! Ну чего тебе стоит! (Берет Арона за руку и ставит его в хоровод вокруг елки).

АРОН (плачущим голосом). Ладно, только ради вас, Нина Васильевна!

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Я начинаю петь, а вы все ко мне присоединяйтесь:

В лесу родилась елочка,
В лесу она росла,
Зимой и летом стройная,
Зеленая была!

Все дружно аплодируют. По окончании песни Арон в изнеможении садится за стол и, опустив голову, обхватывает ее руками.

АРОН (жалобным голосом). Все! Я пропал! Что мне делать? Я согрешил против Бога, и мне теперь никогда не быть равом!

Все становятся вокруг Арона, пытаются его утешить.

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Ты напрасно так убиваешься, Арончик. Ведь никто не узнает, что ты танцевал и пел с нами песню о елочке.

АРОН (показывая пальцем на небо). От него ничего не скроешь. Он все видит и слышит!

ВЕРА. Но Бог добр, милосерден и милостив! Он простит, обязательно простит. Особенно в Йом-Кипур!

АРОН. Но до Йом-Кипура еще далеко – девять месяцев!

АБРАМ. Время пролетит быстро и незаметно, и вы, Арон, обязательно станете равом!

МАРИНА. Это мицва! Доброе дело!

ИГОРЬ. Арон, успокойтесь, пожалуйста! Наш Бог милосердный и всепрощающий. Он простит, обязательно простит!

АСЯ. Да, дорогой Арон! Вне всякого сомнения!

САША. Милостивый государь, послушайте! От того, что мы встречаем Новый год у елки, мы не перестаем быть евреями. Сделав бритмилу, мы заключили вечный нерушимый союз с Богом! Еврей – это звучит гордо! Он светоч всего прогрессивного человечества! А я сейчас я предлагаю разлить и выпить шампанское за Новый год! (Достает из холодильника шампанское и разливает по бокалам). Это вам, Арон! (Протягивает Арону бокал с шампанским).

АРОН (отрицательно мотая головой). Не буду!

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Арончик, мы все просим вас! Это большой грех не выпить за Новый год!

МАРИНА. Выпейте с нами! Бог не будет на вам сердиться!

АРОН. Ладно. Только ради вас. (Берет бокал в руки).

САША (торжественно). Поднимаю этот тост за Новый год, за то, чтобы он всем нам принес счастье, радость, удачу и исполнение наших желаний!

АБРАМ. Ура! Лехаим!

Все, включая Арона, чокаются и дружно пьют.

НИНА ВАСИЛЬЕВНА (Беря с пола Деда Мороза и протягивая его Арону). Арончик, возьми своего любимого Деда Мороза!

АРОН (беря и бросая Деда Мороза в сторону). Не надо мне вашего Деда Мороза!

ВЕРА. А теперь я предлагаю спеть и потанцевать под новогоднюю песенку «Пять минут» в исполнении Владимира Фридмана! Забавная смесь иврита и русского! Слова В. Серебро. (Включает диск).

Вначале песня звучит тихо, потом громче и громче. Петь на мелодию "песенки про 5 минут".

Этот шир я буду петь хамеш дакот.
Фрайер, кто со мной бэяхад не поет.
Баолам пусть мецальцелит,
Моах всем замевальбелит,
Этот шир шели про Новый Год.
В эту ночь ба лайла может каждый иш
С этой песенкой пойти гулять на квиш.
На гитаре вам сыграет,
На паним хиюх сияет,
Ведь хаим яфим не запретишь.

Алевой, алевой,
Коль царот уйдут куда-то.
Наливай, наливай!
С Новым Годом вас, ребята!

Дед Мороз игия к нам на месибу.
Не забудет он на рош надеть кипу,
Матанот раздаст в саките,
Вы его рак техаките,
Не томите свою судьбу!

Новый Год яво элейну без преград,
Этот хаг не одобряет раввинаг,
Но давайте же, евреи,
Его встретим веселее!
Ам Исраиль хай и очень рад!

Вот барух-ха-шем и песенке конец,
И огнями засиял зеленый эц.
С Новым Годом поздравляю
И амон мазаль желаю.
А кто шир дослушал – молодец!

Алевой, алевой,
Коль царот уйдут куда-то.
Наливай, наливай!
С Новым Годом нас, ребята!

НИНА ВАСИЛЬЕВНА (подходит к Арону). Арончик, дорогой!
Приглашаю тебя на белый танец!

АРОН (поднимая голову). Какой танец?

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Белый!

АРОН (решительно). Нет, даже не просите!

НИНА ВАСИЛЬЕВНА. Арончик, ты в детском саду так чудесно танцевал! Потанцуй еще раз со мной! Приглашаю тебя на белый танец! Уважь меня, старуху!

САША (умоляющим голосом). Мы все просим вас! Ради Нины Васильевны!

МАРИНА. Бог будет только доволен вами!

АРОН (колеблясь и обводя всех взглядом). Ладно! Уговорили! (Вдруг махнув рукой, решительно). Эх, была, не была! Буду танцевать! Что делать? Это Израиль!

АРОН подымается из-за стола, берет за руку и талию Нину Васильевну и лихо танцует с нею фокстрот под новогоднюю песенку. Затем к ним в общий танец-хоровод присоединяются три пары – Саша и Вера, Абрам и Марина, Игорь и Ася, которые все дружно подпевают новогоднюю песенку.

Конец второго действия.

Занавес.

Содержание

<i>От автора</i>	4
Место под солнцем	6
Он и Она в отсутствии скамейки	72
Кафе для двоих	86
Это Израиль!	106

